

THOUGHT BEGETS HERESY HERESY BEGETS RETRIBUTION

XENOS

BOOK ONE OF THE EISENHORN TRILOGY BY DAN ABNETT

WARHAMMER
40,000

Annotation

Новая книга из популярного сериала «Бархаттер».

Он сотрудник одного из самых загадочных ведомств Империи. Он решителен и неумолим в исполнении своего долга и не колеблясь пожертвует тысячами душ, если это спасет миллионы. Его отношение к предателям, ксеносам, еретикам изматывается только израсходованными обоями. А его сны... Впрочем, неважно, чем заполнены его сны.

Он холоден, безжалостен и чисто выбрит.

Он Грегор Эйзенхорн.

Инквизитор.

-
- [Дэн Абнетт](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 -
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)

- [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Эпилוג](#)
-

Дэн Абнетт Орго Ксенос

Посвящается
Парсонсу

Джону

Размышления порождают
ересь. Ересь порождает
возмездие.

Пролог

ПО ПРИКАЗУ ЕГО
НАИСВЯТЕЙШЕСТВА
БОГА-ИМПЕРАТОРА
ТЕРРЫ
ЗАКРЫТОЕ ДОСЬЕ
ИНКВИЗИЦИИ
ДОСТУП ТОЛЬКО
ДЛЯ
АВТОРИЗОВАННЫХ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ
ДЕЛО: 112:67 В: АА6Хad

Пожалуйста, введите
авторизационный код
* * * * *

Идентификация...
Благодарю вас,
инквизитор. Можете
продолжать.

УСТНАЯ
РАСШИФРОВКА
ДОКУМЕНТА ВИДЕОЗАПИСИ

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ:
МАГИНОР
ДАТА: 239. М41
ПОЛУЧЕНО С
ПОМОЩЬЮ СЛУЖЕБНОГО
ЗАПИСЫВАЮЩЕГО МОДУЛЯ
РАСШИФРОВАНО
ЭЛЕДИКСОН, НАУЧНЫМ
СОТРУДНИКОМ ОРДО
ЕРЕТИКУС В ЛИБРАРИУМЕ
СВЯЩЕННОЙ ИНКВИЗИЦИИ,
РАСПОЛОЖЕННОМ НА ФИБО
СЕКУНДУС. ГОД: 240. М41

[Белый шум
видеодокумента пропадает].
Темнота. Вдалеке стонет от
боли человек. Вспышка света
[возможно, лазерный залп].
Топот бегущих ног.

Записывающий модуль
движется, ищет, грозит.
Какие-то каменные стены, в
сильном увеличении. Еще одна
вспышка, более яркая, ближе.
Крик боли [источник

неизвестен]. Чрезвычайно яркая вспышка [потеря картинки].

[Изображение неотчетливо в течение 2 минут 38 секунд; сохраняется некоторый фоновый шум.]

Человек [(1)] в глинной мантии что-то кричит, подбегая к модулю видеозаписи [речь невосстановима]. Окружение: темные каменные стены [туннель? гробница?]. Идентифицировать (1) не удается [видна только часть лица]. Записывающий модуль движется вплотную за (1), показывая, как (1) вытягивает энергетический молот из петли на бедре под мантией. Когда (1) сжимает рукоять, дается увеличение на его руки. Кольцо инквизитора крупным планом. (1) поворачивается [лицо накрывает тень]. (1) начинает говорить.

ГОЛОС

(1): Внутрь!

Внутри, во имя всего святого!
Входите и [слова перекрывает
шум]... ублюдочное чудовище к
смерти!

Еще вспышки света, теперь
их можно с точностью опознать
как близкие лазерные залпы.
Фильтры служебного модуля не
в состоянии справиться с ярким
светом [изображение засвечено].

[Картинка остается белой
в течение 0 минут 14 секунд;
потом медленно возвращается].

Движение через высокий
каменный вход в какое-то
внутреннее по размерам
помещение. Вокруг грубо
обработанный серый камень.
Модуль видеозаписи показывает
панораму. Заваленный трупами
дверной проем и крутые
ступени, ведущие вниз. Тела
серьезно повреждены и
искорежены. Камни покрыты
кровью.

ГОЛОС [(1)-?]: Где ты? Где

ты? Покажись!

Модуль видеозаписи движется внутрь. Слева его обходят два размытых человеческих силуэта. Остановка видеозаписи позволяет определить, что один из них [субъект (2)] — крупный мужчина, приблизительно 40 лет, облаченный в доспехи Имперской Гвардии [отличительных и опознавательных знаков нет], на лице его видны многочисленные шрамы [старые]. Он вооружен тяжелым стаббером с ленточной подачей патронов. Другой силуэт [субъект (3)] принадлежит стройной женщине приблизительно 25 лет, тело которой выкрашено в синий цвет и покрыто татуировками, одета она в облегающую броню, характерную для прошедших инициацию в Культ Смерти

Моритүри, и воорүжена
силовым кинжалом [длина
клинка примерно 45 см].

Размытые очертания (2) и
(3) сдвигаются за пределы
видимости. Модүль видеозаписи
поворачивается, давая вид сбоку
на (2) и (3), вступивших в
стремительную схватку с
противниками, находящимися
несколькими стүпенями ниже.
Им противостоят: шесть
человек с кибербионическими
имплантатами, два мүтанта,
три боевых сервитора
[детальное описание
конструкции есть в
прилагающемся файл-отчете].
(2) стреляет из тяжелого
стаббера [помехи на звуковой
дорожке].

Два противника
человеческого происхождения
изрешечены [остаточный дым
затеняет изображение]. (3)
отсекает мүтанту голову,

отпрыгивает назад [далее
следует транскрипционное
предположение, поскольку
модуль видеозаписи слишком
медлителен, чтобы успеть
проследить за ней] и пронзает
противника человеческого
происхождения. Источник
изображения спускается ниже
[картинка трясется].

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:
Маниша! Левее! Ле...

Модуль видеозаписи
успевает частично захватить
то, как субъект (3) поражают
многочисленные энергетические
залпы. (3) бьется в конвульсиях и
взрывается. Линзы модуля
забрызганы кровью, картинка
затуманена [объектив
вытирают]. (2) вопит,
выдвигаясь вперед и стреляя из
тяжелого стаббера. Внезапный
эффект перекрестного
лазерного огня [лазерная
вспышка ослепляет оптику

модуля].

[Различные источники шума, нечеткие голоса, крики].

[Изображение возвращается].

(1) прямо перед модулем видеозаписи устремляется в просторное ровное помещение, освещаемое зелеными химическими лампами [лицо оказывается на свету на 0,3 секунды]. Субъект (1) достоверно идентифицирован как инквизитор Гетрис Люгенбро.

Л Ю Г Е Н Б Р О : Квиксос! Квиксос! Все здесь я предаю мечу и очищающему пламени! Выходи, тварь! Выходи, ублюдок!

ГОЛОС [неопознанный]: Я здесь, Люгенбро. Хамагар ждет.

Люгенбро (1) выходит из кадра. Источник изображения разворачивается, давая панораму. Картинка трясется. По полам помещения разбросаны

части тел [совмещение
позволяет определить один из
девяти трюнов как (2)]. Мощные
взрывы поблизости. Изображение
колеблется, модуль
заваливается набок.

[Пробел в течение 1
минуты 7 секунд. Значительный
фоновый шум].

[Картинка возвращается].

Слева частично виден
сражающийся Люгенбро (1).
Остаточное свечение от ударов
энергетического молота
задерживается в кадре
несколько секунд.

[Картинка нечеткая].

Модуль видеозаписи
поворачивается,
сосредоточиваясь на Люгенбро.
Уинквизитор сражается с
неизвестным противником.
Движения слишком
стремительны, чтобы модуль
мог сохранить четкость
изображения. Изображение

размыто. С правой стороны кадра приближаются фигуры людей [неизвестные, возможно солдаты противника]. Головы людей взрываются. Тела падают.

[Засвеченные кадры. Модуль отключается. Продолжительность паузы неизвестна].

[Картинка возвращается с дефектами]. Земля и стены сотрясаются. Перекосировка, все размыто. Модуль видеозаписи снова находит Люгенбро и его противника [клубы дыма застилают обзор]. Бой, как и прежде, слишком стремителен для четкой картинки. Сильный фоновый шум. Пылающий росчерк [предположительно клинковое оружие] пронзает Люгенбро. [Изображение колеблется, частично теряется картинка.] Люгенбро сжигает [изображение

засвечено].

[Пауза.

Продолжительность
неизвестна].

[Изображение
возвращается].

Крупным планом лицо,
глядящее в камеру. Определение
невозможно. Субъект (4) ---
привлекательный мужчина с
безупречными чертами. Он
улыбается, его глаза пусты.

ГОЛОС (4): Привет,
малышка. Я Черубаэль.

Вспышка света.

Крик [предположительно
исходит от оператора модуля].

[Изображение исчезает.
Конец записи].

Глава первая ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ СМЕРТЬ В ХРАНИЛИЩАХ СНА НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПУРИТАНСТВЕ

Я прибыл на Снесь в сезон
Бездействия в 240.М41, как утверждал
Имперский сидерический календарь, в
поисках рецидивиста Мургина Эйклона.
Бездействие длится одиннадцать из
двадцати девяти месяцев лунного года
Снеси, и единственные, кто подают
признаки жизни в это время, — это
облаченные в теплые одеяния хранители
со своими светящимися посохами,
патрулирующие окрестности гробниц
губернции.

Внутри этих холодных мавзолеев, выстроенных из темного базальта и кератита, снят вельможи Снеси и видят сны об Отменели — сезоне между Бездействием и Живительностью.

Сам воздух был ледяным. Инкрустированные изморозью гробницы и покрытая толстой коркой льда, лишенная каких-либо примет земля. Над головой, в бесконечной ночи, мерцали звезды. Одна из них являла собой солнце Снеси, столь далекое в это время. Только с приходом Отменели планета вернется в теплые объятия своей звезды, и тогда ее солнце станет пылающим шаром. А пока это только светящаяся пылинка.

Когда мой боевой катер опустился на посадочную площадку в Долине Гробниц, я натянул облегающий комбинезон с внутренним подогревом и закутался в накидку, защищающую от этой отвратительной погоды. Но тем не менее смертельный холод все равно впился в меня. Глаза заслезились, и слезы тут же стали превращаться в ледяные бусины на ресницах и щеках. Я вспомнил краткий

доклад о местных условиях, подготовленный моим архивистом, и быстро опустил забрало шлема. Озноб почему-то стал сильнее, когда теплый воздух начал циркулировать под пластиковой маской.

Хранители, извещенные о моем прибытии через астронавтов, ожидали меня у посадочной площадки. Они почтительно склонили свои светящиеся посохи, и в этой морозной ночи было видно, как от их плащей поднимается пар. Я кивнул им, показывая главному знак, подтверждающий мои полномочия. Нас ожидал айсмобиль — окрашенная в цвет ржавчины двадцатиметровая стрела, покоящаяся на полозьях и шипованных гусеницах.

Машина потчала меня от посадочной площадки, позади остались мигающие сигнальные огни и мой боевой катер, похожий очертаниями на кинжал.

Зубчатые гусеницы поднимали заносы бурячки терзлого снега. Фары освещали небольшое белое пятно, окруженное непроницаемой стеной

черноты. Вместе с Лорес Виббен и тремя хранителями я ехал в кабине, озаряемой только янтарным свечением приборов на панели управления. Обогреватели, встроенные в кожаные сиденья, выдыхали теплый затхлый воздух.

Хранитель передал Виббен информационный планшет. Она мельком взглянула на него и отдала мне. Я сообразил, что забрало моего шлема все еще опущено. Я погнул его и принялся шарить по карманам в поисках очков.

Виббен с улыбкой вытащила их из кармана своего облегающего плотного комбинезона. Я благодарно кивнул, водрузил их на нос и приступил к чтению.

Когда айстобиль остановился, я как раз вызвал на экран последние страницы текста.

--- Молитвенник Два-Двенадцать, --- объявил один из хранителей.

Мы вышли из машины, снова опустив забрала.

Морозные хлопья кружились в обступающей нас темноте и искрились в свете фар айстобилей, сверкая подобно

драгоценным камням. Я знал, что меня ждет куда более жестокий холод. И, во имя милосердия Императора, не хотелось мне снова испытать его. Мороз кусался, обжигал, горчил на языке. Каждый сустав моего тела протестующе скрипел.

Тело и сознание словно медленно цепенели.

И это было нехорошо.

Молитвенник Два-Двенадцать являл собой мавзолей губернации в западном конце огромной Имперской Аvenues. В нем размещалось двенадцать тысяч сто сорок два члена правящей элиты Спеси.

Мы приблизились к огромному склепу и стали подниматься по черным, затметенным снегом ступеням.

Я остановился:

--- А где хранители гробницы?

--- Совершают обход, --- был ответ.

Я взглядел на Виббен и покачал головой. Ее рука скользнула под мантию, подбитую мехом.

--- Они знали о нашем прибытии? --- спросил я, снова обращаясь к хранителю. --- Знали, что мы ожидаем встречи?

— Я проверю, — сказал хранитель, который передавал планшет.

Он продолжил подъем по ступеням, и фосфорное свечение его посоха загрозило. Другим, похоже, стало не по себе. Я кивком погрозил Виббен, чтобы она держалась поблизости, и пошел за проводником.

Мы догнали его на нижней террасе и обнаружили взирающим на лежащие тела четырех хранителей, чьи светящиеся посохи с шипением угасали поблизости.

— Как? — Он запылся.

— Отойди, — произнесла Виббен, вытаскивая оружие.

Крошечная янтарная рюна, означающая «Взвод», засияла в темноте.

Я обнажил свой меч и включил его. Клинок хищно загудел.

Южный вход в гробницу был открыт нараспашку. Оттуда вырывались сверкающие копья света. Все мои опасения наперебой торопились оправдаться.

Когда мы вошли, Виббен повела из стороны в сторону дулом пистолета. Зал оказался узким, с высоким потолком.

освещенным сферическими лампами. Врывающийся снаружи ветер забивал снежные буранчики на отполированном базальтовом полу.

В нескольких метрах от входа в затерзшей луже крови лежал еще один мертвый хранитель. Мы перешагнули через него. От главного коридора в разные стороны расходились проходы, ведущие вдоль гладких базальтовых чертогов, где располагались ряды крионических камер.

Мы шли словно по самоту огромному торгу во всем Империи.

Виббен беззвучно встретила меня направо, а я пошел влево.

Признаюсь, что к этому моменту я был сильно взбуроражен, — мне не терпелось покончить с делом, которое так долго не давало мне покоя. Эйклон ухитрялся убежать от меня в течение целых шести лет! И каждый день из этих шести лет я изучал его почерк. И каждую ночь видел сны о нем.

А теперь я мог почувствовать даже его запах.

Я поднял забрало.

С потолка капала вода. Вода
Оттепели. Внутри становилось теплее.
Кое-где ступенные силуэты уже
зашевелились в своих ледяных камерах.

Рано! Слишком рано!

Первый человек Эйклона вышел на
меня из западного коридора. Я развернулся
и отсек ему голову, прежде чем он успел
опустить свой ледоруб.

Второй напал на меня с юга, третий
--- с востока. А затем атакующих стало
еще больше. Толпа.

Во время сражения я услышал звуки
яростной перестрелки из хранилищ справа.
У Виббен неприятности.

Я слышал ее голос по воксу:

--- Эйзенхорн! Эйзенхорн!

Я развернулся и снова ударил. Все
мои противники были тепло одеты и
сжимали ледорубы, в умелых руках
представлявшие собой серьезное оружие. Их
темные глаза казались остекленевшими,
но двигались эти люди быстро. Хотя что-то
то в манере их движения заставляло
считать, что они действуют бездумно, по
чьему-то приказу.

В моей руке пел энергетический меч,
древнее, благородное и изящное оружие,
благословленное самим Ректором Ункса.
В пять резких взмахов он переправил моих
врагов из мира живых в ад. От луж крови в
воздух поднимался пар.

--- Эйзенхорн!

Я развернулся и побежал, громко
шлепая по залитому талой водой коридору.
Впереди опять раздались выстрелы. А
затем крик на вдохе...

Виббен лежала лицом вниз поперек
трубы морозильника, быстро застывающая
кровь приклеила ее к протерзшему
пластику. Восемь приспешников Эйклон
лежали вокруг. Ее оружие валялось чуть
поодаль от ее вытянутой руки, а рядом ---
израсходованная обойма.

* * *

Мне сорок два стандартных года, по
имперским меркам я нахожусь в полном
расцвете сил, и я молод по меркам

инквизиции. Всю свою жизнь я обладал репутацией холодного, черствого человека. Некоторые называли меня безжалостным, бессердечным, даже жестоким. Это не так. Я никогда не находился за границами эмоциональности или сострадания. Но я обладаю (и мое начальство считает это основным моим достоинством) исключительной силой воли. Она хорошо служила мне в моей карьере, позволяя спокойно и неустрашимо справиться с любым злом, какое могло возникнуть в этой несчастной галактике. Я просто не мог позволить себе роскошь чувствовать боль, страх или печаль.

Лорес Виббен служила со мной в течение пяти с половиной лет. За это время она дважды спасала мне жизнь. Она считала себя моим помощником и телохранителем, хотя, по правде говоря, в большей степени была моим компаньоном и другом по оружию. Когда я завербовал ее в клановых трюцобах Торниша, то сделал это из-за ее боевых навыков и звериной силы. Но не менее ценны для меня были ее острый ум, находчивость и холодная

рассудительность.

Я посмотрел на тело и, кажется, даже прощентал ее имя.

Затем я погасил энергетический меч и, загвинув его в ножны, вернулся в тень коридора. Кроме учащенного звона капли, ничего не было слышно. Вытащив пистолет из кожаной кобуры под левой подмышкой, я проверил обойму и включил вокс. Эйклон, несомненно, контролировал все входящие и исходящие передачи в Молитвеннике Два-Двенадцать, так что я воспользовался глоссией -- неофициальным устным шифром, известным только мне и моим ближайшим сотрудникам. Многие (если не большинство) инквизиторы развивают свои личные языки для конфиденциального общения, один сложнее другого. Глоссия, основы которой я разработал десятью годами ранее, была удивительно сложной и органически развивалась по мере необходимости.

-- Шип запрашивает эгиду, восторженные звери под ним.

-- Эгиды поднимается, костического

цвета. — Бетанкор ответил немедленно и точно.

— Розы шипы обильны, во имя пламенного света полумесеца.

Пауза.

— Во имя пламенного света полумесеца? Прошу подтвердить.

— Подтверждаю.

— Путь фаянсовой бритвы! Изображение цвета слоновой кости!

— Изображение отклонено. Изображение сурового испытания.

— Эгида поднимается. Конец связи. Он уже в пути.

Бетанкор принял известие о смерти Виббен настолько тяжело, насколько я и предполагал. Но это не должно отразиться на его работе. Мигас Бетанкор вспыльчивый и порывистый человек, за что я его, отчасти, и люблю. И использую.

Я снова вышел из тени. Моя облаченная в перчатку рука чувствовала успокаивающую тяжесть пистолета модели «Сципио», стоящего на вооружении в Военном флоте. Тусклый хромированный корпус с инкрустированными щечками из

слоновой кости на рукоятке, в пружинной обойме — десять пуль, каждая из которых представляла собой надежный пресекатель человеческой жизни. Еще четыре полные обоймы лежали в моем набедренном кармане.

Не вполне точно, где именно я приобрел «Сципио». Он прослужил мне уже несколько лет. Однажды ночью, года за три до сегодняшней, Виббен выиграла потертые керамитовые щечки рукоятки с фабричной штамповкой и девизом Военно-костического флота, заменив их собственноручно гравированными щечками из слоновой кости. «Обычная практика на Торнише», — сообщила она мне, возвращая оружие на следующий день. На новых щечках было довольно примитивное изображение человеческого черепа с прорастающей сквозь глазницу розой, с шипов которой капала кровь. В эти капельки Лорес инкрустировала пунцовые драгоценные камни, дабы пресечь сомнения в том, что это именно кровь. Под черепом корявыми буквами она выцарапала мое имя.

Я растеялся тогда. Порой я просто-напросто стеснялся вытаскивать это по-бандитски разукрашенное оружие.

Теперь же, когда Виббен мертва, я понимаю, какой чести и какой преданности был удостоен.

Я поклялся себе, что убью Эйклона из этого оружия.

* * *

Являясь преданным слугой Священной Инквизиции Его Величества Бога-Императора, я вывожу свою философию от амалатиан. Со стороны члены всех наших орденов кажутся весьма похожими на инквизитора — он всегда инквизитор. Многие удивляются, узнав, что внутри мы расколоты резко различающейся идеологией.

Это озадачивало Виббен. Как-то мне даже пришлось потратить целый день, пытаясь втолковать ей разницу. В этом предприятии я потерпел фиаско.

Если говорить простыми словами, то некоторые инквизиторы являются пуританами, а некоторые -- радикалами. Пуритане с верой проводят в жизни традиционные положения Инквизиции очищая наше галактическое сообщество от всяких преступных или враждебных элементов триумvirата зла -- иных рас, мутантов и демонов. Все, что не является чистокровным человечеством, не поддается проповедям Министорула и противоречит положениям Имперского законодательства, оказывается в поле внимания инквизитора-пуританина. Бескомпромиссность, верность догме, безжалостность -- вот путь пуритан.

Радикалы полагают, что допустимы любые методы, если они позволяют выполнить поставленную Инквизицией задачу. А некоторые, как я понимаю, принимают и используют запрещенные ресурсы -- даже сам варп -- в качестве оружия против врагов человечества.

Мне достаточно часто приходилось слышать их аргументы. И они пугают меня. Вера радикалов еретична.

Я пуританин по призванию и амалатианин по выбору. Крайне строгие пути монодолинантной философии также частенько соблазняют меня, но в их методах слишком мало драгоценной тонкости, так что это не мой путь.

Амалатиане ведут свое название от горы Амалат. Мы стараемся поддерживать статус-кво Умпериума, занимаемся поиском и истреблением любых существ или сообществ, способных destabilизировать положение в Умпериуме, вне зависимости от того, находятся ли они в ее пределах или вовне. Мы верим в силу единения. Перемены — наш самый большой враг. Мы полагаем, что у Бога-Умператора есть некий священный план, и поддерживаем стабильность в Умпериуме до тех пор, пока этот план не будет озвучен. Нам жаль, что в рядах Унквизиции произошел раскол и идет внутренняя борьба. Да и в самом деле, иногда кажется какой-то глупой шуткой то, что наши верования определяют нас просто как одну из фракций политической пирамиды.

Инквизиции.

Мы — надежный хребет Империи, его именная система, мы сражаемся с болезнями, безумием, разрухой и диверсиями. И мне кажется, что нет лучшей службы и нет ничего лучше, чем быть инквизитором.

Итак, теперь вы имеете обо мне представление. Грегор Эйзенхорн, инквизитор, пуританин, аталантианин сорока двух стандартных лет, состоящий в должности инквизитора в течение последних восемнадцати лет. Я высок и широк в плечах, силен, решителен. О силе своей воли уже говорил, и о моих бойцовских навыках вы тоже имеете представление.

Что еще? Чисто ли я выбрит? Да! У меня темные глаза, а волосы еще темнее и весьма густы. Впрочем, это практически не имеет значения.

Так что позвольте мне продолжить и рассказать, как я убил Эйклона.

Глава вторая ПРОВУЖДЕНИЕ МЕРТВЫХ ХАРАКТЕР БЕТАЙКОРА РАЗЪЯСНЕНИЯ ЭТОСА

Я держался тени, пробираясь по огромной гробнице настолько тихо, насколько хватало мастерства. Но оттаивающим хранилищам Молитвенника Два-Двенадцать разносились кошмарные звуки: стук лагоней и кулаков, бьющих по крышкам гробов, стоны, приглушенные вопли. Бұльканье.

Души спящих возвращались в свои заточенные в гробах тела, страдающие от последствий губернации. Но их не

встречал почетный караул, состоящий из обученных криоинженеров, чтобы отпереть их, омыть их органы специальными биосоставами, ввести стимуляторы и разогнать застоявшуюся кровь.

Благодаря усилиям Эйклона двенадцать тысяч сто сорок два члена правящей элиты планеты пробудились раньше положенного срока, во время сурового сезона Бездействия, пробудились без необходимого медицинского сопровождения.

У меня не было никаких сомнений, что все они задохнутся в считанные минуты. Я вспоминал детали доклада, подготовленного моим помощником. В этом месте существовала центральная диспетчерская, откуда можно было открыть затки морозильных камер и, по крайней мере, всех освободить. Но ради чего? Без реанимационных бригад они все равно погибнут.

И пойдя я в диспетчерскую, у Эйклона появилось бы время сбежать.

Кодом глоссии я объяснил это

затруднительное положение Бетанкору, приказав ему передать мои слова хранителям. Он сообщил мне после некоторой паузы, что аварийные и медицинские бригады уже в пути.

Но зачем? Этот вопрос по-прежнему оставался в силе. Зачем Эйклон совершил это?

Массовое убийство не было чем-то необычным для последователей Хаоса, но должен же существовать какой-то повод помимо удовлетворения своих садистских наклонностей?

Я раздумывал над этим, пока пересекал прилегающую галерею, значительно углубившись в западное крыло Молитвенника Два-Двенадцать. Из всех камер вокруг раздавался ужасный стук, а из дренажных трубок стекала и заливала полы смесь талой воды и биосоставов.

Прозвучал выстрел. Лазерный залп. Он прошел от меня на расстоянии не больше чем ширина ладони и пробил переднюю панель морозильной камеры у меня за спиной. Неистовый стук, исходивший оттуда, немедленно

прекратился, а стекавшая через трубки жидкость окрасилась в розовый цвет.

Я выстрелил из «Сципио», поразившись произведенному им шуму.

В мою сторону метнулись еще два лазерных луча.

Укрывшись за каменной переборкой, я опустошил всю обойму в направлении галереи. Пустые гильзы, выброшенные эжектором, дымилась в воздухе и со звоном падали на пол. Меня обдало горячими парами кордита.

Я перебрался чуть глубже в укрытие, чтобы сменить обойму.

Мимо меня пронеслось еще несколько лазерных росчерков, а затем раздался голос:

— Эйзенхорн? Грегор, это ты?

Эйклон. Я сразу узнал его высокий голос. И не ответил.

— Знаешь, Грегор, ты ведь уже трүн. Такой же трүн, как и все они. Трүн, трүн, трүн. Выходи, давай закончит это побыстрому.

Признаюсь, он был силен. Мои ноги чуть не вывели меня из-за переборки на

открытое пространство. В дюжине населенных систем Эйклон приобрел дурную славу благодаря своим суггестивным способностям. Иначе как бы ему удалось заставить темноглазых недоумков исполнять его приказы?

Но и у меня имелись подобные способности. У я хорошо их развил.

Бывает время, когда надо воспользоваться мыслью или голосом, чтобы изящно выманить свою тишень. А бывает время использовать их, подобно стабберу, на близком расстоянии.

Сейчас время для последнего.

Я напряг глотку, уравновесил свое сознание и завопил:

--- Для начала покажитесь сами!

Эйклон не поддался. Впрочем, много я и не ожидал. Подобно мне, он годами тренировал сопротивляемость. Но свое его подручных оказались легкой добычей.

Первый шагнул прямо в центр прохода, с грохотом роняя свой лазган. «Сципио» проделал дыру посреди его лба, разметаив мозги по стенам. Второй, осознав свою ошибку, упал на колени и

открыл огонь.

Один из его лазерных залпов опалил рукав моей куртки. Я нажал на курок, «Сципио» дернулся и рывком в моей лапони.

Заряд пробил голову бандита чуть ниже носа, раздробил зубы и разнес череп. Противник зашатался и упал, но его мертвые пальцы судорожно задержались, снова и снова нажимая на спуск лазгана, выжигая дикие узоры на стенах помещения губернии. Вокруг разлетались вонючая вода, биостеси и кусочки пластика. Крики стали громче, но не заглушили торопливые шаги.

Эйклон бежал.

Побежал и я, пересекая галерею за галереей.

Крики, стук... И да поможет Император, ведь мне никогда не забыть этого! Тысячи обезумевших душ, проснувшихся для того, чтобы встретиться с мучительной смертью.

Мерзавец Эйклон! Будь он проклят и горит в адском пламени!

Пересекая третью галерею, я увидел.

как он бежит параллельно мне. Он тоже увидал меня, развернулся и выстрелил.

Я отшатнулся, и залпы из его лазерного пистолета прошипели мимо.

Я увидал его только мельком: жилистый человек, невысокого роста, с аккуратно подстриженной козлиной бородкой и злобытыми глазками, облаченный в теплый коричневый костюм.

Я выстрелил в ответ, но он уже снова побежал.

У следующего перекрестка я опять засек его и выстрелил.

А еще через проход его уже не было видно. Я подождал, отстегивая верхнюю накидку. В Молитвеннике Двадцать становилось жарко и сыро. Когда прошла еще одна минута, а Эйклон по-прежнему не было, я, подняв оружие, вернулся по галерее к тому месту, где увидал его в последний раз. Через десять шагов он выскочил из укрытия и пальнул в меня.

Тут бы мне и конец, не разыграй свою карту случай и развеселые боги судьбы.

В тот миг, когда Эйклон выстрелил,

несколько криокатер наконец распахнулись и воющие, обнаженные, покрытые волдырями и ледяной коростой люди вывалились в коридор. Они были слепы, обморожены и обварены, их рвало. Выстрелы Эйклон разорвали на части троих мужчин и тяжело ранили женщину. Если бы не эти несчастные, лазер прикончил бы меня.

Раздался торопливый топот. Он снова побежал.

Я поспешил по галерее, переступая через изувеченные тела «спящих», которые, сами того не ведая, спасли мне жизнь. В мою ногу в поисках спасения вцепилась голая раненая женщина средних лет, лежащая в талой воде. Лазер Эйклон практически распотрошил ее.

Я заколебался. Ей мог поточь только милосердный выстрел в голову. Но я не мог. Знать Спеси, пробудившись, не оценит убийства из милосердия. Я застряну здесь на годы, пытаюсь отстоять свою правоту во всех судах местных законодательных органов.

Узбавившись от ее отчаянной хватки,

я пошел дальше.

Что, считаете меня мерзавцем? Ненавидите меня за то, что ставлю свой инквизиторский статус выше нужд страдающего создания?

Если так, то мне есть что ответить вам. Я до сих пор вспоминаю об этой женщине, и мне мерзко оттого, что пришлось обречь ее на медленную смерть. Но если вы презираете меня, то сразу могу сказать — вы не инквизитор. Нет в вас нужной моральной твердости.

Я мог прикончить ее и облегчить свою душу. Но это стало бы концом моей карьеры. И я постоянно думаю о тысячах, может быть даже миллионах, которые могли бы умереть куда более страшной смертью, если бы не мои действия.

Высокомерие?

Возможно... И может быть, именно потому высокомерие можно считать достоинством Инквизиции. Я проигнорирую страдания одной души, если смогу спасти больше на сотню, тысячу...

Человечество должно страдать, чтобы выжить. Это просто. Спросите

Этоса, он знает.

Но мне по-прежнему снятся ее страдания. Хотя бы за это посочувствуйте мне.

Я потчался мимо камер гробницы, но скоро мое продвижение затеделилось. Сотни «спящих», вывалившихся из камер, ползали и корчились по коридорам в своей отчаянной, слепой боли. Я обогнул тех, кого мог, уворачиваясь от тянущихся рук, перепрыгивая через тех, кто, беспомощно согрогаясь, лежал на полу. Хор истошных воплей и стонов был невыносим. В воздухе висела липкая омерзительная вонь разложения и отходов жизнедеятельности. Несколько раз мне приходилось вырываться из схвативших меня рук.

Как ни странно, но в этом кошмаре выслеживать Эйклона стало проще. Каждые несколько шагов попадались мертвый или умирающий «спящий», хладнокровно расстрелянный убегающими убийцами.

Служебная дверь в торце очередного коридора оказалась взломана и распахнута настежь, и я вышел на лестницу.

пронзавшую все здание. Путь освещали
сферы, закрепленные в настенных
кронштейнах. Откуда-то сверху
прозвучали выстрелы, и я стал
подниматься, держа пистолет так, чтобы
была возможность простреливать каждый
лестничный пролет, — как меня учила
Виббен.

Поднявшись до этажа, обозначенного
как восьмой, я услышал мерный гул какого-
то тяжелого оборудования. Еще одна
слопанная служебная дверь вела в галерею,
огнивавшую по кругу зал, который
трафаретные руны на стенах определяли
как помещение главного криогенератора.
Из выбитого смотрового окна клубами
вырывался дым.

Зал криогенератора оказался
просторным, его потолок достигал
пирамидальной крыши Молитвенника Два-
Двенадцать. Размещавшееся в нем
грохочущее оборудование было огромным и
древним. Информационный планшет,
выданный мне в айсмобиле, сообщал, что
криогенераторами, ныне управляющими
тавзолеем губернии Снеси,

первоначально были оборудованы транспортные суда, доставившие в этот мир колонистов. Но прибытии эти машины сняли с гигантских барж и перенесли, возведя вокруг каменные гробницы. Братство техномагов, пошедшее от инженеров транспортного флота, поддерживало криогенераторы в рабочем состоянии тысячи лет.

Этот криогенератор, выкрашенный в матово-красный цвет, достигал шестидесяти метров в высоту и был сделан из чугуна и меди. От него отходило множество трубопроводов и теплообменников, оплетавших вентиляторы в крыше. Горячий воздух помещения вибрировал в унисон с работающей машиной и был наполнен пылью и паром. В тот же миг, когда я вошел в зал, по моему лицу и спине заструился пот.

Я быстро осмотрел генератор и увидел, что несколько люков и защитных крышек выломано. Там, где применялся лом, краска была содрана и металл покоружен. Сотни лет техномаги

наносили священную смазку, бережно ухаживали за печатями лекстехники, и вот -- все труды пошли прахом.

Я заглянул в эти отверстия и увидел там ряды медных катушек, вибрирующие стойки, влажные от черной смазки, законченные переплетения заизолированной электропроводки и сочащиеся конденсатом железные трубы, обмотанные теплоизоляцией. На некоторых катушках были закреплены зубчатые металлические зажимы, от которых отходили провода, ведущие к небольшой и, очевидно, новой керамической конструкции, установленной в проеме люка. Цифровой рунический дисплей конструкции янтарно светился.

Отсюда люди Эйклона запустили процесс разморозки. А это значило, что он либо нашел и завербовал местного техномага, либо привез с собой экспертов из другого мира. В любом случае для такого требовались значительные ресурсы.

Я взобрался по лесенке на решетчатую металлическую платформу,

Сам обнаружился прямоугольный ларец длиной около полутора метров, опиравшийся на четыре ножки и снабженный ручками для транспортировки. Крышка оказалась открытой, и из-под нее выходило множество кабелей и проводов, подключавших устройство к электротеханическим внутренностям криогенератора.

Я посмотрел в ларец, но не узнал практически ничего из увиденного там: электрические платы и сложные механические элементы, опутанные пучками проводов. Но посреди этой мешанины явно оставалось место для чего-то размером с кулак. Свободные разъемы были подготовлены к подключению, но самый важный компонент этого таинственного устройства явно отсутствовал.

В моем ухе ожил вокс. Это оказался Бетанкор. За шумом криогенератора я едва смог расслышать его быстрый доклад на глоссии:

— Эгидя в небеса поднята, трижды по

сечь, звездный венец. Бесславный ангел без
титұла бұдет возле Шина к восьми.
Изображение?

Я прикинул и решил, что сейчас я не
в том настроении, чтобы надеяться на
случай.

--- Шин, рисунок ястреба.

--- Рисунок ястреба принят, --- с
готовностью ответил он.

Я увидел движение краем глаза через
полсекунды после того, как оборвал связь с
Бетанкором: в главный люк вбежал еще
один из людей Эйклона, вооруженный
старомодным лазерным пистолетом.

Первый его выстрел, мерцающий
шарик розового света, со звоном разорвался,
врезавшись в металлические перила
платформы, на которой я стоял. Я присел,
и еще два разряда прошипели надолгой и с
электрическим треском расплескались по
чугунному боку криогенератора.

Не разгибаясь, я выстрелил в ответ,
но угол оказался неудачным. Еще два
лазерных залпа в мою сторону, один из них
разорвал перила и прожег дыру в решетке.
Бандит уже подбежал к лестнице.

Затем в зал вошел еще один стрелок, выкрикивая что-то первому. Он сжимал мощный ручной пулемет. Он увидел меня и начал поднимать оружие, но я уже успел прицелиться и опрокинул противника гвутья попаданиями в грудь.

Первый теперь находился прямо под огнем. Он выстрелил и пробил решетку рядом с моим правым ботинком.

Я не колеблясь перевалился через поручень и обрушился на него. Мы оба упали на пол, и «Сципио» выпал из моей руки, невзирая на все мои старания удержать оружие. Человек пробормотал какую-то безумную ерунду мне в лицо и схватился за отворот моей куртки. Я вцепился ему в горло и запястье его вооруженной руки, выбивая лазерный пистолет. Он дважды выстрелил вверх.

--- Довольно! --- скотандовал я, вкладывая в голос Волю и внедряя ее в сознание эйклоновской марионетки. --- Брось это!

Что он и сделал покорно и словно удивленно. Псайкерские трюки часто сбивают с толку тех, на кого направлены.

Пока он недоумевал, я сильно ударил его кулаком, оставив бандита валяться на полу без сознания.

Когда я нагнулся, чтобы поговорить с «Сципио», меня снова вызвал Бетанкор:

--- Эгид, изображение ястреба, Бесславный Ангел низвергнут.

--- Шип принял. Возвращается к изображению сурового испытания, --- ответил я и поспешил за своей жертвой.

Эйклон пробирался через верхние этажи к посадочной площадке, встроенной в наклонную крышу Молитвенника Двадцать. Наверху дул сильный ветер. Вместе с Эйклоном находилось еще восемь членов его банды, ожидавших орбитального челнока, который должен был унести их в безопасное место.

Им не дано было знать, что благодаря Бетанкору все их надежды на спасение горят синим пламенем посреди ледяной пустыни в восьми километрах к северу. Точное попадание.

А корабль, опускавшийся на посадочную площадку под покровом ночной снежной бури, рыча маневровыми

двигателями, являлся моим боевым катером. Четыреста пятьдесят тонн брони — восемьдесят метров от острого носа до скошенной кормы — опускались на столбах голубого огня, все еще прижимая шасси к корпусу, словно паучьи лапки. Под пожатием на клюв носом включились ряды прожекторов, озарив площадку и бангитов ярким белым светом.

Некоторые из еретиков в панике открыли огонь по катеру.

Это было именно то, чего сейчас больше всего желал Бетанкор. Он был разъярен, и все его мысли были о погибшей Виббен.

Орудийные турели на коротких крыльях развернулись и окатили площадку огнем, истребляющим все живое. Камень разлетался осколками. От преступников же осталось только мокрое место.

Эйклон оказался умнее своих людей и, как только в поле его зрения появился катер, побежал от площадки к люку.

Там-то он и столкнулся со мной.

Он удивленно открыл рот, а я заткнул его пистолетом Виббен. Уверен,

ему хотелось сказать нечто важное. Но
мне не хотелось слушать.

Я вбил пистолет в его глотку так
сильно, что сломал дужкой курка нижние
зубы еретика. Эйклон попытался
дотянуться до чего-то на поясе.

Я выстрелил.

Опустошив его черепную коробку,
заряд пролетел над посадочной площадкой
и лизнул бронированный нос зависшего в
воздухе боевого катера чуть ниже окна
рубки.

--- Прошу прощения, --- сказал я.

--- Не стоит беспокойства, ---
протрещал ответ Бетанкора по воксу.

* * *

--- Очень странно, --- произнес Эмос.

Это его любимое выражение. Он
ссутулился над ларцом в зале
криогенератора. Мой ученый осторожно
ковырялся в потрохах загадочного
устройства, склоняясь, чтобы

рассмотреть его поближе. При этом его
тяжелые, плотно облегающие
аугметические очки издавали мягкие
щелчки при автофокусировке.

Я ждал, стоя у него за плечом и
разглядывая его старый лысый череп,
обтянутый пергаментной кожей со
старческими пятнами и обремененный
узким венчиком седых волос.

Убер Эмос, мой архивист и научный
сотрудник, больше всех был моим
помощником и компаньоном. Он достался
мне в первый же месяц моей службы в
Инквизиции, перейдя по наследству от
инквизитора Хапшанта, утиравшего
тогда от мозговых червей. Эмосу тогда
было двести семьдесят восемь
стандартных лет, и он уже отслужил в
качестве архивиста трем инквизиторам
до меня. Жил он только благодаря
кибербионическим трансплантатам,
заменившим ему пищеварительный
тракт, печень, мочевой пузырь, таз и
левую ногу.

На службе у Хапшанта он был ранен
залпом из стаббера. Обследуя его, врачи

обнаружили запущенный и ранее остававшийся незамеченным рак брюшной полости. Если бы не ранение, жил бы он еще максимум несколько недель. Но благодаря произведенному стаббером «вскрытию» болезнь диагностировали и изгнали, а тело восстановили с помощью протезов.

Этос называет все случившееся с ним счастливым несчастьем и до сих пор таскает на цепочке вокруг своей жилистой шеи перекрученную пуповину стаббера, чуть не отнявшую, но в итоге спасшую ему жизнь.

--- Этос?

Он с трудом поднялся, скрипя бионикой, и повернулся ко мне, отряхивая доходящие до земли зеленые полы своей расшитой мантии. Ученый посмотрел на меня через свои аугментические очки, покрывавшие большую часть лица. Благодаря им Этос напоминал какое-то необычное насекомое с фасетчатыми глазами и узкими, плотно сжатыми жвалами.

--- Кодифицирован как уникальный

прибор. Процессор серийный, вроде тех
блоков обработки мозговых импульсов,
которые используют Агентус Механикус,
чтобы осуществлять связь между
человеческим мозгом и Богом-Машиной.

--- Ты встречался с подобными
штуками? --- немного озадаченно спросил я.

--- Один раз во время своих
путешествий. Просто проходил мимо. Не
стал бы утверждать, что облагаю более
чем поверхностными знаниями. Однако я
уверен, Агентус Механикус
заинтересовались бы этим устройством.
Может, это запрещенная технология или
что-то украденное у них. Так или иначе,
но они захотят заполучить это.

--- Так или иначе, но они про это даже
не узнают. Это следственная улика.

--- Пусть будет так, --- согласился он.

Нас отвлек шум, донесшийся откуда-то
снизу. Хранители гробницы и
техномаги из криогенераторного
братства заполонили зал, пытаясь
организовать масштабную и, по моему
мнению, совершенно бессмысленную
операцию по спасению «спящих» из

Молитвенника Два-Двенадцать. Жуткие крики все еще не утихли, и по всему тавзолею закипела работа.

Я видел, что Эмос наблюдает за действиями спасателей с острым интересом, делая для себя заметки на информационном планшете, привязанном к его запястью. В возрасте сорока двух лет он подцепил тетовирус, который навсегда изменил работу его мозга, заставляя собирать информацию (любую информацию) всякий раз, когда предоставляется возможность. Эмос патологически нуждается в получении новых знаний, он информационный наркоман. Как напарник, он стал нигуда не годен, поскольку легко отвлекался, но, как было установлено уже четырьмя инквизиторами, в роли научного помощника оказался великоленен.

— Стальные цилиндры холодной сварки, — бормотал он, глядя на теплообменники. — Чтобы обеспечить стрессоустойчивость при перемене температуры или просто исходя из целесообразности производства? И еще,

каково предельное изменение
температуры при...

--- Эмос, пожалуйста.

--- Хм-м? --- Он оглянулся на меня,
вспомнив о моем присутствии.

--- Ларец.

--- И в самом деле. Прошу прощения.
Серийный процессор... Про это я уже
говорил?

--- Да. Что он обрабатывает? Какие
данные?

--- С самого начала я думаю об этом и
предполагаю, что обрабатывает он какой-
то ментальный процесс или процесс
передачи ментальных волн. Но не уверен в
этом.

--- А чего не хватает? --- спросил я.

--- О, и ты это заметил? Это очень
странно. То есть странно не то, что ты
заметил, а... Ладно. Конечно, я не могу
сказать со всей определенностью, но это
что-то заостренное, нестандартное по
форме и с собственным источником
энергии.

--- Почему ты так думаешь?

--- Нет энергетических входов, только

выходы. Да и разъемы любопытные. Нестандартные. Здесь ничто не соответствует стандартам.

--- Ксенотехнология?

--- Нет. Вполне человеческая, просто нестандартная. Вероятно, спецзаказ.

--- Ага, вот только зачем? --- спросил Бетанкор, поднимаясь к нам по лестнице.

Его непослушные черные кудри обрамляли стуглое худое лицо, которое обычно было приветливым и озорным, а сейчас --- трачным.

--- Вначале, Мугас, мне потребуются провести некоторые дополнительные исследования, --- сказал Эмос, вновь склоняясь над ларцом.

Бетанкор посмотрел на меня. Мы с ним были одного роста, но он --- более стройным. Его ботинки, бриджи и куртка были сшиты из мягкой черной кожи с красной окантовкой (память о старой униформе пилота-охотника Главиш), а поверх он, по обыкновению, надел короткую светло-вишневою шелковую безрукавку с переливающимися вышитыми вставками.

Его руки, затянутые в перчатки из

тонкой кожи бллека, зловеще покоились на изогнутых рукоятях излометов в кобурах на бедрах.

--- Долго же ты добирался, --- начал я.

--- Они заставили меня отвести катер обратно к посадочной площадке в Долине Гробниц. Сказали, что эта платформа им нужна для срочных вылетов. Пришлось слетать обратно. А потом я сходил к Лорес.

--- Она умерла достойно, Бетанкор.

--- Может быть, --- сказал он и добавил: --- А такое возможно?

Я не ответил, понимая, в насколько плохом настроении он пребывает. Я знал, что он любил Лорес Виббен, или, по крайней мере, считал, что любит ее. Я понимал, что с Бетанкором трудно будет иметь дело, пока он не привыкнет к утратой.

--- Где этот иномирязин?! Где этот Эйзенхорн?!

Требовательный голос раздавался в зале под нами.

Я посмотрел вниз. В зал криогенератора вошел человек в

сопровождении четырех хранителей в
теплых одеяниях, несущих световые
посохи. Он был высоким, с бледной кожей и
седящими волосами. Его нагменная
осанка говорила о самооблагании и
высокомерии. Он носил теплую и богато
разукрашенную церемониальную мантию
насыщенного желтого цвета. Я не знал,
кто он такой, но почувствовал, что
пахнет неприятностями.

Этос и Бетанкор также наблюдали
за ним.

--- Есть какие-нибудь предположения
относительно того, кто это такой? ---
обернулся я к Этосу.

--- Ну... видишь ли, это желтое
одеяние, так же как и светящиеся жезлы,
которые держат хранители, должны
символизировать возвращение солнца, а с
ним тепла и света. А это значит, что
перед нами высокопоставленное
должностное лицо Комитета Хранителей
Бездействия.

--- Это я уже понял, --- пробормотал я.

--- Ну ладно... зовут его Ниссесай
Карпел, он Верховный Хранитель. Тебе

стоит именно так и нему обращаться.
Родился он здесь, в сезоне Живительности
известии тридцать пятого года, то есть
пятьдесят стандартных лет назад.
Приходится сыном...

--- Достаточно! Я так и знал, что
этим кончится. --- Я облокотился на
поручень, глядя вниз. --- Я Эйзенхорн.

Когда он увидал меня, вздвигшиеся вены
на его шее должны были символизировать
едва сдерживаемый гнев.

--- Арестовать его, --- приказал он
своим людям.

Глава третья

НИССЕТАЙ КАРНЕЛ

СВЕТ В

БЕСКОНЕЧНОЙ ТЬМЕ

ПОНТУС

Я бросил один выразительный взгляд на Бетанкора, чтобы тот убрал руки с оружия, а затем спокойно прошел мимо него, спустился по лестнице и приблизился к Карнелу. Хранители окружили меня, но держались на расстоянии.

--- Приветствую вас, Верховный Хранитель, --- кивнул я.

Он оглядел меня твердым, настороженным взглядом и облизал тонкие губы:

--- Вы задерживаетесь до...

--- Нет, --- ответил я. --- Я инквизитор Ордо Ксенос на службе Бога-Императора Человечества. Целиком и полностью готов сотрудничать в любом начатом

вати расследовании, но вы не имеете права
и не сможете арестовать меня.
Понимаете?

--- Инквизитор?

--- Вы поняли? --- повторил я, все еще
не пользуясь своей Волей. Но если бы
пришлось, воспользовался бы.

Я надеялся, что у него хватит ума
вначале выслушать меня. Он в состоянии
был доставить мне множество неудобств,
но я-то мог сделать его жизнь вообще
невыносимой.

Казалось, он чуть успокоился. Как я и
предполагал, гнев его был вызван шоком, ---
погибло так много планетарной знати,
находившейся на его попечении. Ему,
безусловно, хотелось найти козла
отпущения, на которого можно было бы
переложить вину. А теперь бедняге
предстояло свыкнуться с мыслью, что его
угораздило нарваться на сотрудника
наиболее пугающего института Империи.

--- Погибли тысячи, --- начал он
потрясенно. --- Такое святотатство...
Высокорожденные Снеси убиты рүками...
рүками...

--- ... убийцы, последователя тьмы, человека, чей труп, благодаря моему вмешательству, лежит сейчас в пластиковом мешке на верхней посадочной платформе. Верховный Хранитель, я оплакиваю огромную утрату, которую этим вечером понесла Спесь, и мне жаль, что не в моих силах оказалось предотвратить случившееся. Но не покажись я здесь, не подниму я тревогу... В общем, представьте себе размеры трагедии, с которой вам тогда пришлось бы иметь дело.

Я дал ему некоторое время на осмысление моих слов.

--- Не только этот Молитвенник, но и все мавзолеи губернии... Кто знает, какие еще разрушения мог вызвать Эйклон. Кто знает, что еще было в его планах.

--- Эйклон... рецидивист?

--- Это его рук дело, Верховный Хранитель.

--- Я хочу, чтобы вы предоставили мне краткий отчет по происшедшему.

--- Позвольте мне оформить рапорт и уже в таком виде отчитаться. К тому же

и у вас могут найтись нужные мне
ответы. Я дам вам знать через несколько
часов, когда буду готов к встрече. Думаю,
что сейчас у вас и без того много дел.

Мы угалились. Бетанкор выдал
младшим хранителям официальный
перечень того, что будет изъято в
качестве улики для моего расследования.
Список включал в себя ларец и тела
Эйклона и его людей. Ни к чему из
перечисленного нельзя было прикасаться до
тех пор, пока я не разрешу. Бандита,
которого я вырубил в зале криогенератора,
единственного оставшегося в живых, я
распорядился заключить в тюрьму —
позже будет время допросить его.
Бетанкор оформил все мои требования
предельно доходчиво.

Мы забрали с собой тело Виббен.
Это оказалось слишком хилым, так что
тело, лежавшее в пластиковом мешке на
носилках, потащили мы с Бетанкором.

Мы вышли из Молитвенника Два-
двенадцать через главные двери в жгучий
холод непрерывной ночи и понесли Лорес к
ожидавшему нас айстобилю, проходя мимо

рядов мертвых тел, которые вытаскивали и укладывали на заснеженную землю Хранители.

* * *

Мы с моей командой занялись гелати в тот же миг, как приземлились, ввиду их неотлаженности. Похоже, нам предстояло провести на планете как минимум неделю, а может быть, и больше, если возникнут проблемы с Карпелом. Пока мы возвращались на айстобиле к посадочной площадке, я попросил Эмоса распорядиться насчет нашего пребывания.

Во время Бездействия девяносто девять процентов населения Спеси находится в состоянии гибернации и только в одном месте теплится жизнь. Хранители и техномаги пережидают долгую, тяжелую зиму в месте, называемом Купол Солнца.

В пятидесяти километрах от

обширных пространств Долины Гробниц,
подобно темному, серому пугырю,
поднимался Купол Солнца. Он служил
домом пятидесяти девяти тысячам
человек, но казался просто селом рядом с
гигантскими пустыми городами,
дремавшими на горизонте в ожидании
Отменели, когда вернется их население.

Я разглядывал Купол Солнца, пока
боевой катер нес нас к нему сквозь ледяные
ветры. Маленькие красные сигнальные
огни мигали на поверхности купола и
выступающих антеннах.

Бетанкор управлял катером
безмолвно, сосредоточенно насупившись. Он
снял свои облегающие перчатки, и
паутина главианского «серебра» —
кибернетических биосхем,
инкрустированных в ладони и кончики
пальцев, — соединила его с системой
управления судном.

Этот сидел в дальнем конце кабины,
детально изучая рукописи и данные,
записанные на информационные планшеты.
Два автономных многозадачных служебных
сервитора ожидали распоряжений в отсеке

экипажа. Всего на борту их было пятеро. Еще два представляли собой безногие боевые модули, вмонтированные прямо в оружейные блоки. А последнего, главного служебного сервитора высокоспециализированной модели, никогда не оставлявшего своего поста в моторном отсеке, мы называли Уклидом.

Ловинк, мой астронавт, грелся в своем отсеке, подключенный к голосовым и видеосистемам, в ожидании вызова.

Закутанная в покрывало Виббен лежала на кровати в своей каюте.

Бетанкор бросил катер к куполу. После обмена телеметрическими данными в стене купола открылся широкий люк воздушного шлюза. Вырвавшийся оттуда свет оказался невыносимо ярким. Бетанкор включил светофильтры в рубке и пошел на посадку.

Внутренняя поверхность просторного купола оказалась зеркальной. Похожий на солнце плазменный шар пылал под крышей купола, благодаря чему город, раскинувшийся под ним, купался в лучах яркого белого света. К тому же поселение

под нами, казалось, было выстроено из
стекла.

Мы приземлились на широкой
металлической платформе площадью
двадцать гектаров, глядевшей на город с
высоты. Поверхность платформы под
отраженным ярким светом сияла
белизной. Подкатились тяжелые
автозадачные служебные роботы,
отбуксировавшие нас в посадочный ангар
главной полосы, где к нам приблизились
сервиторы-механики, чтобы подключить к
заправочным шлангам и приступить к
более основательному обслуживанию. Но
Бетанкор не хотел никого и ничего
подпускать к боевому катеру и приказал
Мого и Нилквиту, нашим автономным
сервиторам, взять на себя все
обслуживание корабля и прогнать
местных. Я услышал, как они
передвигаются по судну, гудя
сервоприводами, шипя гидравликой,
обмениваясь информацией в машинном
коде между собой и Уклидом в моторном
отсеке.

Этос предложил найти для нас

помещение в самом городе, но я решил, что, кроме ангара, нам ничего не потребуется. На боевом катере хватало места и необходимых удобств, чтобы обеспечить нам достойное пребывание. Мы часто проводили на борту корабля недели и даже месяцы.

Я спустился к маленькой каюте Ловинка под кубриком и разбудил его. Этот астронавт недавно присоединился к команде: предыдущий погиб шесть недель назад, пытаясь расшифровать варп-сообщение.

Ловинк был молодым человеком, с хрупкой, болезненной плотью, облепленной тонкими костями. Его тело уже страдало от тех требований, которые накладывает жизнь псайкера. Засаленные контактные разъемы испещряли его бритый череп и руки. Когда он двинулся к двери, за ним потащились несколько проводов, каждый из которых был снабжен подписанными ярлыками и вел к главному коммуникационному распределителю на дежурной. Целые вязанки кабелей лежали рядом или свисали со стен крошечной

каюты, но Ловинк инстинктивно понимал предназначение каждого и управлялся с ними практически не глядя. В комнате сильно пахло потом и лаганами.

— Здравствуйте, господин, — сказал он.

Его рот казался влажным розовым разрезом, а единственный зрячий глаз опух и был наполовину прикрыт, что придавало астронавту высокомерный вид, несмотря на всю его робость.

— Ловинк, пожалуйста, пошли сообщение на борт «Царственной Аквитании».

«Царственная Аквитания» являлся капером, который мы наняли для доставки боевого катера до Спеси. Теперь корабль ожидал на орбите, готовый обеспечить нам при необходимости еще один варп-прыжок.

— Передай мастеру Голквину мою благодарность и скажи ему, что мы пока остаемся. Он может отправляться по своим делам, нет смысла заставлять его дожидаться нас. Мы можем провести здесь неделю или даже больше. Передай ему это

в обычной вежливой форме. Скажи, что я благодарю его за службу и надеюсь на возможность дальнейшего сотрудничества.

--- Сейчас же передам, --- кивнул Ловинк.

--- Мне бы хотелось, чтобы потом ты выполнил еще кое-какие поручения. Свяжись с главным Астронавтическим Анклавом Спеси и запроси полную расшифровку перемещений в другие миры за последние шесть недель. А также разузнай все, что можно, по нелегитимным перемещениям и кораблям, на борту которых были собственные астронавты. Все, что они смогут предоставить. И невредно будет упомянуть о том, что эту информацию запрашивает инквизитор. Им не захочется оказаться вовлеченными в серьезное инквизиционное расследование за сокрытие информации.

Он снова кивнул:

--- Вам потребуется аутоспиритический сеанс?

--- Не сейчас. Я дам тебе время

подготовиться.

--- Это все, господин?

--- Да, Ловинк. --- Я развернулся, собираясь уйти.

--- Господин... --- он сделал паузу, --- буду ли я прав, предположив, что эта женщина, Виббен, мертва?

--- Да, Ловинк.

--- Эх... А я-то думал, почему стало так тихо. --- И он закрыл дверь.

Комментарий не был таким черствым, как может показаться. Я прекрасно понял его чувства, хотя мои псайкерские навыки --- детский лепет по сравнению с его способностями. Лорес Виббен являлась латентным псайкером, и, когда она пребывала с нами, на заднем плане сознания всегда держался едва заметный шум, подсознательно передаваемый ее могом, активным мозгом.

Я нашел Бетанкора в тени одного из коротких крыльев боевого катера. Уставившись в землю, он курил папиросу из листа лхо. Я не одобрял наркотики, но и не препятствовал. Впрочем, он немного

почистился за последние несколько лет.
Когда я впервые с ним встретился, он
страдал зависимостью от обскуры.

--- Чертовски светлое местечко, ---
пробормотал он, передергиваясь, словно от
отерзения.

--- Типичная свехреакция. В их году
одинадцать месяцев абсолютной тьмы,
поэтому они чрезмерно освещают свое
жилье.

--- А на время сна они свет
выключают?

--- Сомневаюсь.

--- Неудивительно, что они все тут
сдвинутые. Огүряюще яркий свет,
огүряющая темнота --- и
соответствующий склад ума. Их
естественные биоритмы должны были
пойти вразнос.

Я кивнул. Вначале меня совершенно
обескуражило то, что ночь, казалось, не
собирается кончаться. Теперь те же самые
чувства вызывал этот постоянный
полдень. В своем докладе Эмос указывал,
что мир назвали Снесью по той причине,
что после семидесяти стандартных лет

полета к этой планете на транспортных судах первопоселенцы обнаружили, что их расчеты не оправдались. Но вместо того чтобы поискать планету с нормальной орбитой, они осели в этом мире, где им пришлось терпеть эту невероятную стену тьмы и света. Они остались, сделав криогенные технологии частью своей культуры. На мой взгляд, это была ошибка, но я здесь находился не для того, чтобы критиковать культуру.

--- Заметил что-нибудь? --- спросил я Бетаннора.

Он неопределенным жестом обвел посадочную площадку:

--- В этом сезоне у них не много посетителей. Торговля почти затерла, весь мир сейчас на холостом ходу.

--- Поэтому Эйклон и решил, что планета уязвима.

--- Да. Большинство кораблей здесь местные, трансатмосферники. Часть для нужд хранителей, остальные просто оставлены на время Бездействия. Кроме нас тут еще трое пришедших. Два торговых баркаса и частный катер.

--- Разузнай, что сто жеешь. Попробайся
выяснить, кому они принадлежат и по
каким делам прибыли.

--- Без проблем.

--- А что насчет челнока Эйклона,
который ты подстрелил, --- он здешний?

Мугас затаился сигареткой с
наркотиком и покачал головой:

--- Или с орбиты, или с какой-то
частной площадки. Ловинк перехватил его
передачу Эйклону.

--- Надо будет спросить его об этом.
Но он мог прилететь с орбиты? У Эйклона
может там оказаться межзвездный
корабль?

--- Если он там и был, то уже улетел,
не подавая никаких сигналов.

--- Хотел бы я знать, как этот
выродок сюда добрался и как собирался
снова улететь.

--- Я выясню это, --- сказал Бетанкор,
раздавливая каблук окурком. Его
намерения были твердыми.

--- Что насчет Виббен? --- спросил он.

--- Ты знаешь, какими были ее
пожелания? Мне она никогда ничего не

говорила. Хотела ли она, чтобы для похорон ее отправили обратно на Торниш?

--- И ты сделаешь это?

--- Если это было ее желанием. Так что?

--- Не знаю, Эйзенхорн. Мне она тоже ничего не говорила.

--- Осмотри ее вещи, может быть, она оставила какое-нибудь завещание или инструкции. Можешь сделать это?

--- Сделаю.

К этому времени я уже начал уставать. Еще час я провел вместе с Эмосом в его тесной, заполненной информационными планшетами комнате, подготавливая рапорт для Карпела. Я излагал основные детали, отбрасывая все лишнее, на мой взгляд, ему не следовало знать. Приводил объяснения своим действиям. Потом заставил Эмоса проверить их легитимность исходя из норм местного законодательства и подготовить линию защиты, если Карпелу взбредет в голову начать судебное преследование. Я не слишком-то волновался об этом и, по правде говоря, для

местного законодательства был абсолютно пуленепробиваем, но мне все равно хотелось проверить. Каждый амалатианин гордится сотрудничеством со структурой Имперского общества, не ставя себя выше или вне их. И никогда не действует напролом, как, например, сторонники моноготиантной идеологии. Мне хотелось, чтобы Карпел и высшие должностные лица Спеси добровольно встали на мою сторону и помогли моему расследованию.

Когда рапорт был готов, я угадил в свою каюту. Но перед дверью Виббен остановился, вошел внутрь и аккуратно погложил «Сципио» под ее лапони, скрещенные на груди, а потом снова накрыл ее саваном. «Сципио» свою работу уже выполнил. Он заслужил покой вместе с ней.

Впервые за шесть лет мне не снился Эйклон. Мне снилась ослепительная тьма, а потом свет, который отказывался уходить. И в этом свете было что-то от темноты. Ерунда, конечно, я это понимаю, но именно такое было ощущение. Словно

откровение, содержащее в себе некую более
глубокую, более глубокую правду. На грани
горизонта моего сна возникали вспышки,
похожие на молнии. Я увидел красивого
мужчину с пустыми глазами, но не
такими пустыми, как у недоумков
Эйклона, а свободными, словно беззвездная
область космоса. Он улыбался мне.

Тогда я понятия не имел, кто он
такой.

* * *

Я отправился на встречу с Карпелом
в полдень следующего дня. Под Куполом
Солнца всегда стоял полдень, но этот был
настоящим, если верить корабельному
хронометру. Ловинк, Эмос и Бетанкор
занимались поисками новой информации.

Я побрился, надел черный льняной
костюм, высокие ботинки и фортенный
пояс из чешуйчатой коричневой кожи.
На шею нацепил инквизиторскую
инсигнию. Мне необходимо было показать

Карнелу всю серьезность своих намерений.

Мы с Эмосом спустились с посадочной платформы в клетке подъетника и обнаружили, что нас уже дожидаются хранители, одетые в желтые мантии. Несмотря на белое сияние, окружавшее нас, они держали зажженные световые жезлы. По пути к открытому лифту мы отбрасывали короткие резкие тени на сухом рокрите. Машина оказалась огромной зверюгой с хромированными решетками и флажками Спеси на капоте. Позади расположенной по центру кабины водителя размещалось четыре ряда мягких кожаных сидений.

Мы зашелестели по улицам на восьми широких колесах. Проспекты города были просторными и, само собой разумеется, ярко освещенными. Облицованные стеклом здания устремлялись к пылающему в высоте плазменному шару, словно цветы, тянущиеся к свету. Через каждые тридцать метров улицы возвышались фонари на богато украшенных постаментах, добавлявшие свой свет к

окружающему блеску.

Движение было редким, на улицах находилось, самое большее, несколько тысяч пешеходов. Я заметил, что на многих прохожих надеты желтые шелковые пояса и желтые же гирлянды украшают постамент каждой лампы.

--- Цветы? --- спросил я.

--- С гидропонных ферм в восточном куполе номер семь, --- ответил мне один из хранителей.

--- Означают?

--- Траур.

--- Так же, как и пояса, --- прошептал мне на ухо Эмос. --- Случившееся вчера --- серьезная трагедия для этого мира. Желтый является их священным цветом. Полагаю, что местные поклоняются солнцу.

--- Солнце как Император?

--- Достаточно распространено. Уособленно подходит, по очевидным причинам, этому месту.

Зал Хранителей оказался стеклянным шпилем, расположенным практически в центре города. Его вершину

украшал двуглавый имперский орел. В близости располагалась местная часовня Епископата и несколько зданий, переданных Имперскому Административу. Меня позабавило то, что все они были построены из черного камня и практически не имели окон. Размещавшиеся в них имперские служащие, по всей видимости, держали с постоянным светом не более моего.

Когда мы вошли под стеклянный портик, нас провели в главный зал. Он был набит битком. Большинство присутствующих были хранителями в желтых мантиях, несколько местных должностных лиц, техномаги, немного клерков и сервиторов. Зал был возведен из желтоватого стекла на каркасе из черного чугуна. Воздух окрашивался золотым светом, бьющим через стекло. Полы устилал широкий черный ковер с вытканым по центру солнечным диском.

— Инквизитор Эйзенхорн! — объявил один из моих сопровождающих через громкоговоритель.

Все обернулись в нашу сторону.

Верховный Хранитель Карнел восседал на
нарящем в воздухе позолоченном троне.
Над спинкой летучего сиденья горел
светильник. Трон заскользил по
направлению ко мне, заставляя толпу
расступаться.

--- Верховный Хранитель, --- произнес
я с почтительным поклоном.

--- Они все мертвы, --- сообщил он. ---
Все двенадцать тысяч сто сорок два
человека. Молитвенник Два-Двенадцать
вытер. Полученных травм не пережил
никто.

--- Приношу Снеси свои искренние
соболезнования, Верховный Хранитель.

Зал взорвался визгати, крикати и
требовательными воплями.

--- Твои соболезнования?! Твои
проклятые соболезнования?! --- на пределе
возможностей голосовых связок заорал
Карнел. --- Большая часть нашей правящей
элиты погибла за одну ночь, а все, что мы
получает, так это твои соболезнования?

--- Больше мне предложить нечего,
Верховный Хранитель. --- Я чувствовал,
что Эмос грозит рядом со мной, делая

бесцельные примечания в привязанном, по
обыкновению, на запыляе планшете. Об
одежде, местной фразеологии -- о чем
угодно, только бы закрыться от
негативных выплесков.

-- Этого едва ли достаточно! --
сплюнул стоявший поблизости человек.

Он явно происходил из местной
знати, был молод и выглядел достаточно
внушительно, но его кожа была страшно
бледной, и он едва передвигался, опираясь
на хранителей.

-- Кто вы? -- спросил я.

-- Вернал Мейнелл, наследный лорд
округа Далловин!

Если он ожидал, что я паду на колени,
возопив «Осанна!», то его ждало
разочарование.

-- Ввиду серьезности происшествия
мы разбудили часть нашей знати раньше
срока, -- сказал Карнел. -- В
Молитвеннике Два-Двенадцать умерли
брат сеньора Мейнелла и две его жены.

Значит, бледность являлась
следствием недавнего пробуждения. Я
заметил, что около пятидесяти человек.

присутствовавших на собрании, выглядят
столь же утомленно и болезненно.

Я повернулся к Мейнеллу:

--- Сеньор, повторяю, я приношу свои
соболезнования.

--- Твое высокомерие изумляет меня,
иностранин! --- гневно взорвался Мейнелл. ---
Ты приводишь этого монстра в наш мир,
сражаешься с ним в самых сакральных
святилищах, во время этой вашей личной
драки гибнут лучшие из наших людей, а
ты...

--- Постой! --- Я воспользовался Волей.
И не стал сдерживать силы. Мейнелл
остановился, словно его ударили по голове.
Столк и весь огромный зал. --- Я прибыл
сюда, чтобы защитить вас и разрушить
планы Эйклона. И если бы не наши
старания, он мог разрушить куда больше,
чем один из ваших мавзолеев. Я не
нарушил ни одного из ваших законов.
Старался соблюдать ваши правила,
выполняя свою работу. Почему вы
считаете, что это я привел сюда это
чудовище?

--- Мы сделали несколько запросов, ---

ответила пожилая аристократка. Как и Мейнелл, она еще не пришла в себя после пробуждения и сунулась в паланкине, поддерживаемом сервиторами.

--- Какие запросы, госпожа?

--- Касательно вашей глительной вражды с убийцей Эйклоном. Уже пять лет, не так ли?

--- Шесть, сеньора.

--- Значит, шесть. Ты загнал его сюда. Направил. Привел, как и сказал сеньор Мейнелл.

--- И каким же образом?

--- За прошедшие двадцать дней мы не зарегистрировали ни одного инопланетного судна, за исключением твоего, Эйзенхорн, -- произнес Карнел, глядя в цифровой планшет. --- «Царственная Аквитания». Этот корабль должен был доставить вас обоих, чтобы вы могли закончить здесь свою войну, наплевав на то, что будет с нами. Вы ведь выбрали Снесь, потому что это тихая планета на отшибе, подходящая для того, чтобы вы могли спокойно завершить свою вражду?

И вот тогда я рассердился:

--- Эмос? --- Я изо всех сил старался сдерживать гнев.

Мой научный сотрудник стоял возле меня и бормотал:

--- ... и какую силикатную краску они используют при изготовлении стекла? Бронировано ли здание? Опоры выполнены в раннеготическом стиле Империи, но...

--- Эмос! Рапорт.

Он вздрогнул и, вытащив другой информационный планшет из кожаного чехолданика, протянул его мне.

--- Прочитай это, Карпел. Внимательно прочитай. --- Я протянул планшет Верховному Хранителю, но, как только он попытался его взять, отдернул.

--- Или, может быть, мне самому стоит прочитать вслух для всех собравшихся? Может быть, надо объяснить, как я прибыл сюда в последнюю минуту, узнав, что Эйклон направляется на Спесь? То, что я узнал это только благодаря взлому перехваченной астронавтической шифровки, посланной Эйклоном два месяца назад? Может быть, я должен рассказать

о шифровке, убившей моего астроната,
переводившего ее?

--- Инквизитор, я... --- забормотал
Карнел.

Я поднял информационный планшет
так, чтобы всем был виден экран, и нажал
на тумблер прокрутки текста:

--- А как насчет вот этого
доказательства? Эйклон планировал
действия против вашего мира уже почти
год. Или вот это сообщение, полученное
прошлой ночью... Незарегистрированный
межзвездный корабль подходил три дня
назад, чтобы высажить Эйклона,
оставшись незатеченным для вашей
планетарной охраны и стражи
хранителей. Или вот этот обработанный
нами сеанс астронатической связи,
которую ваш местный анклав засек, но не
потрудился ни перевести, ни проверить
происхождение.

Я бросил планшет на колени Карнела.
В изумленной тишине на меня уставились
сотни глаз.

--- В вашей защите широкая брешь. Он
обошел вас. Не надо обвинять меня в чем-

либо, кроме того, что я появился здесь слишком поздно и не успел остановить его. Как я уже и говорил, приношу свои искренние соболезнования... И в следующий раз, когда вам захочется поспорить с имперским инквизитором, -- добавил я, -- советую проявить больше уважения. Я многое готов простить, поскольку понимаю, какую болезненную утрату вам пришлось пережить. Но мое терпение не безгранично. В отличие от моей власти. -- Я повернулся к Карпелу. -- А теперь, Верховный Хранитель, можем ли мы поговорить? И, как я просил ранее, наедине.

Мы пошли вслеп за летучим троном Карпела в боковую пристройку, оставляя позади зал, полный потрясенных голосов. Только один из людей Карпела сопровождал нас -- высокий белокурый мужчина в темно-коричневой униформе, которую мне не удалось распознать. Телохранитель, подумал я. Карпел опустил трон на ковер и поднял пульт дистанционного управления, затенив окна комнаты.

Наконец установилось освещение приемлемой интенсивности. Одного этого было достаточно, чтобы понять: Карпел воспринял меня серьезно.

Он жестом предложил мне занять место напротив. Эмос держался в тени позади меня. Мужчина в коричневой униформе встал рядом с окнами, наблюдая за улицей.

--- Что будем делать дальше? --- спросил Карпел.

--- Я рассчитываю на ваше сотрудничество в моем расследовании.

--- Но ведь дело уже закрыто, --- произнес человек в коричневой одежде.

Я не сводил взгляда с Карпела.

--- Прошу вашего разрешения продолжить работу и надеюсь на содействие. Эйклон может быть и мертв, но он всего лишь кончик лезвия глинного и все еще опасного клинка.

--- О чем вы говорите? --- снова перебил человек в коричневой одежде.

Я не удостоил его взглядом. В упор глядя на Карпела, я встал и произнес:

--- Если он снова заговорит, не

представившись, придется выбросить его из окна. И открывать окно мне будет лень.

— Это арбитр Фишиг, сотрудник Агентус Арбитрес. Я настоял на его присутствии.

Тогда я посмотрел на человека в коричневом. Крепко сбитый силач с блестящей полоской розового шрама под молочно-белым глазом. У него была чистая кожа и светлые волосы, благодаря чему я принял его за юношу, но, приглядевшись внимательнее, понял, что он как минимум одного со мной возраста.

— Арбитр, — кивнул я.

— Инквизитор, — ответил он, — мои вопросы остаются в силе.

— Мургин Эйклон был всего лишь наемником. — Я опустил обратно на стул. — Потрясающе изворотливый тип, один из наиболее опасных людей среди тех, на кого мне когда-либо приходилось охотиться. Иногда выследить свою цель означает прекратить причиняемое ею зло. Уверен, что вам это знакомо.

— Вы назвали его наемником.

— В этом-то и опасность. Он

предлагал свои весьма значительные навыки любым нуждающимся в них сектам и культам. Истинной преданности у него не было. Он служил чужим великим планам. И на Снеси тоже должен был способствовать успеху и развитию чьих-то замыслов. Теперь он мертв и эта часть заговора сорвана. Можно радоваться. Но моя задача еще не завершена. Мне надо оттолкнуться от Эйклона, его людей, любой оставленной им зацепки и прокопаться внутрь некой большей, тайной тьмы, нанявшей его.

--- И для этого тебе нужна помощь людей Снеси? --- спросил Карнел.

--- Граждан, представителей власти, вас самих... и всех остальных. Это работа на Императора, вы же не собираетесь уклоняться от нее?

--- Нет, сэр, ни в коем случае! --- всполошился Карнел.

--- Превосходно.

Верховный Хранитель протянул мне тяжелый золотой значок с изображением солярного диска, закрепленный на черной кожаной подкладке:

--- Это даст вам необходимые полномочия. Мои полномочия. Чтобы вы могли полностью и быстро выполнить свою работу. А взятен я попрошу только с двух вещей.

--- Каких?

--- Вы будете сообщать мне обо всех достигнутых результатах. И позволите этому арбитру сопровождать вас.

--- Я работаю сам по себе...

--- Фишиг поможет открыть под Куполом Солнца такие двери и рты, какие не сможет даже значок. Считайте его местным гидом.

«И твоими ушами и глазами», --- подумал я. Но поскольку понимал, какое невероятное давление оказывает на Хранителя жаждущая сатисфакция аристократия, ответил:

--- Буду признателен ему за помощь.

--- Откуда начнем? --- спросил Фишиг, сразу переходя к делу. Взгляд у него был голодный.

«Они жаждут крови, --- понял я. --- Им нужен кто-то, кого можно привлечь к ответу за эти смерти. Кто-то, про кого

они смогли сказать, что поймали его или, по крайней мере, помогли поймать. Ум необходимо разделить со мной любой успех, чтобы сохранить хорошую мину, когда через несколько месяцев проснутся все остальные и узнают о разыгравшейся трагедии».

И я не мог винить их.

--- Сначала, --- сказал я, --- в торг.

Эйклон выглядел безмятежно спящим. Его голову охватывал колючий пластиковый чепчик, не давая ей рассыпаться. Лицо было спокойным, с незначительными кровоподтеками вокруг губ.

Он лежал на каменном ложе в холодной прожекторской под зданием судебного торга № 1. Его подельники лежали на пронумерованных столах неподалеку. Столы достались только тем, кто сохранился в более или менее цельном виде. Вдоль стены стояли подписанные ведра с жидким содержимым --- останки тех, кого Бетанкор заточил из корабельных пушек.

Прозекторская освещалась холодным синим светом, и корка льда покрывала циркуляторы, нагнетавшие воздух прямо с ледяной пустыни, окружавшей Купол Солнца. Фишиг обеспечил всех нас теплой одеждой для этого визита.

Меня поразило увиденное: и ответственная осторожность, и внимание, с которыми изолировались и хранились тела, и тот факт, что никто не прикасался к ним -- в полном согласии с моими инструкциями. Казалось бы, приказ очень простой, но я уже сбился со счета, сколько раз нетерпеливые жрецы или апотекарии начинали вскрытие до моего появления.

Заведовала торгом усталая женщина примерно шестидесяти лет от роду по имени Түтрон. Когда она встретила нас, на ней был красный пластиковый передник поверх поношенного теплого платья. Одиным глазом Түтрон закрывал бионический имплантат, а в правую руку были встроены манипуляторы со скальпелями и пилой для костей из сверкающей хирургической стали.

— Мы поступили в соответствии с вашими приказаниями, — сказала она, ведя нас в холодное хранилище по винтовой лестнице. — Но это необычно. По установленным правилам я должна приступить к экспертизе или хотя бы начать подготовку к ней в самое ближайшее время.

— Благодарю вас за усердие. Я постараюсь закончить как можно быстрее. И тогда вы сможете действовать в соответствии с протоколом.

Натянув хирургические перчатки, я пошел вдоль ряда тертвецов (их было около двадцати), диктуя свои наблюдения Эмосу. Существенной информации с их тел собрать удалось не много. Некоторые из остотренных мной трупов, судя по телосложению, цвету кожи и волос, прибыли с другой планеты. Но при себе у них не было ни документов, ни имплантированных идентификаторов — вообще ничего. Даже одежда оказалась вычищена — эмблемы и ярлыки производителя были спороты. Я мог, конечно, заказать соответствующую

экспертизу, но это потребовало бы огромных затрат.

На двух телах я обнаружил свежие шрамы, допускавшие предположение, что у них хирургическим путем удалили идентификационные датчики. Подобная маркировка не входила в местную практику, так что можно было говорить об инопланетном происхождении людей. Но откуда? Подобные устройства использовались на сотнях планет Империи, а расположение и применение датчиков всегда довольно стандартны. В детстве я и сам несколько лет носил такое же устройство, пока на меня не пал выбор вербовщиков Инквизиции, после чего устройство удалили.

У одного из покойников обнаружили интересные шрамы на руках. Они были неглубокими, но глиняными. Следы выжигания эпидермиса.

— Похоже, был применен сварочный аппарат, чтобы вывести бандитские татуировки, — сказал Эмос.

Он был прав. Но информации о личностях преступников это не прибавило.

Я посмотрел на Эйклона, на которого, собственно, и делал ставку. С помощью Сутрон я срезал с него одежду, оказавшуюся столь же безликой, как и наряды его спутников. Мы принялись вертеть его обнаженный труп, пытаясь найти ну хоть что-нибудь.

--- Вот! --- воскликнул Фишиг, склоняясь над телом и тыча пальцем в клеймо над левой ягодицей трупа.

--- Серафим Лаоакуса. Старая отметка Хаоса. Эйклон поставил ее двадцать лет назад, чтобы оказать дань уважения своим тогдашним хозяевам. Старый культ, старый наниматель. Никакого проку...

--- Тебе известны о нем столь интимные подробности? --- с любопытством посмотрел на меня Фишиг.

--- У меня есть источники, --- ответил я, не испытывая никакого желания посвящать его в эту историю.

Уманга, одна из моих первых напарниц. Умная, красивая и смелая. Ей удалось узнать эту деталь для меня.

Последние пять лет она провела в клинике для уталишенных. И последнее, что я о ней слышал, было то, что Уманга отгрызла себе пальцы.

--- То есть он сам себя клеймил? --- уточнил Фишиг. --- И, вступая в новый культ, всякий раз ставил новую отметку, чтобы продемонстрировать свою верность?

Арбитр говорил дело. Мы еще раз тщательно осмотрели тело и обнаружили как минимум шесть шрамов от лазерных ожогов, которые скорее всего когда-то были клеймами различных культов, сведенными после того, как Эйклон оставил эти организации.

В кожу за левым ухом оказалась вживлена металлическая пластинка в форме Бубона Хаоса.

--- А это? --- спросила Түтрон, сбривая волосы на голове трупя лезвиями своей правой руки, чтобы обнажить пластинку.

--- Старье.

Я отошел от трупа и задумался. Перед своей смертью он пытался достать что-то на поясе --- или мне

показалось?

--- Где его вещи?

Вещи были сложены в стоящий рядом металлический погреб. Лазерный пистолет, миниатюрный вокс, инкрустированный жемчужом портсигар с шестью сигаретами с обкуркой, зажигалка, кредитная карточка, запасные обоймы, пластмассовый ключ. И пояс с четырьмя застегнутыми кармашками.

Я открыл их один за другим: немного местной мелочи; миниатюрный лазерный нож; три пластинки высококалорийного сухого пайка; стальная зубочистка; еще обкурка, но на сей раз в ампуле с инжектором; маленький информационный планшет.

К чему из этих вещей он тянулся перед смертью? К ножу? Не самый удачный выбор для противостояния человеку, засунувшему в ваш рот пистолет. По той же причине не стал бы он тянуться и к лазерному пистолету в кобуре. Впрочем, Эйклон был доведен до отчаяния.

Может, ему понадобился информационный планшет? Я включил

устройство, и оно затребовало пароль доступа. Барн знает, какие тайны могли скрываться внутри, но вряд ли Эйклон собирался пополнять знания или освежать память в преддверии верной смерти.

--- Следы инъекций на предплечье, --- заявила Түтрон, продолжавшая осмотр тела.

Это было неувидительно, учитывая изъятые нами наркотики.

--- А кольца? Браслеты? Серьги? Пирсинг?

--- Нет.

Я вытащил пластиковый мешочек из распределителя, стоящего на хирургической тележке, и положил все вещи в него.

--- Надеюсь, вы распишетесь в их изъятии? --- подняв взгляд, спросила Түтрон.

--- Конечно.

--- Ты ведь ненавидел его? --- внезапно произнес Фишиг.

--- Что?

Он присел на край каменного стола и скрестил руки на груди:

--- Ты уже поймал его и, зная, сколько тайн в его голове, тем не менее вышиб ему мозги. Ты сделал это в гневе?

--- Я инквизитор. Я не действую в гневе.

--- Тогда зачем?

--- Ты не представляешь, насколько опасен был этот человек. --- Я устал от его ехидного тона. --- Мне не хотелось рисковать.

--- А по мне, он кажется довольно безобидным, --- ухмыльнулся Фишиг, опуская взгляд на тело.

--- Вот кое-что еще! --- позвала Сүтрон. Мы приблизились.

Она споро трудилась над его левой рукой. Ее пальцы, переходящие в скальпели и щупы, порхали, подобно пальцам вышивальщицы над тканью.

--- Указательный на левой руке. Необычно омертвевший и раздутый. --- Она провела над ним маленьким сканером. --- Ноготь из кератина. Искусственный. Имплантат.

--- Что внутри?

--- Неизвестно. Считывание нечеткое.

Может быть, есть... ага, вот она...
защелка под ногтем. Нужно что-нибудь
тонкое, чтобы нажать на нее.

Из ее мизинца выдвинулся
металлический щуп, тонкий, словно.
Зубочистка.

--- Стой! Остановись немедленно! ---
заорал я.

Но было уже слишком поздно. Түтрон
сняла защелку. Фальшивый ноготь
откинулся, как крышка шкатулки, и что-то
вылетело из выемки в кончике пальца.
В воздухе сверкнул серебряный червячок,
похожий на ювелирную цепочку.

--- Куда он делся?

--- Не знаю, --- сказал я, отодвигая
Түтрон и Эмоса за спину.

--- Ты видишь его? --- спросил я
Фишига.

--- Вон там, --- ответил он,
вытаскивая вороненый короткоствольный
гробовик из-под одежды.

Я потянулся к своему пистолету, но
вспомнил, что вернул его Виббен.

Пришлось взять с прожекторской
тележки нож для разделения костей.

Червь снова скользнул в свет. Теперь он достигал почти метра в длину и нескольких сантиметров в ширину. Мне даже не хотелось думать, какое обратительное колдовство послужило причиной его увеличения. Он состоял из металлических сегментов, голова твари являла собой безглазый конус, который рассекала шипящая пасть, полная бритвенно-острых зубов.

Тутрон вскрикнула, когда червь бросился к нам. Я толкнул ее на пол, и тварь, хлестнув по нам, вонзилась в трун на ближайшем столе. Раздался обратительный хлюпающий звук, и червь исчез в теле мертвеца, оставив за собой рваную рану.

Трун затрясся и начал разваливаться, наполняя воздух вонючим паром. Из образовавшегося облака со свистом вырвался червь и скрылся где-то в полу. К тому времени, как Фишиг наконец открыл огонь, разрывая в клочья остатки трупа, червь давно уже ушел.

--- Механизм активизируется при нажатии, --- бормотал себе под нос Эмос. ---

Очень необычный, вероятно, изготовленный из какой-то редкой расой. Защитное оружие с какой-то системой увеличения объема при контакте с воздухом и (или) освобождении. Ориентируется на звук...

— Ну так заткнись! — прошипел я, прижимая его и Түтрон к гальной стене.

Я пошел параллельно фишигу мимо столов, держа оружие на изготовку.

Червь появился снова. И к тому времени, как я его увидел, он уже был возле меня. В эту секунду мне стало ясно, какую смерть готовил для меня Эйклон. Именно он намеревался воспользоваться нашей посадочной платформе Молитвенника Два-Двенадцать. Моя ненависть спасла меня.

Я успел выставить нож, и глиняный клинок воткнулся прямо в разинутую пасть и углубился в пищевод червя. Не удержавшись на ногах, я опрокинулся на бок. На ноже, словно кнут, извивалась двухметровая, тяжелая тварь.

Просвистели пули. Фишиг пытался подстрелить червя.

— Угуот, ты чуть в меня не попал!

— Держи его ровно!

Вот кретин! Тварь с металлическим
лязгом пережевывала клинок,
неотвратно приближаясь к моему
запястью.

Погоспела Түтрон, и вместе нам
удалось прижать извивающуюся тварь к
каменному столу. Прозектор включила
костную пилу на своей аугметической
руке, и вращающиеся лезвия с
пронзительным визгом отрезали червя
голову.

Но тело продолжало извиваться.
Тогда женщина схватила его и бросила в
ванну с кислотой, которую обычно
использовали для биоотходов. Следом
отправилась шипящая голова, все еще
пережевывающая нож.

Мы заморожено наблюдали за тем,
как растворяются извивающиеся останки.

Наконец я перевел взгляд на Түтрон и
Фишига.

— Уж и не знаю, кого бы предпочел
иметь рядом во время боя, — пробормотал
я.

Түтрон расстелась. А вот Фишиг

стяться не стал.

--- Что это было? --- спросил меня Эмос, когда ты полчались по улицам на «Лэндспидере» Фишига, направляясь к штаб-квартире Агентус Арбитрес.

--- Тебе дано догадываться о большем, чем мне --- узнавать, --- ответил я. --- Несомненно, это подарок его хозяев.

--- И что за хозяева могут создать подобную тварь?

--- Могущественные, Эмос. И самые мерзкие из всех возможных.

Наша встреча в мрачных чертогах Агентус Арбитрес была краткой. Поэтому запросу Фишиг вызвал Магоса Паластемеса, главу техномагов, занимающихся криогенераторами.

Тот бросил один взгляд на ларец, стоявший в хранилище улик, и произнес:

--- Понятия не имею, что это такое.

--- Благодарю. На этом все, --- ответил я, поворачиваясь к Фишигу. --- Немедленно переправьте этот предмет на той корабль.

--- Это же улика... --- начал он.

--- Фишиг, ты на кого работаешь?

--- На Императора.

--- Тогда представь, что я --- это он. Ошибешься незначительно. Делай, как я сказал.

* * *

Хадам Бонц ждал нас в комнате допроса. Его раздели донага, но Фишиг заверил меня в том, что никакого импорта в его одежде найдено не было.

Бонц был тем бандитом, которого я отключил в зале криогенератора, и единственным пережившим ночь человеком Эйклона. Его губы распухли от тупого удара. И он не признавал ничего, кроме собственного имени.

Вместе с Фишигом и Элсом я вошел в унылую каменную коробку комнаты. Бонц был пристегнут наручниками к металлическому стулу и выглядел испуганным.

«И это правильно», --- подумал я.

--- Расскажи мне о Мургине Эйклоне,

— сказал я.

— О ком? — Из его глаз исчезло тупое выражение зомби, заклятие Эйклона было сброшено. Хагат был удивлен и явно смущен.

— Хорошо, расскажи мне последнее, что ты помнишь.

— Я был на Трациан Примарис. Там той год. Я работал грузчиком в доках. Помню, что вместе с другом пошел в бар. И все.

— Другом?

— Вин Эгдон, начальник дока. Думаю, что мы вместе напились.

— Эгдон упоминал Эйклона?

— Нет. Послушайте, а где я? Эти ублюдки не хотят говорить. Что я натворил?

— Ну, начнем с того, что ты пытался убить меня, — улыбнулся я.

— А кто вы?

— Имперский инквизитор.

После этих слов ужас заставил его потерять самообладание. Он начал умолять, просить, признаваясь нам в куче разных проступков, ни один из которых не

был нам интересен.

С первого же мгновения я понимал, что он окажется бесполезен. Просто заигнотизированный раб, выбранный только благодаря своей мускулатуре. Он ничего не знал. Но мы все равно провели с ним два часа. Фишиг медленно поворачивал градуированный диск на стене, контролировавший поступление легяного воздуха извне Купола Солнца. Мы были одеты в теплую одежду и задавали ему вопросы снова и снова.

Когда плоть Бонца начала прилипать к металлическому стулу, мы поняли, что больше он ничего не знает.

— Согреть и хорошо накормить, — приказал Фишиг своим людям, когда мы вышли из камеры. — Мы казним его на рассвете.

Я не стал спрашивать, какой рассвет имеется в виду — некий умозрительный период произвольного цикла или реальный рассвет, который случится только спустя шесть месяцев, в начале Оттепели.

Мне было все равно.

На некоторое время Фишиг предоставил нас самим себе, и мы с Эмосом позавтракали в общественном бистро, расположенном почти под самым куполом. Еда была приготовлена из замороженных продуктов, но, по крайней мере, оказалась горячей. Ряды фонтанов создавали стены воды вокруг бистро так, чтобы свет, исходящий от шаров плазменного солнца, подсвечивал их радугами, изогнувшимися над столами и проходами. В этот мрачный, траурный день кроме нас посетителей не было.

Эмос пребывал в хорошем настроении. Он болтал без умолку и проводил взаимосвязи, которые мне никак не удавалось увидеть. При всех своих недостатках он обладал превосходным интеллектом. С каждым проведенным с ним часом я узнавал все больше интересного.

Он ковырял вилкой рыбу с рисом и переставлял записи в информационном

планишете.

--- Давай посмотрим на задержки перед посланиями, обнаруженные Ловинком в сообщениях Эйклона, переданных и полученных во время пребывания на планете.

--- Все они зашифрованы. Ловинку пока что не удалось их взломать.

--- Да, да... Но обрати внимание на задержки. Например, вот здесь... Восемь секунд... Пришло с орбиты... И временные рамки соответствуют периоду, который, как мы знаем, загадочное звездное судно Эйклона провело здесь. Но вот это сообщение передано во время столкновения с тобой прошлой ночью. Задержка двенадцать с половиной минут. Передано оно из другой системы.

Я прекратил попытки идентифицировать субстанцию, означенную в меню как «мясо», и посмотрел на Эмоса. Никогда прежде не уделял такого внимания размытому побочному шуму, обрамлявшему все астронавтические послания.

--- Двенадцать с половиной? ---

переспросил я. — Уверен?

— Ловинк все проверил.

— Из этого следует...

Он улыбнулся, довольный тем, что доволен я.

— В картинку попадают три мира. Все при передаче сообщения сюда дают задержку от одиннадцати до пятнадцати минут. Это Трациан Примарис, Кобальт II и Гүдрүн.

Трациан Примарис не стал неожиданностью. Там мы последний раз заходили в порт и отслеживали Эйклона. И, как мы узнали от несчастного Бонца, именно там он завербовал часть или всех своих помощников.

— На Кобальте ничего нет. Я проверял. Только имперская наблюдательная станция. А вот Гүдрүн...

— Мир, занимающийся по большей части торговлей. Старая культура, старые семьи...

— Старые яды, — со стешком закончил он пословицу.

— А можно выяснить точнее? — Я протокнул губы салфеткой.

--- Ловинк уже разбирается с этим по-
моей просьбе. Как только удастся
взломать шифр --- я имею в виду не шифр,
использованный в самом сообщении, а
закодированные заголовки перед основным
текстом, --- ты узнаешь.

--- Гүдрүн... --- задумался я.

В ухе ожил вокс. Это был Бетанкор:

--- Слышал о чем-нибудь под названием
Понтиус?

--- Нет. А что?

--- Я тоже, но Ловинку удалось
взломать некоторые из старых шифровок.
За несколько недель до прибытия Эйклона
кто-то посылал по проверенным каналам
сообщения в локацию под Куполом Солнца.
Они беседовали о доставке какого-то
Понтиуса. Разговор кажется косвенным и
несущественным.

--- Выяснили, что за локация?

--- Ну а иначе зачем бы тебе нас
нанимать? Адрес: Окна Отменели,
двенадцать-ноль-одиннадцать. Это на
западной стороне Купола, в квартале, где
земля стоит дорого. Логово местной
аристократии.

--- Какие-нибудь имена?

--- Нет. В этом вопросе они были весьма скромны и щепетильны.

--- Выезжаем.

Мы с Эмосом встали из-за стола. А когда обернулись, увидели дожидающегося фишига. Он был при полном параде: черный панцирный доспех Agent's Arbitres, шлем с забралом, все знаки отличия. Должен признаться, что впечатление он производил потрясающее.

--- Собрались куда-то без меня, инквизитор?

--- Вообще-то собирались найти тебя. Доставь нас к Окнам Отменели.

Глава четвертая ПРОГУЛКА ПОД КУПОЛОМ СОЛНЦА ОКНА ОТТЕПЕЛИ, 12011 ВОПРОС САЙМОНА КРОТСА

Богатые обитатели Снеисодержали зимние дворцы на западной окраине Купола Солнца. По словам арбитра Фишига, они «наслаждались и светом, и тьмой». Оттуда можно было посмотреть внутрь освещенного купола, а можно поднять специальные ставни, чтобы рассмотреть темный пейзаж зимней пустыни. На мой взгляд, и то и другое — удовольствие средней паршивости, но Эмос предположил, что это как-то связано с духовными ценностями нации.

Фишиг прекратил свой рассказ про

местные достопримечательности, когда
мы потчались на его тяжелом
«Лэндспидере» с антигравом, поднявшись
над уличным трафиком и зданиями. Он
стремительно влетал в повороты между
стеклянными башнями и мчался на запад.

Мне кажется, что он выпендривался.

Этот с тихим стоном закрыл глаза и
вцепился в заднее сиденье. Я ехал впереди,
рядом с закованным в панцирь фишигом, и
увидел хищную устешку на его физиономии
под щитком судейского шлема.

Матово-коричневый «спидер»
стандартной имперской модели был
украшен солярным символом и гербом
Agentus Arbitres. Из-за брони машина
стала не слишком маневренной, и
антиграв с напрягом удерживал нас на
высоте. Прямо напротив моего сиденья
была встроена турель с тяжелым
болтером. Я огляделся и увидел за задним
сиденьем запертую стойку с дробовиками.

— Дай мне один из них! — Я старался
перекричать свист встречных потоков
воздуха и неровный гул турбин.

— Что?

--- Оружие дай, говорю!

Фишиг кивнул и набрал код на клавиатуре, встроенной в широкий турвал. Решетка на оружейной стойке открылась со щелчком.

--- Держи!

Эмос передал мне дробовик, и я принялся заряжать его.

Перед нами возвышались Окна Отменели --- террасированный комплекс зданий из роскошного хрустала и феррокрита, встроенных прямо в изогнутую стену купола. Мы спустились наг висячими садами, заставив загрозатъ кустарники и пальмы.

Затем Фишиг выключил турбины, и мы опустились возле широкой веранды восьмизэтажного здания.

Арбитр выпрыгнул, вскидывая дробовик. Я последовал его примеру.

--- Оставайся здесь, --- приказал я Эмосу.

Впрочем, этого можно было бы и не делать.

--- Куда? --- спросил Фишиг.

--- Двенадцать-ноль-одиннадцать.

Мы побежали вдоль широкой террасы, перебираясь через разделительные заграждения и оплетенные цветами трельяжи.

Номер 12011 оказался зданием, отделанным стеклом, с зеркальными раздвижными дверями.

Фишиг предупреждающе поднял руку и вынул из кармана монету. А затем кинул на веранду, где ее разнесло на атомы девятью отдельными лазерными лучами.

Он включил вокс:

--- Исполнитель Фишиг вызывает управление Агентус Арбитрес, прием.

--- Слушаю вас, исполнитель.

--- Отключите автоматическую защиту со здания, расположенного по адресу: Окна Отменели, двенадцать-ноль-одинадцать. Немедленно.

Пауза.

--- Отключение произведено.

Фишиг шагнул вперед, но я придержал его и тоже бросил монету.

Она дважды подпрыгнула на базальтовой веранде и покатилась.

--- Люблю быть уверенным, --- сказал я.

Мы подошли с разных сторон к
остекленному входу. Фишиг попытался
раздвинуть двери, но те оказались
заперты.

Исполнитель отошел, явно собираясь
выстрелить в окно.

--- Это артаплекс, --- сказал я,
постучав костяшками по поверхности. ---
Не глупи.

Я вытащил пакет с вещами Эйклона
из куртки и искал небольшой лазерный
нож. Но вначале наткнулся на
пластиковый ключ.

Попытка не пытка, как любил
говоривать инквизитор Хапшант.

Я вставил ключ в замок, и
раздвижная дверь скользнула в сторону.

Мы подождали. На нас повеяло
ароматизированным воздухом, и донеслись
звуки легкой оркестровой музыки.

--- Агентус Арбитрес! Всем выйти! ---
прозвучал голос Фишига, многократно
усиленный встроенным в шлем
громкоговорителем.

Не знаю, все они вышли или нет, но
плотный огонь из крупнокалиберных

винтовок снес балюстраду веранды, разограл кустарники в горшках и карликовые деревья, подрезал цветники и срубил мачту антенны.

--- Да будет так! --- проревел Фишиг, вкатываясь внутрь и передергивая затвор гробовика. Раздались оглушительные залпы.

Я вскарабкался по восточной трубе на балкон второго этажа, перекинув позаимствованный в «спидере» гробовик через плечо. Внизу завязалась яростная перестрелка.

Занавешенная полупрозрачной тканью балконная дверь вела в главную спальню.

В комнате, загражденной красным бархатом, звучала мягкая музыка, льющаяся из скрытых колонок. Постель была в беспорядке. В одном из углов спальни на позолоченном столике лежал портативный коммник. Я проверил журнал автоответчика.

Фишиг, судя по оглушительному грохоту, доносящемуся с первого этажа, устроил там настоящий погром. Но меня оглушил не он, а женский визг. Из боковой

двери, за которой, как нетрудно было догадаться, находилась ванная комната, вышла обнаженная девушка. Когда на нее уставился ствол моего гробовика, она попыталась прикрыться простыней.

— Кто вы? — всхлинула она и потрясла головой.

— Инквизиция, — прошипел я. — А ты кто?

Она зарыдала и снова затрясла головой.

— На пол, — приказал я и добавил: — Если стожешь, заберись под кровать.

В ванной комнате кто-то насвистывал. Затем тужской голос произнес какое-то имя.

— Не отвечай, — сказал я плачущей девушке и медленно, беззвучно обошел кровать, подбираясь к двери в ванную. Там снял свет, витал пар и стоял запах банных масел.

Должен признаться, он оказался настороже. Не стал ничего выяснять, а просто открыл стрельбу.

Как только я толкнул дверь стволом своего гробовика, пять зарядов пробили в

ней дыры.

Я упал на пол и трижды выстрелил в
дверной проем:

--- Инквизиция! Бросить оружие!

Еще два залпа прошли дверь.

Я отполз в сторону и поднялся, не
опуская ружье.

--- Выходи! --- приказал я, используя
Волю.

Из ванной комнаты вывалился
огромный, голый и покрытый
татуировками мужчина, одна щека
которого была выбрита, а вторая все еще
оставалась в пене. В руке он сжимал
автоматический пистолет модели
«Тронзвассе Хай-Пауэр».

--- Брось оружие, --- приказал я.

На этот раз он и ухом не повел,
словно моя Воля больше не имела силы.
«Его сознание подготовлено к этому, ---
решил я, --- можно больше не пытаться».

Его автоматический пистолет еще
только разворачивался в мою сторону,
когда гробовик снес небритую половину
лица незнакомца, отбросив того обратно
за дверь ванной.

Обнаженная девушка все еще пряталась за кроватью и грожала. Меня удивило, что и она не выскочила из укрытия по моей команде.

Я повернулся к ней лицом:

--- Как вас зовут?

--- Луза Бу.

--- Полное имя! --- равкнул я.

Мне совершенно не было дела до ее имени, но в ней самой было нечто особенное. В голосе. В окружающем ее воздухе.

--- Елизавета Биквин! Девочка по вызову! Работаю под Куполом Солнца последние четыре сезона Бездействия! О боги... --- Она затихла и рухнула на кровать.

--- Одевайся. И оставайся здесь. Позже мне надо будет с тобой поговорить.

Я подошел к выходу из комнаты и выглянул в неосвещенный холл. Снизу, со стороны лестницы, все еще доносились стрельба и крики.

Увидев мою тень в дверном проеме, котенке подбежал тужчина:

--- Вилк! Вилк, они нашли нас! Они...

За мгновение до того, как он понял, что я не Вилк, приклад моего гробовика врезался ему в челюсть. Человек грузно упал.

Дверной косяк расщепили два мощных выстрела.

Я вкатился обратно, переворачивая гробовик прикладом к себе.

Выстрелы прошли и стену над изголовьем кровати. Биквин закричала и скатилась на пол.

Я выстрелил в ответ, пробивая в двери еще две огромные дыры. В комнату ввалились двое мужчин. Оба были одеты в легкую домашнюю одежду. Один вооружился лазерным пистолетом, второй — карабином.

Стрелка с пистолетом я снял единственным точным выстрелом, отшвырнувшим его тело в стену. Человек с карабином открыл огонь, переломив один из столбиков кровати.

Я кувырком ушел с линии огня, превращавшего в лохмотья ковры и бархатные драпировки, крушившего зеркала и мебель. Мне оставалось только

перекатываться в отчаянных попытках
найти укрытие.

Но мой потенциальный убийца вдруг
упал на кровать лицом вниз. Девушка
вынула из его шеи глиняный раскладной
нож.

--- Я спасла тебе жизнь, --- сказала
она. --- Это ведь облегчит мою участь,
верно?

Я приказал ей оставаться в спальне,
и ее ответный поклон позволял думать,
что так она и поступит. Затем я вышел в
темный холл. Внизу было тихо.

--- Фишиг? --- включил я вокс.

--- Спускайся, --- протрещал в ухе его
ответ.

Винтовая лестница вела вниз, в
огромный атриум, наполненный клубами
густого дыма, медленно вытекавшего
наружу через разбитые окна и двери. А
оттуда внутрь врывался яркий свет
Купола Солнца, и ступени лестницы
словно плыли в светящемся тумане. В
противоположной стене помещения
имелись широкие ставни. Если их
открыть, нашим глазам предстанет вид

на снежную пустыню за пределами Кыпола.

В результате перестрелки оказалось уничтожено много дорогой мебели и прочих предметов убранства. В разных концах помещения лежали пять тел. Фишиг поднял лицевой щиток своего шлема и усаживал шестого человека на стул с высокой спинкой. Раненный в правое плечо, мужчина кричал и плакал. Фишиг пристегнул его к стулу наручниками.

— Что наверху? — не оглядываясь, спросил Фишиг.

— Чисто, — сообщил я, обходя помещение, оглядывая трубы и осматривая разбросанные вещи.

— Некоторые из них мне знакомы, — добавил исполнитель, не дожидаясь вопроса. — Вон те, у окна. Местные чернорабочие. За обоями глиняный список телких нарушений.

— Просто громили по найму.

— Так же как и тот, которого взяли ты. Остальные — инолириане.

— Нашел документы?

— Нет. Просто догадываюсь. Ни у одного из них нет ни идентификаторов,

ни отлеток. И мне не удалось найти тайников.

— А с этим что? — Я подошел к фишигу и прикованному к стулу пленнику.

Человек кашлял и скулил, закатывая глаза. Он явно не был глотилой, если, конечно, не обладал искусственно увеличенной силой благодаря каким-нибудь препаратам или скрытой аугметике. Мужчина оказался старше остальных, тонкокостен и щеголял ухоженной бородашкой цвета перца с солью.

— Ты ведь специально оставил его, да? — спросил я фишига.

На лице исполнителя появилась легкая улыбка удовлетворения.

— Я... У меня есть права! — внезапно выкрикнул человек.

— Ты под арестом Имперской Инквизиции, — откровенно ответил я. — Нет у тебя больше никаких прав.

Он утолк.

— Унотирянин, — произнес фишиг и объяснил, когда я приподнял бровь: — Акцент.

Мне бы ни за что не удалось самому

заметить такую особенность. Именно по этой причине я и стараюсь пользоваться помощью местных жителей всякий раз, когда представляется возможность. Даже таких отмороженных, как этот исполнитель. Работа вынуждает путешествовать от мира к миру, от культуры к культуре. Незначительные различия в произношении или несоответствия в сленге остаются для меня незаметными. А Фишиг заметил сразу.

Человек на стуле являлся скорее лидером, чем громилой, вероятно, был одним из избранных помощников Эйклона.

--- Как тебя зовут? --- спросил я.

--- Я отказываюсь отвечать.

--- Тогда я пока отказываюсь перевязывать эту рану.

Он покачал головой. Рана была опасной и явно причиняла серьезную боль, но он сопротивлялся. Я еще более уверился, что это один из главарей. Он больше не трясся и не скулил. Ровно и сосредоточенно дышал --- похоже, применял какую-то ментальную методику

улучшения самочувствия, которой его, без всяких сомнений, научил Эйклон.

--- Ментальные трюки тебе не помогут, --- сказал я. --- В этом вопросе я разбираюсь значительно лучше тебя.

--- Пошел бы ты...

Я бросил на Фишига взгляд, не допускающий пререканий:

--- Держи себя в руках.

Он отстранился.

--- Скажи мне свое имя, --- произнес я, применяя Волю.

Человек скорчился на стуле.

--- Саймон Кротс, --- прохрипел он.

--- Гогвин Фишиг! --- невольно равкнул исполнитель. А потом покраснел и отвалил, занявшись обыском.

--- Очень хорошо, Саймон Кротс, а откуда ты родом? --- Больше Волю применять не имело смысла.

Исходя из моего опыта, обычно хватает и одного удара, чтобы ослабить ментальную защиту.

--- Трациан Примарис.

--- Какую работу ты там выполнял?

--- Служил торговым послом

Объединенной Торговой Гильдии Синезиас.

Это название оказалось знакомым. Гильдия Синезиас была одной из крупнейших коммерческих компаний в секторе. У них имелись связи с имперской знатью и недвижимостью более чем на ста планетах. Им же, как еще утром информировал меня Бетанкор, принадлежал торговый баркас, стоявший в доках Купола Солнца.

--- И какие дела привели тебя на Спесь?

--- Работа... прибыл как торговый посол.

--- В Бездействие?

--- Торговля ведется всегда. Есть кое-какие долгосрочные контракты с властями иными этого мира, требующие личных встреч.

--- А если связаться с гильдией, там это подтвердят?

--- Конечно.

Я обошел его вокруг и встал за спиной:

--- Что привело тебя в это место? В эти частные апартаменты?

--- Я был приглашен в гости.

--- К кому?

--- К Намберу Вилку, местному торговцу. Он пригласил меня на банкет по случаю середины Бездействия.

--- Жилье зарегистрировано на Намбера Вилка, --- вставил фишиг. --- Торговец, как он и говорит. Не привлекался. Я с ним незнаком.

--- Что насчет Эйклона? --- спросил я Кротса, наклоняясь, чтобы заглянуть в его глаза. В них появилась рябь страха.

--- А кто это?

--- Твой настоящий наниматель. Мургин Эйклон. Не заставляй меня спрашивать снова.

--- Не знаю я никакого Эйклона!

Кажется, он говорил вполне искренне. Но он просто мог не знать Эйклона под его настоящим именем. Я подтянул себе стул и сел напротив:

--- В твоей истории не сходится целая куча разных вещей. Тебя застали в компании рецидивистов, связанных с планетарным заговором. На них висит множество всевозможных преступлений...

Ты как желаешь продолжить разговор --- более близко и всесторонне или прояснить некоторые детали прямо сейчас?

--- Я... не знаю, что вам рассказать...

--- Все, что знаешь. Может быть, начнешь с Понтиуса?

Но лицу Саймона стало ясно, что он считал игру окончательно проигранной. Его губы зашевелились, пытаясь что-то произнести. Затем вдруг он выпучил глаза и задрожал. Раздался влажный хлопок, и его голова безжизненно свесилась на грудь.

--- Свет Императора... --- потрясенно пробормотал Фишиг.

--- Проклятие! --- прорычал я, наклоняясь, чтобы приподнять безвольно повисшую голову Кромса. Он был мертв. Эйклон предусмотрел защиту от слабиков, срабатывавшую при определенных обстоятельствах. И Понтиус явно входил в список наиболее секретных элементов заговора.

Инсульт.

Запрограммированный.

--- Итак, ты опять ничего не узнали.

--- Ты уши давно чистил? Мы узнали очень важную вещь: Понтиус --- их самая

драгоценная тайна.

--- Может, расскажешь подробнее?

Я собрался это сделать --- не подробно, конечно, так, в общих чертах, --- но в этот момент ставень, закрывающий вид на снежные просторы Спеси, вылетел наружу... То есть совсем наружу, за компанию с изрядным куском поверхности Купола. Причиной тому послужил мощный взрыв. Нас с фишигом сбilo с ног ударной волной. Куски стекла и обшивки полетели в ледяную мглу.

Миллисекундой позже на нас посыпались осколки хрустала, несомые ураганными ветрами Бездействия... Бурани из миллиардов бритвенно-острых осколков...

Глава пятая

СКРЫТЫЕ СЛЕДЫ СЕМЬИ ГЛО С ГУДРУН НЕПРИЯТНЫЕ СПУТНИКИ

Хоть и оглушенный взрывом, я сохранил достаточно сообразительности, чтобы вцепиться в фишига и выкатиться вместе с ним за дверь, прежде чем ее перекрыла упавшая с потолка аварийная перегородка. Полуслепые и задыхающиеся, мы лежали на веранде, а резкий свет и тепло Купола Солнца отогревали наши протерзанные тела.

Вдоль Окон Оттенели завыли сирены и гудки. Машины арбитров были уже в пути.

Мы поднялись. Одежда и везение защитили нас от серьезных ран в

хрустальном шторме, хотя мне здорово
рассекло щеку (потом пришлось зашивать),
а Фишигу в бедро, между сочленениями
пластин доспеха, воткнулся глиняный
осколок стекла. Но можно сказать, мы
отделались царапинами.

--- Бомба сработала не вовремя? ---
спросил он, хотя и понимал, что это не
так.

--- Демонация включилась по тому же
сигналу, что убил Кромса.

Фишиг опустил взгляд и подтянул
стяжку на рукавице, давая себе время
подумать. От шока его лицо стало
пепельно-серым. Похоже, он только сейчас
начал понимать, какими ресурсами и
возможностями обладали люди, с
которыми нам предстояло бороться.
Отвратительное преступление в
Молитвеннике

Два-Двенадцать
продемонстрировало размах их намерений,
но этого Годвин не видел собственными
глазами. А теперь он любовался на
фанатичных слугителей тьмы, людей,
готовых без содрогания принять смерть. У
увидел, как жестоко они замечают следы.

Кроме того, ментальные капканы свидетельствовали о значительных ресурсах и пугающей искусственности преступников в наиболее закрытых и охраняемых технологиях Империи.

Пока местные медики обрабатывали наши раны, в дом вошли отряды арбитров и занялись осмотром здания. Через некоторое время они вытащили продрогшую Биквин. Она была закутана в одеяла, а лицо ее посинело от холода. По моему приказу и за моей подписью ее поместили под арест. Девушка слишком замерзла, чтобы возмущаться.

Мы с Фишигом переоделись в теплую одежду и снова вошли в дом. На то, чтобы заламывать прореху, ремонтной бригаде нужно было еще два-три часа. Мы покинули ярко освещенную веранду, тинировали три временных изоляционных занавеса и вошли в темные синеватые сумерки апартаментов. Противоположная стена исчезла, и перед нами раскинулась пустынная, безжизненная ночь Спеси, глянцевого серого пейзажа, состоящий из непроницаемых теней и отблесков света.

исходящих от Купола Солнца. Когда я
опасть оказался в пронизывающем холоде
Бездействия, кровь, текущая в моих венах,
показалась обжигающе горячей.

Посреди гостиной, в которой мы
допрашивали Кромса, образовалась
воронка, покрытая сажей и усеянная
стеклом. Морозная корка покрывала
мебель и перекошенные лица мертвецов.
Капли крови, пролившейся под секущими
ударами стеклянного шторма, казались
рубинами в окружающей темноте.

Мы шарили вокруг ступнями белыми
лучами фонарей. Я сомневался, что после
случившегося угадается хоть что-нибудь
найти. Все ценные документы должны
были сгореть или самоуничтожиться по
тому же самому сигналу, который убил
Кромса и взорвал ставень. К тому же
существовала вероятность того, что всю
важную информацию эти люди держали в
головах благодаря энграммам памяти или
ментальной кодировке --- особым
техникам, которые были на вооружении
только в высших эшелонах
дипломатических кругов.

Администрацию и элитных торговых делегациях.

Что возвращало меня обратно к нанимателю Кротса -- Гильдии Синезиас.

* * *

-- Это имя довольно распространено в данном субсекторе, -- сказал мне Эмос, занимавшийся сбором информации о Понтиусе, когда ты вернулись обратно в уютную палубу боевого катера. -- Я получил сведения о более чем полумиллионе граждан с таким именем. Еще для двух сотен тысяч это второе имя. Ну и еще сорок или пятьдесят тысяч носят немого измененные формы того же имени.

Он помахал передо мной цифровым планшетом. Я отстранил его и взял зеркальце, чтобы рассмотреть рядок металлических стяжек на своей щеке.

-- Что насчет организаций?

-- Более девяти тысяч, -- вздохнул он

и начал зачитывать их со своего
планшета: --- Академия юношества
Понтиуса Свеллина, Бюро переводов
Понтиуса Праксителза, Инвестиционный
фонд Понтиуса Гиванта Ронуса,
Госпиталь микрохирургии имени Шнигеля
Понти...

--- Достаточно. --- Я уселся за
клавиатуру, вводя группы имен.

По экрану побежали и запрыгали
терцающие руны. Потом в центр выплыли
извлечения из текста. Я безло проглядел
их, держа палец на кнопке прокрутки.

--- Понтиус Гло, --- сказал я.

Этос моргнул и посмотрел на меня.
На его узком лице появилась полуулыбка
ученического восхищения.

--- В моих списках не значится.

--- По причине смерти?

--- По причине смерти.

Этос склонился над моим плечом,
глядя в экран:

--- В этом есть какой-то смысл...

Так оно и было. Несколько
нелогичным путем зерно истины было
извлечено на свет. Подобный нюх приходит

и инквизитору с опытом.

В жилах семьи Гло текла древняя кровь благородной династии, остававшейся главным изроком в этом субсекторе почти всю последнюю тысячу лет. Основные владения и имущество семьи размещались на планете Гудрун, в мире, уже попадавшем в зону нашего внимания. Дом Гло также являлся главным акционером и инвестором в Объединенной Торговой Гильдии Синезиас, судя по только что полученным мною данным.

--- Понтиус Гло... --- пробормотал я.

Понтиус Гло умер более двухсот лет назад. Седьмой сын Оберона Гло, одного из величайших патриархов этого рода, принял судьбу всех младших братьев. Поскольку он наследовал за старшими, ему осталось не много. Его самый старший брат, еще один Оберон, стал главой Дома; второму по старшинству подарили управление активами; третий получил звание капитана милиции Дома; четвертый и пятый заключили политические браки и вошли в состав Администратуры на высоком уровне... С

этого все и началось.

Как я помнил из биографии Понтиуса Гло, входящей в список обязательного чтения для стажеров Инквизиции, он стал пустым человеком, бессмысленно растрачивающим свою жизнь, несмотря на прекрасное образование, обаяние и отвагу. Он проиграл в азартные игры большую часть доставшегося состояния, а потом вернул его за счет доходов от торговли рабами и подпольных гладиаторских боев. В его досье прописалась звериная жестокость.

А когда к сорока годам злоупотребление роскошью окончательно подорвало его здоровье, он встал на более темную дорожку. Принято считать, что поводом послужил несчастный случай: может быть, в его руки попал некий артефакт или документ; возможно, подействовали странные верования кого-то из его рабов-гладиаторов. Инстинкты подсказывали мне, что он всегда имел дурные наклонности и требовался лишь случай, чтобы позволить им расцвести. Судя по документам, Понтиус

коллекционировал редкие и зачастую запрещенные книги. И кто скажет, когда его страсть к распутству и эзотерической порнографии обернулась ересью и богохульством?

Понтиус Гло стал поборником Хаоса, приверженцем самых омерзительных и непристойных сил, преследовавших эту галактику. Он сплотил вокруг себя секту, и в течение пятнадцати лет творил невыразимое и все более кощунственное зло.

В конечном счете его убили на Ламсаротте вместе с остальными сектантами во время инквизиционной зачистки, которой руководил великий Авессалом Анжевин. Дом Гло участвовал в этой ликвидации, в отчаянном стремлении дистанцироваться от преступлений Понтиуса. И скорее всего только поэтому вместе с ним не осудили всю семью.

Чудовище, печально известное чудовище. И мертвое уже более двух столетий.

Но связь его имени с сегодняшними

событиями казалась столь ощутимой, что игнорировать ее было нельзя.

Я поднялся в рубку управления и сел рядом с Бетанкором:

--- Нам потребуется межзвездный переход к Гудрун.

--- Сделаю. Но может потребоваться день или два.

--- Постарайся сделать все как можно быстрее.

Я отправил сообщение Верховному Хранителю Карпелу, посвятив его в некоторые, хотя и не все, результаты расследования, а также уведомив его о том, что вскоре мне придется покинуть планету, чтобы продолжить поиски на Гудрун. Затем я с головой погрузился в чтение конфиденциальных записей инквизитора Анжевина, пока два арбитра, следуя моему распоряжению, не доставили на катер Елизавету Биквин.

Она хмуро взирала на обстановку кают-компании и наручники у себя на запястьях. Одежда она была в довольно вульгарное платье и легкую накидку. Безусловно, она была красива, и красоте ее

не портили ни дешёвая одежда, ни мрачная
гримаса на лице. Хорошие кости, здоровые
зубы, яркие глаза и глянцевые тёмные
волосы. Но в первые же секунды нашей
встречи в доме Вилка я заметил в ней
одну странность. При всей физической
привлекательности в Биквин было что-то
отталкивающее. Любопытное ощущение, и
я уже начал догадываться, в чём причина.

Девушка оглянулась, когда я вошёл в
кают-компанию. На её лице смешались
страх и негодование.

--- Я помогла тебе! --- выкрикнула она.

--- Это верно. Хотя я не просил и не
нуждался в твоей помощи.

Она надулась, и у меня сразу же
усилилось желание вышвырнуть её с
палубы пинками.

--- Арбитрес заявили, что намерены
предъявить мне обвинение в убийстве и
преступном сговоре.

--- Им отчаянно хочется свалить на
кого-нибудь все преступления. А ты, к
несчастью, оказалась причастна, хотя и не
знаю, что преднамеренно.

--- Чертовски верно! --- фыркнула она. ---

Моя жизнь снова пошла прахом! Только удалось хоть немного привести дела в порядок...

--- Твоя жизнь так тяжела?

Ее губы скривились в устешке, а в глазах отчетливо читалось сомнение в своих умственных способностях.

--- Я девочка для удовольствий, последняя из последних, можно сказать вещь. Реши сам, тяжела ли моя жизнь.

Я шагнул вперед и расстегнул наручники, надетые арбитрами. Биквин растерла запястья и удивленно посмотрела на меня.

--- Садись, --- сказал я, используя Волю.

Она снова посмотрела на меня, словно задумавшись, что это за забавные интонации в моем голосе, а потом спокойно присела на мягкий кожаный диван у стены кают-компании.

--- Думаю, что смогу снять все обвинения, --- сказал я. --- У меня есть такие полномочия. И только благодаря моему авторитету тебе до сих пор ничего не предъявили.

--- И за что мне такая милость?

--- Вроде бы ты считала, что я
задолжал тебе?

--- Не имеет значения, что я считаю.
--- Она угрюмо окинула меня взглядом.

Я понял, что заинтригован. Передо мной сидела девушка, чья привлекательная внешность и несломленный дух делали ее, бесспорно, желанной. И все-таки... Мне хотелось наорать на нее и прогнать с глаз долой. Меня охватывала беспочвенная, инстинктивная ненависть.

--- Даже если будут сняты все обвинения, я больше не смогу оставаться здесь. Меня затравят. Решат, что от меня одни неприятности. Это конец моей работы. Снова надо переезжать. --- Девушка устояла в пол и пробормотала проклятие. --- А мне только-только удалось поправить дела!

--- Снова переезжать? Ты не со Спеси?

--- Этой вонючей дыры?!

--- Тогда откуда?

--- Прилетела с Трациан Примарис четыре года назад.

--- Ты родилась на Трациане?

--- На Бонавентуре, --- покачала

головой Биквин.

Этот мир располагался практически на полсектора дальше.

--- Как ты добралась с Бонавентуры до Трациана?

--- Занималась то тем, то другим. То там, то сям. Много путешествовала. Никогда не оставалась слишком долго на одном месте.

--- Потому, что жизнь становилась трудной?

Еще одна устешка.

--- Верно. Здесь я проторчала дольше, чем где-либо еще. Но теперь все покатилось к чертям.

--- Встать! --- неожиданно рывкнул я, используя Волю. Она утолкла и непонимающе пожала плечами. --- Встань, пожалуйста. (Биквин поднялась на ноги.) Хочу спросить, кто привел тебя в Окна Отменели, двенадцать-ноль-одиннадцать.

--- Я догадывалась, что ты это сделаешь.

--- Если потожешь, я, возможно, предложу тебе сделку.

--- Какую еще сделку?

— Можу доставить тебя на Гугрун.
Дам тебе шанс начать все заново. А еще
могу предложить работу, если тебе это
интересно.

Девушка лукаво устехнулась. С ее
лица наконец ушло настороженное
выражение. От этого она стала еще более
красивой, но не стала нравиться больше.

— Работу? Ты хочешь нанять меня?
Инквизитор собирается нанять меня?

— Верно. Думаю, ты сможешь
оказывать мне кое-какие услуги.

В два плавных шага Елизавета
приблизилась и положила ладошки мне на
грудь.

— Понятно, — сказала она. — Даже у
больших, сильных инквизиторов есть
маленькие слабости, да? Прекрасно.

— Ты поняла неправильно, — ответил
я, отстраняя ее так вежливо, как только
мог. Физический контакт усилил чувство
неестественного отвращения. — Услуги, о
которых я говорю, будут для тебя новы.
Это не та работа, к которой ты
привыкла. Все еще интересуешься?

Биквин склонила голову набок и

окинула меня оценивающим взглядом:

--- А ты странный... Скажи, а другие инквизиторы похожи на тебя?

--- Нет.

Я приказал Мого, нашему сервитору, присмотреть за ней и оставил девушку в уютной компании.

В тень дверного проема стоял Бетанкор и оценивающе оглядывал Биквин.

--- А она милашка, --- пробормотал он, словно я и сам не заметил.

--- Ты так быстро забыл Виббен?

Он обернулся ко мне точно ужаленный:

--- Это низко, Эйзенхорн. Я просто прокомментировал.

--- Она перестанет тебе нравиться, когда познакомишься с ней поближе. Она неприкасаемая.

--- Серьезно?

--- Серьезно. Аура ментальной пустоты. Естественного происхождения, и я еще не выяснил ее пределы. Мне трудно даже оставаться с ней в одной комнате.

--- И такая красотка, --- вздохнул

Бетанкор, снова глядя на Биквин.

--- Нам это пригодится. Я собираюсь нанять ее, если подойдет по некоторым параметрам.

Он кивнул. Неприкасаемые встречаются редко, и их почти невозможно создать искусственно. Они обладают отрицательным присутствием в варпе, что делает их невосприимчивыми к ментальным воздействиям, а это, в свою очередь, превращает их в потенциальное антиинсигническое оружие. Побочным эффектом ментальной пустоты является неприятное поле отторжения вокруг таких людей, вызывающее страх и отвращение у тех, с кем они встречаются.

Неудивительно, что ее жизнь оказалась тяжелой и одинокой.

--- Новости? --- спросил я Бетанкора.

--- Удалось связаться с торговцем судном «Иссин». Его владетель некий Тобиус Максилла. Занимается торговлей предметами роскоши в небольших количествах. Он будет здесь через два дня с партией тарочного вина с Тесперуса, а потом отправится к Гудрун. За плату он

предоставит нашему катеру место в
трюме.

--- Хорошая работа. Так когда мы
покажемся на Гудрун?

--- Через две недели.

Весь следующий час, или около того,
я провел, допрашивая Биквин, но, как я и
подозревал, она практически ничего не
знала. Мы разместили ее в небольшой
комнатике рядом с обиталищем
Бетанкора. Комната по размерам была
такая же, как и у других, и Нилквиту
пришлось вначале выкинуть оттуда горы
всевозможного снаряжения, но девушка не
возражала. Когда я спросил, надо ли ей
забрать какие-нибудь личные вещи из
Купола Солнца, она только покачала
головой.

Мы с Эмосом рылись в залежах
информации, когда появился фишиг. На
нем была коричневая шерстяная униформа,
а через плечо перекинuty две большие
сумки, которые он бросил на пол,
показавшись на борту. Сумки громко
лязгнули.

--- Чем обязан, исполнитель? ---

спросил я.

Он показал мне планшет с официальной печатью Карпела.

--- Верховный Хранитель разрешает вам покинуть планету для продолжения расследования. И в связи с этим... (Я взглянул на планшет и вздохнул.) Я отправляюсь с вами, --- закончил он.

Глава шестая

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ СТЫКОВКА С «УССУНИМ»

Я направил официальную жалобу в
офис Верховного Хранителя, но сделал
это только для проформы. Карнел мог
закатить истерику, попробуй ты улететь
без его агента. Хотя, конечно же, я мог
так поступить. Я вообще могу поступать
как вздумается. Но в этом случае Карнел
мог отказать мне в поддержке, а я не в
силах предугадать, какая помощь может
потребоваться в дальнейшем от
старейшин и администрации Спеси.
Кроме того, Карнел знал, что я
отправляюсь на Гудрун, и все равно послал
бы туда представителя Агентств
Арбитрес (читай -- фишига) с судейскими
полномочиями. Так что я предпочел
держать исполнителя на виду.

За день до назначенного вылета я приказал Ловинку подготовиться к аутосеансу. Откровенно говоря, я сомневался, что удастся что-нибудь выяснить, но хотел проверить все, что только можно. Как обычно, мы воспользовались моей каютой, заперли дверь, строго проинструктировав Бетанкора на случай, если кому-то вздумается нас побеспокоить.

Я сел в кресло с высокой спинкой и около четверти часа посвятил погружению своего сознания в состояние транса. Это старая техника и одна из первых, которыми меня научили наставники Инквизиции, обнаружив мои способности. Ловинк выложил ключевые улики на застеленный скатертью стол: личные вещи Эйклона, кое-что изъятое из багажа № 12011 и предметы из Молитвенника Два-Двенадцать. Также рядом с нами стоял ларец, найденный в зале криогенератора.

Как только Ловинк наконец решил, что я достаточно подготовился, он открыл свой разум варпу, фильтруя его

неистовое воздействие через свое сознание, прошедшее сильнейшие тренировки. Меня затрясло — момент перехода всегда вызывал шок. В комнате резко понизилась температура, и стеклянная чаша, стоявшая на соседнем столике, неожиданно треснула. Ловинк забормотал, его глаза закатились, он мелко дрожал и подергивался.

Я закрыл глаза, но по-прежнему видел комнату. Увиденное было астрономической визуализацией, выстроенной Ловинком. Все вокруг засияло бледным синим светом, исходящим из предметов, неожиданно ставших прозрачными. Стены комнаты немного подрагивали, вытягиваясь и выгибаясь, и никак не могли прийти в соизмерение друг с другом.

Я поочередно брал предметы со стола. Созданная Ловинком проекция усиливала их психометрические свойства, давая мне возможность рассмотреть, какие следы и резонансы отложились на них в варне.

На большей части предметов

остались тусклые, невзрачные отпечатки, без следов резонанса. От некоторых поднимались тонкие усики аур, оставшихся от соприкосновения с руками и сознаниями людей. Голосовое устройство Эйклона гудело отдаленными, неразборчивыми, призрачными отголосками, от которых не было никакой пользы.

Пистолет Эйклона при прикосновении ужалил мою руку, словно скорпион, -- и я, и Ловинк судорожно вздохнули. Я почувствовал четкое послевкусие смерти. И решил больше не прикасаться к этому оружию.

Цифровой планшет преступника, который Эмосу по-прежнему не удавалось вскрыть, сочился липкой, студенистой аурой. Толщина псислая указывала на то, что планшет и содержащиеся в нем данные были вовлечены в комплексные мыслительные процессы. Впрочем, это нам ничего не давало, и я начал расстраиваться. Но Ловинк усилил мои способности к наблюдению, и наконец я уловил подобное шепоту слово, возможно

цля...

Дайзүмнор.

Ларец мы осматривали в последнюю очередь. Резонанс был силен, и предмет оплетали мерцающие полосы следов соприкосновения с варпом. Контакт с этой уликой должен был быть кратким ввиду изнуряющей силы ореола.

Начав обследование, мы обнаружили три уровня психометрической активности. Первый казался острым и твердым, с металлическим привкусом. Ловинк утверждал, что это был отпечаток сознаний тех, кто стаскерил ларец. Присутствие бесспорно выдающегося, но злобного разума.

Под этим уровнем проявлялся меньший, но более плотный и холодный, похожий на темную, погибшую звезду, тяжелый, пульсирующий след которой, казалось, заперт в самом сердце механизма ларца.

Вокруг них, кружа, словно птицы, трепетали обрывки ментальной агонии погибших в Молитвеннике Двадцать. Их жалобные стоны пронзали

наши сознания и вытягивали из нас эмоциональные силы. Мертвые души Молитвенника оставили психические «отпечатки пальцев» на устройстве, способствовавшем их гибели.

Мы собирались отступить и закончить сеанс, когда на поверхность встретился четвертый, холодный, глубокий и плотный след. Вначале это просто заинтересовало меня, но затем ошеломило то, как страстно он набирает силу и скорость. Мой разум наполнило ощущение невыносимого голода.

Голод, жажда, нужда, страстное томление...

Все это с воплями и тоской поднималось из глубин ларца. Сквозь все остальные энергетические следы прорывалось темное нечто. Я ощущал его злобу и стремление удовлетворить свои потребности.

Ловинк оборвал связь и, задыхаясь, свалился в свое кресло. Его кожа покрылась пунктирами кровавых стигматов --- последствие одного из астропатических сеансов предсказания, проведенного давным-

давно.

Я чувствовал себя не лучше. Мой разум словно затерз... стал холоднее даже, чем объятия Бездействия. Потребовалось немало времени, чтобы мысли потекли свободнее, медленно оттаивая, словно вода в промерзшем водостоке.

Я поднялся и налил себе бокал атасека. И как-то слишком машинально налил еще один и для Ловинка. Наши ощущения после аутосеанса никогда не были радужными, но на этот раз все оказалось еще хуже, чем обычно.

--- Там было что-то опасное, --- прохрипел наконец Ловинк. --- Ужасная опасность. Внутри ларца.

--- Я почувствовал.

--- Впрочем, господин, весь сеанс шел не так, как надо. Слово его ослаблял или искажал... какой-то фактор...

Я ждал, когда он это скажет.

--- Могу объяснить, --- вздохнул я. --- Девушка, которую ты приняли на борт, из неприкасаемых.

--- Держите ее от меня подальше, --- угрожал Ловинк.

Я передал слово «гайзүтнор» Эмосу на тот случай, если это поможет ему в работе над информационным планшетом, и намеревался отдохнуть в своей каюте. Ловинк забился в свое крохотное обиталище под рубкой управления. И было сомнительно, что от астронаута будет много проку в ближайшее время.

Я снова сложил все улики в коробку и запер ее в несгораемый шкаф. Все, кроме ларца, который оказался слишком большим для такой процедуры. Мы хранили его под брезентом в запирающемся кормовом отсеке. Подняв ларец, чтобы отнести обратно, я почувствовал отголосок ауры, словно мы пробудили что-то в ларце, какой-то инстинкт...

Впрочем, я решил, что это могло быть всего-навсего игрой переутомленного воображения. Но перчатки все-таки надел.

На обратном пути ко мне присоединился Бетанкор. Он осмотрел вещи Виббен, но не нашел ни завещания, ни инструкций. Нам потребовалось воспользоваться ее каютой, чтобы

разместить фишига, поэтому мы
упаковали ее имущество и одежду в ящики
под диваном в кают-компании и вместе
перенесли спеленатое тело на кушетку в
медицинский отсек. Я запер за нами дверь.

— Что ты собираешься делать с ней? —
спросил Бетанкор. — У нас сейчас нет
времени на похороны.

— Когда-то Лорес сказала мне, что
хочет посмотреть, что представляют
собой звезды. Там она и упокоится.

Затем я лег спать, лихорадочно
ворочаясь в постели, несмотря на
усталость. А когда сон наконец пришел, он
был холоден и неприветлив.
Электрические всполохи сотрясали
мчащиеся по незнакомым небесам
глубительно черные облака, подсвеченные
неким скрытым или источником света.
Темные деревья и еще более темные,
высокие стены окружали границы моего
сна. Я чувствовал голод и жажду,
исходящие от ларца, скрытого в каком-то
месте, которое никак не удавалось найти
моим глазам.

Стаи омерзительных птиц кружили

в высоте, словно вытягивая из мира все краски, окрашивая весь сон в серые тона. Весь, если не считать красного пятна, сверкавшего впереди на выцветшей почве.

Пятно удалялось с каждым моим шагом. Я побежал. Но оно продолжало действовать в рамках логики сна и стало отодвигаться быстрее.

Наконец, задыхаясь, я прекратил бег. Красное пятно исчезло. Снова возникло ощущение голода, но в этот раз оно было внутри меня, грызло мой живот, наполняло мою глотку жаждой. Катящиеся в небесах облака внезапно прекратили свой бег и неподвижно затерли. Даже вспышки молний застыли, оставшись просто изломанными, фосфоресцирующими линиями.

Кто-то обратился ко мне по имени. Я решил, что это Виббен, но, повернувшись, не увидел ничего, кроме легкого облачка уплывающего дыма.

И проснулся. Судя по хронометру, я проспал несколько часов. Горло горело, а рот пересох. Я осушил два стакана воды и вернулся обратно в постель.

Голова раскалывалась, но избавиться от лишних мыслей никак не удавалось. Сон больше не вернулся.

Вокс загудел приблизительно четыре часа спустя. Меня вызывал Бетанкор.

— «Уссин» только что вышел на орбиту, — сказал он. — Можете отправляться, как только пожелаешь.

«Уссин» косо навис над перевернутой чашей Спеси, вырисовываясь на фоне звезд.

Мы оставили Купол Солнца посреди снежной бури. Корпус катера нервно дрожал, пока Бетанкор вырывал нас из когтей свирепых ледяных ветров, поднимая над бушующим океаном морозного тумана.

А затем океан устремился вниз, и мы уже могли видеть в нем течения и завихрения — огромные центрифуги титанической мощи.

— Там, — сказал Бетанкор, кивая в сторону передних люков. Даже за девяносто километров, еще не выйдя за пределы аэропаузы, он сумел установить визуальный контакт.

Я смог увидеть «Уссин» только спустя некоторое время. Желчужную

кротку планеты слегка искажал кусочек темноты.

Через минуту его очертания уже приобрели объем. А еще минутой позже стало возможным различить бегущие огоньки, освещавшие поверхность сугна.

Еще минута -- и «Уссин» полностью заслонил обзор. Очертания корабля напминали какую-то огромную башню, которую вырвали из земли и бросили спокойно дрейфовать в пустоте.

-- Красота, -- пробормотал Бетанкор, зная толк в кораблях.

Ункрусированные кибернетикой руки моего пилота зателькали над панелью управления, и мы взяли курс на сближение. Боевой катер и массивное торговое сугно принялись автоматически обмениваться трескотней телеметрии. По экранам панели управления полетом побежали колонки данных.

-- Грузовой клипер, классическая модель «Узольда», произведен на верфях Ур Хейвена или Танкреда. Величественный... -- Бормотание Эмоса стало совсем неразборчивым, и он принялся

заносить праздные наблюдения в
подвешенный на запыстье планшет.

По моим оценкам, «Уссин» имел три километра в длину и все семьсот метров в самой широкой своей части. Нос корабля являл собой глинный гладкий конус, похожий на шпиль собора, украшенный переплетающимися готическими завитками и утыканный бронзовыми шипами. За острым носом следовал скованный ребрами из темной стали угловатый корпус в окружении контрфорсов. Ряды зубчатых башен выпирали в верхней части корабля. Словно клыки, вперед были выставлены растущие из корпуса стометровые антенны, а более короткие антенны выступали с боков и днища, потизивая сигнальными огнями. Кормовая часть огромного грузового судна расширялась в четыре сопла, почерневших от жара, каждое из которых было достаточно большим, чтобы поглотить за один раз дюжину боевых катеров.

Бетанкор развернул нас и повел вдоль кормовой направляющей. Когда катер начал заходить на посадку, от «Уссины»

отделилась и приблизилась к нам светящаяся точка, сверкая очень яркими красными и зелеными лампами. Беспилотный посадочный модуль заводил нас внутрь.

Бетанкор осторожно пристроился за ним и заложил крен на левый борт, как инструктировали огоньки на посадочном модуле. Мы аккуратно скользнули между гвутья из многочисленных мачт, пролетели под опоясанным ребрами брюхом и наконец затерли под квадратным зевом шлюза, обведенным по краю желтыми и черными полосами. Этот шлюз являл собой лишь один из шести, расположенных в днище корабля, но только он был открыт. Нас омыло ярким оранжевым светом, исходящим из него.

Обменявшись несколькими короткими фразами с Уклидом в моторном отсеке, Бетанкор ввел боевой катер в раскрытый люк. А я смотрел, как в опасной близости проходят ободренные в некоторых местах голого металла края люка, толщина которых была не менее двух метров.

Затем катер несколько раз вздрогнул.

снару́жи донеслась серия механических ударов по его корпусу. Рубка управления купалась в лучах оранжевого света. Я встатривался в это свечение, но находил только темные силуэты стоек и погру́зочных кранов.

Катер снова вздрогнул. Бетанкор рывком опустил рядок переключателей, после чего источники электропитания и корабельные системы с воет умолкли. Он отстранился от панели управления и начал натягивать перчатки.

— У нечего так волноваться, — с хедной устешкой произнес он.

* * *

По правде говоря, меня сильно беспокоят события, которыми я не способен управлять. Несмотря на имеющиеся навыки управления техникой для перемещения в атмосфере, я не пилот и уж точно не иду ни в какое сравнение с главианским виртуозом Мугасом

Бетанкором. Именно поэтому я и нанял
его, и именно поэтому он старается
сделать так, чтобы все выглядело просто.
Но иногда мое лицо выдает тревогу,
испытываемую в ситуации, на которую я
не имею рычагов влияния.

Кроме того, я был порядком измотан.
И при этом понимал, что сон все равно не
придет, как бы я ни старался. Впрочем,
еще оставались дела, которыми
необходимо было заняться.

Этос, Биквин и Ловинк остались до
поро в катере. Как только шлюзовая
катера «Уссина» закрылась и помещение
заполнилось воздухом, я открыл люк
катера и вышел вместе с Фишигом и
Бетанкором.

Трюм, в котором мы сели, был
сводчатым и казался необъятным. Я
напомнил себе, что это только один из
шести, расположенных в днище судна.
Поверхность стен и настила имела
масляно-черный цвет. По потолку бежали
множество натриевых светильников,
заполнявших помещение оранжевым
сиянием. Пространство над нами

занимались кран-балки и монозадачные подъемники, но все они были выключены и безжизненны. Пол покрывали остатки упаковочных материалов. Боевой катер оказался подвешен над закрытым шлюзовым люком в грязной сети стыковочных поршней и гидравлических зажимов.

Мы пошли по трюму, чеканя шаг по металлическому покрытию палубы. Здесь было холодно, ведь помещение совсем недавно было заполнено холодом открытого космоса.

Бетанкор, как обычно, надел костюм главианского пилота и чрезмерно пеструю безрукавку. Он пребывал в приподнятом настроении и нетелодично насвистывал. Фишиг сохранял безразличное спокойствие и весь лучился властностью в своей коричневой судейской униформе. На куртку он прицепил должностной значок с изображением солнечного диска.

Я оделся в скромный костюм из темно-серой шерсти, черные ботинки, перчатки и глиняный темно-голубой кожаный плащ с высоким воротником. У

еще вложил в кобурѹ под левой подмышкой
стабберный пистолет, прихваченный мною
из оружейного шкафчика. Инсигния лежала
во внутреннем кармане. В отличие от
Фишига, я не испытывал потребности
выставлять напоказ знаки своих
полномочий.

Люк на сервоприводах откатился
перед нами, и нам навстречу вышла
высокая фигура.

--- Добро пожаловать на борт
«Уссина», инквизитор, --- сказал Тобиус
Максилла.

Глава седьмая

ПРОЩАНИЕ

РАССЛЕДОВАНИЕ

Максилла был свободным торговцем, водившим «Уссин» маршрутом от Трациан Примарис до Великого Прегела в течение пятидесяти лет. Он рассказал мне, что в начале карьеры занимался крупными поставками продуктов потребления, но, когда крупные объединенные гильдии начали доминировать на оптовом рынке, начал специализироваться на предметах роскоши и всяческой экзотике.

— «Уссин» — скоростное торговое судно. Я получаю больше денег, если загружаю предметы роскоши, даже если не набираю полный трюм.

— Ты постоянно ходишь этим маршрутом?

— Несколько последних десятилетий. Но все зависит от сезона. Летая к Саметеру, Гесперусу, Трациан Примарис,

Снеси, Гүдрүн, иногда еще и к Мессине. Когда на Снеси кончится Бездействие, будет много работы.

Мы сидели в роскошных апартаментах для проведения переговоров, потягивая великолепный атасек из больших хрустальных бокалов. Максилла не переставая хвастался, но это было нормально. Он имел право гордиться и кораблем, и репутацией.

— Значит, ты хорошо знаешь этот маршрут? — вставил Фишиг.

Максилла улыбнулся. Он был жилистым мужчиной неопределенного возраста, одетым в глиннополый плащ из красного бархата, с широкими манжетами, застегивающимися на кнопки. На шее — экстравагантный платок из черного кружева. В улыбке он обнажал зубы, инкрустированные перламутром. Показная роскошь обычна среди владельцев кораблей и составляет часть их хвастовства. «Забудь про родословную и благородную кровь, — однажды сказал мне один из них, — только в обладании звездными судами рождается

новая знать Империи». Свободные торговцы являли собой настоящую имперскую аристократию.

Но крайней мере, так думал и Максилла. Он посылал лицо белой пудрой и носил сапфировую мушку на щеке. Его потрясающий гвүрогий парик был соткан из серебряных нитей. А по стенкам пүзатого бокала звякали тяжелые драгоценные перстни-печатки, унижавшие пальцы сүдовладельца.

— Да, исполнитель, я хорошо с ним знаком.

— Фишиг, не думаю, что у нас уже появился повод спрашивать мастера Максиллу, — заметил я.

Бетанкор фыркнүл, а Максилла үстехнүлсә. Фишиг с негодованием үставился в свой атасек.

В комнату вкатился сервитор, напoтинающий носовую фигуру на древних торских кораблях. Полногрудая девица с позолоченными змеями в волосах прожүжжала по дорогомү селгионскому ковру и предложила нам поднос с деликатесными закусками. Я взял одну

штук из вежливости. Это оказалась
полоска великолепно приготовленного
кетелфиша, который был слегка обжарен и
завернут в практически прозрачный
листик теста. Бетанкор сгреб в лапши
целую пригоршню.

— Ты с Главиу? — спросил его
Максилла.

И они мгновенно перешли к
обсуждению знаменитых главианских
глинносных яхт. Я потерял интерес к
разговору и оглядел помещение. Среди
прочих ценностей обнаружился ряд
бесценных портретов саметерской школы,
мраморные бюсты правителей планет,
световые скульптуры Джокаэро, старинное
оружие и установленные на платформы
церемониальные доспехи с зеркалами с
Витриу. «Эмос оценил бы это», — подумал
я. Поездка должна была занять не менее
недели. Мне захотелось предоставить
моему научному помощнику такую
возможность.

— Ты знаком с Гудрун? — спросил меня
Максилла.

— Это будет мой первым визитом,

покачал я головой. -- В этом субсекторе
я всего около года.

-- Прекрасное место, хотя, возможно,
покажется тебе немного шумным. Сейчас
там проходит фестиваль, посвященный
основанию нового полка гвардии, и
продлится он месяц. Если у вас будет
время, рекомендую посетить Имперскую
Академию изящных искусств и музей
гильдий в Дорсае.

-- Я могу оказаться слишком занят.

-- Я всегда нахожу время для
познавательных экскурсий, инквизитор, --
пожал он плечами. -- Но понимаю, что
твоя работа скорее всего куда более
напряженная, чем моя.

Я пытался выяснить его мотивы, но
пока ничего не добился. Он согласился
помочь нам с перелетом за весьма
скромную плату, хотя мог потребовать
значительно больше. Я уже заплатил ему
имперскими облигациями. Большинство
судовладельцев предпочитают не
отклонять запрос, исходящий от
инквизитора, даже если очень спешат.
Максилла не хотел ссориться с

Шиквицицей? Или просто был
благородным человеком?

Или ему было что скрывать?

Я заинтересовался. Хотя, если по
правде, меня это не слишком беспокоило.
Возможно, он полагал, что в будущем
сможет рассчитывать на какое-нибудь
покровительство.

И если так, то он ошибался.

«Уссин» покинул Спесь тем же днем,
легко перешел в Умлатериум и полным
ходом двинулся к Гудрун. Максилла
выделил нам комнаты на борту своего
судна, но мы проводили большую часть
времени на катере, погрузившись в работу.
Бетанкор и сервиторы взялись за ремонт.
Ловинк спал. Я вместе с Фишигом и
Эмосом проделал кучу бутажной работы,
касавшейся расследования, и обкатывал
так и этак различные версии. Я все еще не
рассказывал Фишигу то немногое, что
знал о Понтиусе, но вряд ли пройдет
слишком много времени, прежде чем он
сам проведет все взаимосвязи.

Биквин держалась обособленно. Она
позаимствовала комплект рабочей одежды

из хозяйственного шкафчика, и я несколько раз видел ее читающей книги, взятые из моей личной библиотеки. Главным образом лирика и кое-какие работы по истории и философии. Я не возражал. Лишь бы не пугалась у меня под ногами.

На третий день пути я снова встретился с Максиллой, и мы вместе отправились на верхнюю прогулочную палубу. Емү, казалось, нравилось рассказывать о происхождении выставленных там картин в позолоченных рамах и связанные с ними истории.

Уногда по пути попался занятый чем-нибүдь сервитор, но ни единого живого члена экипажа мне не встретилось.

--- Твой груг... фишиг... не слишком учтив, --- протянул Максилла.

--- Он мне не груг. И действительно не учтив. Пытался допрашивать?

--- Мы с ним вчера недолго... побеседовали на главной палубе. Он спросил меня, не знавал ли я человека по имени Эйклон. И даже показал мне фотографию.

--- И что ты ответил?

--- Ну и кто теперь допрашивает? ---

сверкнул он перламутровыми зубами.

--- Прости мою опрометчивость.

--- О, ничего страшного! --- махнул он
кружевным рукавом. --- Спрашивай на
здоровье! Спокойно озвучь все свои вопросы,
чтобы между нами не было недопонимания!

--- Ну что же... Так что ты ему
ответил?

--- То, что не знаю этого человека.

--- Спасибо за искренность, --- кивнул я.

--- Но я солгал.

Я резко развернулся и в упор
установился на Максиллу. Тот по-прежнему
улыбался. Внезапно у меня возникло
ужасное ощущение, что все мы попались в
западню, и я проклял себя за то, что
оставил в катере личное оружие.

--- Не волнуйся. Я солгал ему потому,
что он высокомерный невежа. Но тебе
открою правду. У меня никогда не
возникло желания вставать на пути
Имперской Инквизиции.

--- Мудрая философия.

Максилла шлепнулся на обтянутую
атласом кушетку и расправил полы
плаща.

--- Последний раз я был на Трациане
Притарис два месяца назад. Вел
переговоры о поставках, проводил кое-какие
встречи. Все как обычно. И вот тогда-то
и появился Эйклон. Конечно, он
представился иначе. Но будь я проклят,
никак не могу припомнить, как именно. Но
это был он. С ним заявили и другие...
трачный, бандитского вида сброд. Огин
назвался Кротсом, торговым послом.
Пытался убедить меня, что тот человек,
которого вы ищете, уполномоченный
Гильдии Синезиас. Но это явная чушь,
хоть у Кротса даже имелись
подтверждающие документы.

--- Чего он хотел?

--- Нанять меня на пробег порожняком
до Гудрун. Там надо было взять груз и
доставить его на Снесь.

--- Что за груз?

--- Так далеко дело не зашло. Я
отказался. Предложенные условия
оказались нецелесообразными. Он
предлагал приличную плату, но доходы от
моей обычной деятельности меня вполне
устраивают.

--- Уля контактного лица на Гүдрүн тебе тоже неизвестно?

--- Мой дорогой инквизитор, я ведь простой торговец, а не детектив.

--- А может быть, ты знаешь, кто в результате принял фрахт?

--- Я знаю, кто не принял. --- Он погался вперед. --- Иногда случается поболтать с хозяевами других кораблей. Похоже, довольно многие отклонили эту работу, и большинство поступило так по одной простой причине.

--- И какой же?

--- Нахло неприятностями.

На пятый день мои сны начали приходить в норму. И даже слишком, поскольку Эйклон снова пробрался в мои грезы. Он являлся мне, настежаясь и угрожая. Из его слов не запомнилось практически ничего, а по пробуждении оставалась только оскотина от его ухмыляющейся физиономии.

И хотя во снах это точно был Эйклон, думаю, что не его улыбку я запоминал.

«Уссин» вошел в реальное пространство, подходя к системе Гүдрүн

утром восьмого дня, опережая сроки. Максилла говорил, что его судно при нормальных условиях очень быстрое, и это оказалось не пустым бахвальством.

Я попросил его совершить выход из Уматериума за пределы системы, в разумном удалении от шумных торговых маршрутов, которые использовали большинство прибывающих на Гудрун кораблей. Тобиус согласился без вопросов. Это была короткая задержка.

--- Кем она была? --- спросила меня Биквин, когда мы стояли в обзорной рубке и смотрели, как закутанное в саван тело Виббен уплывает от «Иссина», вращаясь вокруг своей оси.

--- Другом. Товарищем, --- ответил я.

--- Она хотела уйти подобным образом? --- спросила девушка.

--- Не думаю, что она вообще хотела уходить, --- произнес я.

Эмос и Бетанкор напряженно взглядывались в широкий иллюминатор. Выражение на лице Эмоса прочесть было невозможно. А мрачное лицо Бетанкора тучительно скривилось.

Ни Ловинк, ни Фишиг к нам не присоединились. Но, обернувшись, я увидел Максиллу, почтительно застывшего в дальней части обзорной рубки. На нем были надеты глиняный траурный плащ из черного и короткий парик с черными лентами. Увидев, что я смотрю на него, он приблизился.

— Надеюсь, что не вторгаюсь не в свои дела. Мое почтение вашему погибшему товарищу.

Я благодарно кивнул. Он не обязан был утруждать себя, но, казалось, это правильно, что хозяин корабля присутствует на костических похоронах.

— Я не знаю точно, как правильно проводить подобные церемонии, Максилла, — сказал я, — но думаю, что именно этого она бы попросила. Я прочитал «Имперское кредо» и «Обращение к мертвым».

— Тогда ты справил по ней отличную службу. Если позволите... — Онмахнул рукой, приказывая выйти вперед одному из своих золоченых фигурных сервиторов, который держал поднос с бокалами и

графином.

--- По традиции за отбывшего необходимо поднять тост.

Все взяли бокалы.

--- За Лорес Виббен, --- произнес я.

Потом последовала минута молчания, и мы медленно разошлись. Я сказал Максилле, что мы можем приближаться к Гудрун, и он ответил, что на вход в систему потребуются около двух часов.

На пути к катеру я обнаружил, что идущую вместе с Биквин. Хотя на ней и был надет позаимствованный старый рабочий комбинезон, но он непонятным образом только подчеркивал ее красоту.

--- Мы почти на месте, --- сказала она.

--- Верно.

--- Что входит в мои обязанности?

Следовало бы раньше объяснить ей, кто она есть и почему я завербовал ее. В пути хватало свободного времени, но, думаю, я просто откладывал этот разговор до последнего. Я нашел время показать Эмосу коллекции Максиллы и даже поиграть в регидиг с Бетанкором. К

сожалению, мне никак не удавалось
избавиться от отворачивания к ней.

Я велел ей идти за мной на
прогулочную палубу и по пути начал
объяснять.

Не знаю, какой реакции я от нее
ожидал. Когда же до нее дошло и девушка
разрыдалась, мне с трудом удавалось
сдерживать раздражение. Я понимал, что
раздражение вызвано только ее природой, и
пытался выразить ей заслуженное
сочувствие.

Она плакала, сидя на стуле с пестрой
шелковой обивкой под одной из огромных
картин со сценой охоты, где знатная
преследовала добычу верхом на породистых
урсагонах. Времени от времени девушка
выплевывала проклятие, но большую часть
времени просто скулила от жалости к
себе.

Ее расстроила не предложенная мной
работа. Просто она обрела
фундаментальное знание, что она...
неправильная. Горькая жизнь без друзей и
любви и тяжелые удары судьбы внезапно
получили объяснение, и это объяснение

заклучалось в ее собственной природе. Полагаю, что прежде в своих бедах она обвиняла всю галактику, а теперь я выбил у нее из-под ног эту опору.

Я выругал себя за то, что заранее не подумал о последствиях. Я отнял у нее чувство собственного достоинства и ту крошку надежды, которую ей удавалось сохранять. Показал ей, что все ее усилия найти комфорт, любовь и уважение в жизни пусты, тщетны и самоубийственны. Я попытался заговорить о работе, которую она могла бы сделать для меня. Но она не слишком заинтересовалась. В конце концов я подтянул еще один стул и сел рядом с Биквин, пока она пыталась усвоить болезненную правду.

И все еще сидел там, когда поступил вызов по воксу. Это был Максилла.

— Инквизитор, не мог бы ты присоединиться ко мне на мостике? Мне может потребоваться помощь.

Мостик «Уссина» являл собой широкое куполообразное помещение, полы и колонны в котором были выполнены из черного красного трактора. Возле закрепленных в

полу стоек с консолями стояли сервиторы, сложные и безупречные, словно статуи, их ловкие руки оперировали системами управления, встроенными в полированные панели из красного дерева. Воздух в помещении оказался прохладным и спокойным, и тишину нарушали только тихий гул и потрескивание работающих машин.

Максилла, все еще в траурном облачении, восседал на огромном кожаном троне, оглядывая комнату с империального возвышения. Из спинки трона вырастали длинные сочленения, удерживающие мониторы и консоли. Но все внимание Тобиуса было приковано к широкому обзорному иллюминатору, занимавшему большую часть передней переборки мостика.

У каждого сервитора лицо представляло собой золотую человеческую маску античного совершенства.

— Инквизитор, — сказал Максилла, поднимаясь.

— Весь твой экипаж состоит из сервиторов, — ответил я.

--- Да, --- несколько встревожено
ответил он. --- Они надежнее, чем чистая
плоть.

Я не стал комментировать.
Отношения Максиллы с «Иссином»
казались мне похожими на отношения
Agentus Механикус с машинами.
Постоянное взаимодействие с такими
древними инструментами убедило их в
естественности подчиненного положения
людей.

Я проследил за его взглядом и
посмотрел в главный иллюминатор. Перед
нами лежала сверкающая сфера Гудрун.
сливочные водовороты облаков,
запятнанные лимонно-зелеными тенями
обширных лесов. Приятное местечко с
умеренным, регулируемым климатом.
Пространство между нами и планетой
густо усеивали россыпи черных теней.
Стоящие на рейде суда, понял я. Огромные
дредноуты, вставшие на высокий якорь,
караваны торговых судов, конвои грузовых
барж, тянущихся за ними на прицеле.
Редко можно увидеть столь оживленную
деятельность на орбите.

--- Какие-то проблемы? --- спросил я.

Максилла смотрел в окно мимо меня, и в его глазах светилось некоторое беспокойство.

--- Я произвел положенные маневры и лег на курс, по которому должны приближаться торговые корабли. Контроль Гудрун направил меня на высокий якорь. Все необходимые документы у меня в порядке, и все пошлины уплачены. Но меня только что проинформировали, что мы должны пустить на борт инспекцию.

--- Это необычно?

--- За последние десять лет это будет впервые.

--- Объяснение?

--- Говорят, что по соображениям безопасности. Я уже рассказывал тебе, что там полным ходом идет фестиваль, посвященный основанию нового полка. Сейчас на орбите размещена значительная часть подразделений Военного флота Скаруса. Думаю, что военные сейчас стараются быть максимально осторожными.

--- Ты уполномочен про мою помощь.

--- Инспекция уже вылетела. Мне кажется, что некоторые вопросы можно уладить быстрее, если кроме хозяина корабля они увидят имперского инквизитора.

--- Максилла, я не могу влиять на их работу.

Он невесело растеялся и посмотрел мне в глаза:

--- Конечно можешь! Но я не об этом прошу. В присутствии инквизитора они будут относиться к «Уссину» с большим уважением. Мне не хотелось бы, чтобы они бездумно перевернули здесь все вверх дном.

Я на мгновение задумался. В его просьбе содержался намек на мое покровительство, которого, как я ожидал, он может попросить. И еще дело пованивало правонарушением.

--- Я соглашусь присутствовать только ради порядка, если можешь уверить меня, что тебе нечего скрывать.

--- Инквизитор Эйзенхорн, я...

--- Оставь этот негодующий тон, Максилла. Я прошу только, чтобы ты

гарантировал мне это. Если в моем присутствии будет вскрыт какой-нибудь грязный секрет или обнаружен запрещенный груз, у тебя возникнет куда больше проблем, чем просто с Имперским космическим флотом.

На его лице проступило сильное разочарование. Или он был превосходным актером, или я действительно задел его чувства.

— Мне нечего скрывать, — прошипел он. — Мне казалось, что мы стали... ну, если и не грузьями, то добрыми знакомыми хотя бы на этот рейс. Я оказал вам гостеприимство и предоставил конфиденциальную информацию. Мне больно, что ты по-прежнему в чем-то меня подозреваешь.

— Подозрения — это моя работа, Максилла. Если я чем-то обидел тебя, приношу свои извинения.

— Мне нечего скрывать, — пробормотал себе под нос Максилла и пошел к дверям шлюза встречать инспекторов.

Взоль огромного «Уссина» пролетел матово-серый патрульный катер Военного флота и пристыковался к воздушному шлюзу. Встречать его вышли мы с Максиллой, Фишиг и два основных корабельных сервитора — какие-то мифологические создания из золота и серебра.

Я вызвал Фишига, решив, что если уж давить авторитетом, то судебный исполнитель тоже не помешает. А Бетанкору и всем остальным велел не показывать носа из катера.

Завращались запирающие колеса, и створки шлюза раскрылись, выдыхая струи пара. Из тумана вышла дюжина рослых фигур. Все были одеты в серо-черные доспехи службы безопасности Военно-космического флота с символикой Сектора Скаруса на груди и золотыми шнурками эполет. Их лица скрывали опущенные щитки рифленых керамитовых шлемов и дыхательные маски. Вооружены они были компактными, короткоствольными автоматами.

Их лидер вышел вперед, и все

остальные сгруппировались у него за спиной. Выглядели они не слишком опрятными, даже грязными. Эти солдатам явно не доставало дисциплины даже для печально известной службы безопасности. То, что люди устали, сквозило в их движениях. Им тоже хотелось побыстрее покончить с формальностями.

— Тобиус Максилла? — пролаял лидер искаженным и приглушенным маской голосом.

— Я Максилла, — ответил хозяин судна, делая шаг вперед.

— Вы должны были получить уведомление о необходимости проведения инспекции на борту вашего судна. Предоставьте мне списки экипажа и накладные на груз. Мы ожидаем вашего полного содействия.

По кивку Максиллы один из сервиторов бесшумно покатился вперед, передавая главе инспекции информационный планшет с запрошенной документацией.

Командир отряда даже не посмотрел

в него:

--- Есть ли вам в чем признаться до того, как начнется проверка? Если вы сами признаетесь в том, что перевозите контрабанду, это облегчит вашу участь.

До сих пор я просто наблюдал за происходящим. Двенадцати человек едва ли достаточно, чтобы произвести обыск такого огромного судна, как «Уссин». Где же их сервиторы, сканеры, фолки, мультключи и тепловые детекторы?

По моему облику невозможно было установить, кто я такой, но почему они не отреагировали на присутствие исполнителя *Агентус Арбитрес*?

Вокс был настроен на волну катера. Я не стал говорить, но три раза щелкнул по нему. Невербальная часть глоссики. Бетанкор должен был понять.

--- Вы не представились, --- произнес я.

Командир отряда безопасности обернулся ко мне.

В его опущенном на лицо щитке я видел только свое отражение.

--- Что?

--- Вы не представились и не

предъявили инспекционного ордера. Чего в обязательном порядке требует протокол такого рода мероприятий.

--- Мы сотрудники сил безопасности Военно-космического флота... --- сердито начал он, делая шаг в мою сторону. Его плечи перетинались с ноги на ногу.

--- Вы можете быть кем угодно. --- Я извлек свою insignию. --- Я Грегори Эйзенхорн, имперский инквизитор. Либо все будет проводиться по правилам, либо не будет проводиться вовсе.

--- Ты Эйзенхорн? --- произнес он.

В его голосе напрочь отсутствовало удивление. А мне больше не требовалось доказательств.

Вся моя команда была поднята по тревоге, едва их оружие начало подниматься.

Глава восьмая ДЮЖИНА УБИЙЦ ПРОКУРАТОР ТОРГОВЦЫ ЗЕРНОМ С ГЕСНЕРУСА

Максилла изумленно вскрикнул. Командир отряда и двое его людей открыли огонь. Их компактное автоматическое оружие было предназначено для ведения боевых действий на борту костических кораблей и в условиях невесомости: слабоинерционное оружие с малым ходом затвора, стрелявшее тупоносными снарядами, не способными пробить обшивку корабля.

Но ударной мощи было более чем достаточно, чтобы изрешетить человека. Я бросился в сторону прежде, чем первые выстрелы стали рикошетить от палубы и оставлять уродливые рубцы на стенах. В считанные секунды воцарился сущий хаос.

«Инспектора» начали вести по нам огонь на поражение. Они стреляли очередями, и воздух наполнился дымом, а шлюзовой отсек угрожал от вспышек и треска стрельбы.

Один из сервиторов Максиллы попытался двинуться на нападавших, но оказался обезглавлен, а после и вовсе был расчленен на запчасти. Другой попытался закрыть собой Максиллу, но снаряды перебили ему гусеницы и пробили корпус.

Два выстрела продырявили полы моего плаща, но сам я успел скрыться за дверью. Где и выхватил из кобуры стаббер.

Фишиг тоже извлек свое оружие и, отстреливаясь, пятился к двери. Плотным огнем ему удалось сбить одного из солдат, который отлетел в сторону в брызгах крови. Но потом самого Фишига срубил прямое попадание в живот. Сложившись пополам, он свалился в угол и затих.

Максилла взревел и поднял правую руку. С одного из декоративных колец сорвался луч ослепительного света и, поразив ближайшего противника в грудь, разогрел тому доспех и спалил человека до

костей. Когда гытящиеся останки рүхнүли на пол, гдүгой «инспектор» выпүстил в сүдовладельца очередь, швырнүв его в стеклянные двери помещения со спасательными костюмами.

Остальные үстретились в мою сторону. Я прицелился и выстрелил, пробив щиток шлема первого из приближающихся солдат. Он опрокинүлся навзничь.

Мой стабберный пистолет был разработан для скрытого ношения и рассчитан только на четыре патрона. Еще одна запасная обойма лежала в кармане плаща. У меня оставалось семь выстрелов и девять противников.

Стаббер обладал хорошей останавливающей мощностью. В обойме помещалось только четыре заряда по той причине, что каждый патрон имел весьма крупный калибр и был размером с мой большой палец. Короткий широкий ствол моего стаббера выплюнүл еще один снаряд, и еще один солдат отлетел в сторону.

Я отступил в коридор, прижимаясь к стене. Пүть, ведүщий к воздушному шлюзу,

представлял собой широкий, опутанный
проводами проход, освещаемый только
через иллюминаторы в палубе. Мимо меня
просвистело несколько срикошетивших
осколков. Я снова выстрелил, но в этот раз
промахнулся. Ответная очередь разнесла
распределительный щит, и стену осыпало
фонтаном искр. Откатившись в тень, я
нащупал заток люка у себя за спиной,
распахнул его и бросился внутрь, когда по
стенам застучал град из снарядов и
осколков.

За люком обнаружился узкий
инженерный туннель, ведущий к главным
стыковочным механизмам воздушного
шлюза. Полот в нем служила
металлическая решетка, а близко
расположенные стены покрывало
переплетение кабелей и гидравлических
шлангов. В конце коридора по смотровой
шахте и вверх и вниз уходила
примитивная металлическая лестница.

Впрочем, на то, чтобы карабкаться
по ней, времени не оставалось. Первый
солдат уже просунулся в люк и поднял
оружие. После того как выпущенный мною

залп поразил его в грудь, я спрыгнул с решетки прямо в шахту.

Пролетев пять метров, я рухнул на пол. Помещение освещал только вспомогательный красный свет. А визоры шлемов противников были оснащены дополнительной оптикой.

Оказавшись в чреве стыкочного механизма, я пополз между огромными, хорошо смазанными поршнями и гидравлическими молотами размером со взрослых голубые ели. Среди цепей и троечков клубился пар и разлетались брызги масла. Вибрация, исходящая от мощных компрессоров и регуляторов атмосферы, заставляла дрожать воздух.

На рукояти стаббера горели все четыре предупредительных огонька. Найдя укрытие, я извлек израсходованную обойму и вогнал на место новую. Вместо красных загорелись четыре зеленых огонька.

Со стороны лестницы донесся шум. Вниз спускались двое «инспекторов», четко вырисовывавшихся в свете ламп.

Как оказалось, их визоры были оборудованы и тепловыми детекторами.

Это стало очевидно, когда они открыли огонь в моем направлении. Я укрылся за поршнем, но одна пуля отрикошетила от металла и ранила меня в плечо, швырнув на пол. При ударе лицом о решетку на моей щеке снова открылась рана, когда слетели скобки, стягивавшие ее края.

Вокруг меня опять застучали пули. Очередной рикошет пробил носок моего ботинка, а еще один угодил в руку.

В результате последнего ранения я выронил стаббер. Он зазвенел по полу, подбигивая зелеными огоньками.

В мою сторону теперь продвигались по меньшей мере трое противников, пробиравшихся по узким проходам между машин. Я на карачках уползал за горизонтально расположенный зажатый поршень, а вокруг меня свистела смерть.

Я подумал о том, чтобы применить Волю, но никак не удавалось найти подходящее место, чтобы попытаться задействовать хоть какой-нибудь соответствующий случаю трюк.

С другой стороны зажатного поршня обнаружились выходы стыковочных колодок

и огромные амортизаторы, смягчавшие столкновение при стыковке. От панели управления, вмонтированной в стену между амортизаторами, исходило зеленоватое свечение. Панель окружал пластиковый козырек, похожий на те, что бывают у уличных пунктов связи. Я попытался постучать по нескольким кнопкам управления, но высветилось небольшое овальное окошко, сообщающее, что терминал отключен. Это произошло автоматически, исходя из соображений безопасности, когда другой корабль — в данном случае катер службы безопасности Военно-морского флота — пристыковывался к воздушному шлюзу палубой выше.

За стоявшим вокруг шумом я услышал, как первый из противников уже пробирается через зажимной поршень и двигается по своим следам к амортизаторам.

Я извлек инквизиторскую инсигнию. Это знак моих полномочий, но не только. Нажатие большим пальцем произвело на свет небольшой мультисвеч, который я

вставил в разъем терминала. Экран заморгал, когда ключ заработал. Моя инсигния гарантировала имперский допуск сверхнормального уровня. Я молился только об одном --- чтобы Максилла не перекодировал весь корабль под себя.

Экран вспыхнул снова. Я отправил приказ открыть шлюзовую камеру.

«Док находится в рабочей обстановке», --- высветились яркие зеленые буквы.

Я еще раз подтвердил приказ.

Стыковочный зажим с грохотом отделился. Взревели амортизаторы, из всех щелей начал вырываться пар. Завыла сирена.

И раздался мучительный крик, когда преследовавшего меня солдата протащило и сокрушило десятью тоннами растягивающегося рукава поршня.

Откуда-то сверху донеслись удары и скрежет рвущегося металла, едва слышимые на фоне шума в отсеке стыковочного механизма.

Когда шипение и свист массивных поршней стихли, а выбросы пара почти

прекратились, я отошел от терминала. Двоих солдат сокрушило тяжестью поршней, а третий сварился в собственном доспехе под струей горячего пара.

Я поднял оброненный им автомат и вернулся по собственным следам. По моим расчетам, оставалось еще четыре противника. Я прошел обратно по инженерному туннелю и выбрался в проход, ведущий к воздушному шлюзу.

В коридоре по-прежнему был слышен приглушенный рев тревоги, а вдоль стен горели аварийные огоньки. Внезапно слева от меня выросла фигура. Я прокрутился вокруг своей оси. Это оказался Бетанкор. Он посмотрел прямо на меня и поднял один из своих элегантных излометов. А затем дважды выстрелил.

По моим барабанным перепонкам ударил низкий гул, и в другом конце коридора из укрытия выпал солдат службы безопасности. Еще один выстрел, и противник замер без движения.

--- Прибыл, как только получил сигнал, --- сказал Бетанкор.

--- Сколько у тебя на счету?

--- Пока что четверо.

--- Тогда мы скорее всего закончили.

Но оставайся начеку.

Я сам устехнулся своим словам. Говорить Мугасу Бетанкору оставаться начеку практически то же самое, что уговаривать собаку оставаться волосатой.

--- Ты ранен, --- сообщил он. --- А какого черта здесь происходит?

По моему лицу стекала кровь из вновь открывшегося пореза, я едва мог шевелить простреленной рукой и с ног до головы перемазался машинным маслом.

--- Никакая это не инспекция. Они искали меня.

--- Служба безопасности Военно-морского флота?

--- Не думаю. Слишком сильно мазали и даже не знали процедуры осмотра.

--- Но, кровь Императора, у них же были униформа, оружие... и даже военный катер...

--- Вот это-то меня и беспокоит.

Мы вернулись к воздушному шлюзу. Когда я произвел импровизированную отстыковку катера, опустилась аварийная

заслонка. Через иллюминаторы я видел
серый корпус, все еще связанный с «Уссином»
покоренными сочленениями.

Внутренний люк катера вырвало, и
пассажирский отсек открывался в вакуум.
Если команда и выжила, то люди должны
были спрятаться в передней части и
стали практически беспомощны.

Я проверил фишига. Он оказался жив.
Униформа арбитра была хорошо
артирована, но попадания с близкого
расстояния, судя по всему, послужили
причиной серьезных внутренних
повреждений: исполнитель потерял
сознание и из его рта текла кровь.

Бетанкор обнаружил Максиллу за
разбитыми стеклянными дверьми,
ведущими в хранилище спасательных
костюмов. Судовладелец отполз вглубь и
теперь сидел, прислонившись к стеллажу с
оборудованием. Ниже груди его дорогие
одеяния были изорваны, и у капитана не
хватало ног.

Впрочем, ниже груди его тело не
являлось человеческим.

— Итак, наконец ты увидел... мою

интимные подробности, инквизитор...
произнес он, пытаясь улыбнуться.

По моим представлениям, он должен был испытывать сильную боль. Для управления сложным бионическим телом требовалось произвести подключение огромного количества запутанных нервных соединений.

--- Тобиус, чем я могу помочь тебе?

--- Я уже вызвал сервиторов,
покачал он головой. --- И скоро буду снова на ногах.

Мне хотелось задать множество вопросов. Была ли эта переделка тела результатом травмы, болезни или возраста? Или он ее произвел из прихоти? Но я оставил вопросы при себе. Они не имели отношения к моему расследованию.

--- Нужен доступ к твоей астронавтической связи. Необходимо связаться с командованием Военного флота и побыстрее покончить с этим делом. Эти люди не были отрядом службы безопасности.

--- Тебе будет предоставлен необходимый доступ. А заявку о проведении

проверки можешь извлечь из бортового журнала.

Это было хорошей новостью. Я сомневался, что командование Военного флота Скаруса воспримет информацию спокойно.

Я оказался прав, но только наполовину. Уже через полчаса я стоял в окружении услужливых сервиторов на палубе «Уссина» и докладывал о происшествии командованию Военного флота по конфиденциальному каналу астронавтической связи. Вскоре мне предоставили и голосовую связь со штабом флота адмирала Лорнала Спатиана, который потребовал оставить «Уссин» на высоком якоре и ждать прибытия отряда службы безопасности и прокуратора Военного флота.

Надо сказать, идея сидеть на месте и ждать, пока заявится еще больше солдат, выглядела не слишком привлекательно.

--- Дезертиры, сэр, --- сказал мне два часа спустя прокуратор Ольм Магортин.

Он оказался мощим мужчиной со старым аугметическим внедрением в шею, под левым ухом, и коротко подстриженными седеющими волосами. На нем была униформа дисциплинарной роты Военного флота: куртка с высоким накрахмаленным белым воротничком, красные перчатки, выглаженные брюки и высокие сапоги из лакированной кожи. Магортин повел себя учтиво с первой секунды своего пребывания на борту --- он поприветствовал меня и взял под козырек своей фуражки с белой кокардой и золотой тесьмой. Сопровождавшие его солдаты были одеты точно так же, как и те, что пытались убить нас, но демонстрировали большую дисциплинированность и выдержку.

--- Дезертиры?

Магортин чувствовал себя неловко. Ему явно не хотелось вступать в конфликт с инквизитором.

--- Из рекрутов Гвардии. Вы уже знаете о том, что на Гудрун формируется

новый полк. По приказу лорда главнокомандующего были набраны семьсот пятьдесят тысяч человек, чтобы составить Пятидесятый Гудрунский стрелковый полк. Подобные размеры формирования и то, что это уже пятидесятый полк, набранный на этой прославленной планете, послужили причиной всепланетного празднования и связанных с ним военных учений.

— Эти люди дезертировали?

Мадортин бережно взял меня под локоток и отвел в сторону, когда его солдаты принялись вытаскивать тела мятежников и упаковывать их в мешки. Я приказал Бетанкору приглядывать за ними.

— У нас возникли проблемы, — доверительным шепотом произнес он. — Первоначально планировалось набрать полмиллиона, но лорд главнокомандующий на прошлой неделе увеличил квоту ввиду подготовки к крестовому походу в Офидуанский субсектор... Ну и естественно, у многих просто не было выбора. И, между нами говоря, большие

празднества представляют собой попытку частично отвлечь внимание от проблемы. В казармах случались беспорядки и дезертирство. У нас много работы.

--- Могу себе представить. Вы уверены, что эти люди дезертировали из Тваргии?

Он кивнул и вручил мне информационный планшет. На нем был представлен список из двенадцати имен и файлы, содержащие биографии и размытые голографические портреты.

--- Они сбежали вчера из казармы формирования номер семьдесят четыре, расположенной за пределами Дорсая, выкрали униформу и оружие из хранилища костюпорта, а потом угнали сторожевой катер. Никому не пришло в голову оказать сопротивление отряду войск безопасности Военно-космического флота.

--- И никто не обеспокоился отсутствием удостоверений и кодов вылета?

--- Как ни прискорбно, но в системе катера уже был заложен курс и необходимые коды для выхода на орбиту.

Иначе их обнаружили бы. Они явно поджидали гражданский костический корабль, вроде вашего.

--- Они обычные призывники? Новобранцы?

--- Да.

--- Кто из них мог управлять военным катером?

--- Главарь, --- ответил прокуратор, взглянув на планшет, --- некто Джонно Лингаарт. Он был квалифицированным орбитальным пилотом. Работал в паротной службе. Как я уже сказал --- прискорбное стечение обстоятельств.

Мне это нагоело. Мадортин не лгал, в этом я уверен. Но предоставленная информация изобиловала пробелами и несоответствиями.

--- Что насчет запроса о проведении проверки?

--- Поступило с самого катера. Они заметили ваш корабль и решили импровизировать. Запрос о проведении проверки хранился в журнале голосовой связи катера.

--- Нет! --- огрызнулся я.

Он отступил назад, встревоженный
негодованием, прозвучавшим в моем
голосе.

--- Сэр?

--- Я проверил бортовой журнал
«Уссина». В нем не отражено
происхождение сигнала, но показано, что
предупреждение о проверке поступило по
астронавтической связи, а не голосовой. На
катере не было астронаута.

--- Этого...

--- И по той же астронавтической связи
«Уссин» вывели на высокий якорь. Что уже
доказывает подлинность сигнала. И эти
люди искали именно меня. Меня,
прокуратор. Чтобы убить. Они знали, как
меня зовут.

Он побледнел и не нашелся что
ответить.

--- Не знаю, кто эти люди, --- я
отвернулся, --- возможно, и в самом деле
призывники Гвардии. Но кто-то отправил
их на мои поиски, кто-то прикрывал их
побег, снабжал вещами и транспортом и
подтвердил право на стыковку с нашим
кораблем. И этот «кто-то» либо служит в

Военном флоте, либо обладает возмутительным уровнем доступа к делам флота. Никакого иного объяснения быть не может.

--- Вы говорите о... заговоре.

--- Я не новичок в закулисных интригах, Магортин. Впрочем, я не слишком удивлен посягательством на свою жизнь. Врагов у меня хватает. Я готов к таким происшествиям. И случившееся доказывает только то, что враги оказались могущественнее, чем ожидалось.

--- Господин, я...

--- Скажите, прокуратор, каков уровень ваших полномочий?

--- Наивысший... пурпурный допуск. По флотскому табелю о рангах мои полномочия соответствуют званию капитана первого ранга. Отчитываюсь напрямую лорду прокуратору Гумбольту.

Все ил сказанное можно было также прочесть по его погонам и шевронам, но мне хотелось, чтобы он сам доложил мне.

--- Конечно. Ваше начальство не доверило бы столь деликатное дело младшему офицеру. И не захотело бы

проявлять ко мне непочтительность.
Полагаю, происшедшему присвоен
высочайший уровень секретности?

--- Так точно, сэр! Лорд прокуратор
понимает всю его... деликатность. Кроме
того, по приказу лорда
главнокомандующего все слухи о
нарушениях порядка в армии жестко
пресекаются, чтобы не побуждать к
дальнейшему сопротивлению. Детали
инцидента известны только мне, моему
отряду, лорду прокуратору и его
высокопоставленным советникам.

--- Мне хотелось бы, чтобы так пока и
оставалось. Пусть мои враги считают,
что попытка убийства удалась. Можно ли
рассчитывать на ваше содействие,
прокуратор?

--- Конечно, инквизитор.

--- Вы доставите от меня
зашифрованное послание лорду
прокуратору. В нем разъясняется
обстановка и мои требования. К тому же я
снабжу вас тайным каналом связи, по
которому меня можно будет вызвать, в
случае если появится новая информация.

Любая свежая информация, Магортин, даже если вам покажется, что она бесполезна для меня.

Он еще раз резко кивнул. Я не стал добавлять, что в случае нарушения секретности обрушусь на него, высокопоставленных советников и самого лорда прокуратора, словно гнев Розала Дорна. Это он понимал и сам.

После того как отряд Магортина оставил «Уссин», я повернулся к Бетанкору.

--- Что дальше? --- спросил он.

--- Как тебе нравится быть покойником, Мугас?

* * *

Наш боевой катер покинул «Уссин» в полночь. Пришедший в сознание Фишиг остался на борту корабля Максиллы, отправляться от ран в превосходно оснащенной автоматической клинике сугна.

Максилла согласился на время оставить «Уссин» на орбите. Я предложил ему покрыть все убытки от простоя, чувствуя, что может возникнуть неожиданная потребность в космическом корабле. К тому же внезапный отлет «Уссина» мог подорвать легенду прикрытия и посеять сомнения в том, что все мы погибли.

Мы обсуждали это с Максиллой на террасе. Он сидел на своем большом троне, потягивая атасек, пока сервиторы кропотливо реставрировали его нижние конечности.

— Мне жаль, что пришлось втянуть тебя в это, Тобиус.

— А мне нет, — сказал он. — Это самый интересный рейс за долгое время.

— Ты готов остаться здесь и ждать?

— Ты хорошо платишь, инквизитор! —

расстелся он. — По правде говоря, я рад послужить Императору. Да и этому грубияну Фишигу нужен куда лучший уход, чем может предоставить душевный медицинский отсек твоего катера. Могу тебя заверить, что он не сбежит, пока... не

поправится.

* * *

Очарованный благородством
Максиллы, я покинул мостик. Много-
разных причин могло заставить его столь
охотно помогать мне, самая
распространенная — страх перед
Инквизицией. Но если говорить искренне,
то я уверен, что он просто заново открыл
роскошь общения с другими людьми. Он
явно радовался возможности поговорить,
показать драгоценную коллекцию
предметов искусства, поточь, услужить...

Максилла слишком долго оставался в
окружении машин.

Когда мы покинули трюм «Уссина»,
Бетанкор изменил коды в бортовом
ответчике катера. У нас имелись
альтернативные транспортные позывные
в памяти кодификатора. Последние
несколько месяцев, и в том числе во время
остановки на Спеси, мы летали как

официальный транспорт Инквизиции, не
пытаясь скрывать своего происхождения.

Теперь же мы превратились в
торговую делегацию с Саметера,
специализирующуюся в
генотифицированных зерновых
культурах и надеющуюся заинтересовать
аристократию Гудрун урожайными,
стойкими к болезням и вредителям
злаковыми, поскольку основание нового
полка значительно уменьшило
численность рабочей силы.

Отойдя на достаточное расстояние
от «Уссина», Бетанкор вызвал космонавта
Гудрун, произвел идентификацию и
запросил разрешение и курс для посадки в
Дорсае, северной столице. Допуск выдали
без проволочек. В город на фестиваль
пожаловал очередной жадный торговец.

Мы понеслись вниз мимо повисших на
высокой орбите кораблей Военного флота
Скаруса: рядов гротескно пущатых
десантных барж; массивных эсминцев с
выступающими носовыми таранами; серых
боевых линкоров, покрытых вздутиями
оружейных башен; глиняных, узких и

зловных, словно лесные осы, остроносых фрегатов и еще массы разнообразностей боевой техники.

Ближнее пространство заполняли транспортные корабли, быстроходные баржи, доставляющие припасы, торговые катера, огромные служебные подьемники и каркасы погрузочных платформ. По правому борту проплывали косяки торговых судов, вместительных грузовиков, неизменно огромных кораблей гильдий, разномастных каперских судов. Где-то там был и «Уссин».

Ночь наполнилась грузимизмозвездиями, состоящими из тизающих огней бугев, направляющих корабли к разным докам и якорным стоянкам.

Бетанкор провел нас сквозь эту толпу, спускаясь в кристально чистой ионосфере, к переливам высоких облаков. Мы пролетели границу перехода между ночью и днем, направляясь в Дорсай, где начинался очередной рассвет Фестиваля Основания.

Глава девятая ПРИВЫЧКИ В ДОРСАЙ ЗАКОНЫ РЫНКА В ПРЕСЛЕДОВАНИИ ТАНОКВРЕЯ

Дорсай не просыпался, поскольку и не засыпал, — город бодрствовал всю ночь. Из передатчиков, установленных вдоль старых улиц, проспектов и каналов, неслись военные марши. Везде, где только возможно, трепетали знамена и вымпелы.

Я попросил Эмоса быстро зачитать наиболее общую информацию по планете: Тудрун, столица субсектора Геликан, входящего в Сектор Скарус, Сегментум Обскурус. Славится существованием феодальной человеческой культуры в течение трех с половиной тысяч лет, управляемой могущественными

аристократическими домами, чьи владения и власть распространяются на три дюжины других миров субсектора Теликан. Огромный Трациан Примарис --- центр промышленности и торговли --- являл собой самый населенный и производительный мир в регионе, но Гүдгүн оставался культурным и административным сердцем. А богатство местных аристократических родов соперничало с доходами трацианских городов-ульев.

Лежащий под нами Дорсай засверкал в рассветных лучах. Город располагался на побережье, обнимая морскую лагуну и перекидываясь через могучую реку Дрүннер. Заходя на посадку, мы видели через иллюминаторы светлые пятнышки парусников в заливе. За границей широкого раскинувшегося белого города возвышались огромные укрепления и оборудованные огневые позиции, служившие временными казармами для сформированного недавно полка.

Бетанкор совершил посадку в Жиованфилг --- муниципальном порту,

обслуживающем Дорсай. Он был выстроен на глинном узком острове посреди окруженной городом лагуны, и садившиеся на него таленькие корабли, вроде нашего, из экономии места опускались с помощью мощных монозачачных лифтов и направлялись в одну из сот, пробитых в пористой лавовой пороге, составлявшей сердце острова.

Ловинк остался на катере. Мугас, Эмос, Биквин и я сам готовились отправиться в Дорсай. Мы переоделись в простую, неприметную одежду: Эмос — в темно-синие одеяния; я и Бетанкор — в простые черные костюмы, сшитые из хорошей ткани, и глинные кожаные плащи. Елизавета Биквин надела глинное платье из тонкого синего крепа и шарфик сливочно-кофейного цвета. Бетанкор не слишком охотно, но все-таки достал вещи Виббен, чтобы подобрать одежду, подходящую для Биквин.

Ее, казалось, нисколько не стущало, что предыдущая владелица вещей мертва.

У берега острова под красными тентами на причале толпились люди.

дожигавшиеся транспорта на материк. Мы присоединились к очереди, состоявшей из торговцев, сановников и военнослужащих Космического флота в увольнении. Публику старательно разводили на деньги разнаряженные музыканты и корбейники.

Через некоторое время нам удалось приобрести места на гравискифе. Это была глинная, похожая на копье летучая лодка с глянцевым фиолетовым корпусом. Над открытым небом размещались шесть посадочных мест, а рулевой восседал в кормовой надстройке над выпирающими антигравитационными генераторами. Скиф понес нас через лагуну, держась в гвух тетрах над водами, покрытыми рябью и радужными разводами.

Перед нами вставал Дорсай. Наконец оказавшись на уровне земли, мы смогли по достоинству оценить, насколько величествен и монументален был город. Сложенные из отесанных и покрытых штукатуркой каменных блоков циклопического размера, здания вырастали перед нами на высоких

базальтовых сваях и колоннах. Их крыши покрывала позеленевшая медная черепица. Горгульи венчали водосточные трубы и зевали с желобов под крышами. На верхних этажах часто имелись балконы с медным потускневшим ограждением и навесами. Соседние здания соединяли арочные каменные мосты и перекидные металлические лестницы, иногда пересекавшие улицы-каналы. Для пешеходов по берегам каналов были проложены каменные дорожки, располагавшиеся практически на уровне воды.

А пешеходов было много. Вообще все вокруг изобиловало движением, красками и звуками. Как только мы оказались на территории города, наше продвижение замедлили другие гравискифы, речные трамваи, частные ялики и моторные лодки.

Над нами, в более высоких потоках движения, сновали туда и сюда «Лэндспидеры» и воздушные экспрессы. Куда ни кинь взгляд, повсюду он натывался на плакаты, чествующие Военно-костический

флот Скаруса и гвардейские полки Гудрун, а в особенности Пятидесятый стрелковый.

Эмос, как обычно, бормотал себе под нос, записывая какие-то заметки о Дорсае в информационный планшет, утоляя голод накоплением безграничных знаний. Некоторое время я понаблюдал за ним, за его возбужденными жестами и ребяческим восторгом при виде новых подробностей. Клавиатура потрепанного старого планшета истерлась до гладкости.

Мугас Бетанкор, как всегда, оставался внимателен и насторожен. Он сидел впереди гравискифа, собирая информацию так же, как и Эмос. Но от замеченного им было куда больше проку, чем от наблюдений моего престарелого архивиста.

Биквин просто спокойно сидела позади и улыбалась, а порывы бриза развевали ее шарфик. Вряд ли ей удалось бы побывать здесь когда-нибудь самостоятельно. Гудрун представляла собой центр культуры подсектора, огромный яркий мир, о котором Елизавета всегда мечтала и частью которого очень

хотела стать.

Я позволил ей наслаждаться мгновением. Позже ей предстоит тяжелая работа.

Мы сняли апартаменты в самом шикарно-белом отеле Дорсая, расположенном на берегу Гранд-Канала. Мне показалось целесообразным иметь базу для проведения наших операций на материке. Бетанкор просверлил дверные косяки с помощью ручной дрели и установил задвижки с устройствами определения личности и встроенными световыми зарядами. Так же мы поступили и с внутренними дверями. Домашние сервиторы получили строгие указания не входить, пока мы отсутствуем.

Я вышел на просторный балкон под фиолетовым навесом, и в уши мне ударила бравадная музыка, несущаяся из уличных динамиков. Канал внизу был заполнен лодками. Я увидел скиф, переполненный пьяными гвардейцами, одетыми в новенькое красно-золотое обмундирование. Бойцы Пятидесятого Гудрунского

стрелкового полка наслаждались последними часами в родном мире, дебоширя и рискуя утонуть. Уже через несколько дней их запакуют в десантные баржи, направляющиеся к неведомому ужасу в другом субсекторе.

Когда они попытались причалить к берегу, один солдат свалился в канал. Приятели вытащили его из воды и перекрестили бутылкой.

Ко мне подошел Эмос и показал карту на экране информационного планшета.

--- Королевская Объединенная Торговая Гильдия Синезиас, --- сказал он. --- Ее центральный офис расположен в пяти кварталах отсюда.

Гильдия Синезиас владела значительным количеством внушительных зданий в коммерческом районе Дорсая. Ответвление Гранг-Канала втекало под портик из цветного стекла в главном здании, для того чтобы прибывающие торговцы могли завести свои скифы внутрь и разгрузиться под крышей облицованного плиткой и устланного коврами приетного дока.

Наши гравискиф залетел туда, и мы оказались посреди толпы, состоявшей из высоких, худощавых, облаченных в тоги торговцев с Мессины; обитателей Саметера в нелепых, тяжелых шляпах и плащах, тучных банкиров из городов-ульев Трациана.

Я сошел на берег и обернулся, чтобы поглядеть Биквин руку. Она вежливо кивнула, выбираясь из скифа. Мне некогда было ее подробно инструктировать. Изобразить аристократические манеры и утонченность она додумалась сама. У нее, несмотря на никогда не девишьюся неприязнь, я с каждым мигот ценил ее все больше. Она безупречно играла свою роль.

— Кто вы и какие дела вас привели, сир, мадам? — спросил подошедший катергер Гильди Синезиас, утонувший в великоленных, расшитых золотом одеяниях. Такая же одежда была и на всех остальных сотрудниках. На месте ушей катергера вспучивалась аугметика, в руках он сжимал планшет и стило.

— Меня зовут Фархавал, я торговец с Тесперуса. А это леги Фархавал. Мы

прилетели, чтобы заключить с
правляющими делами этого мира
контракты на поставку зерна. И, как нам
сказали, Гильдия Синезиас может
обеспечить необходимое посредничество.

--- Вы уже общались с
представителем гильдии, сир?

--- Конечно. Со мной работал Саймон
Кротс.

--- Кротс? --- Катергер задумался.

--- Ох, Грегор, мне ужасно скучно, ---
внезапно заявила Биквин. --- Все это так...
так медленно и уныло. Хочу обратно в
круз по каналам. Почему бы нам не
вернуться и не заключить сделку с этими
шустрыми ребятами из Гильдии Мензера?

--- Чуть позже, моя драгоценная, ---
ответил я, восхищенный и ошарашенный ее
импровизацией.

--- Вы уже посещали другую гильдию? ---
быстро спросил Катергер.

--- Они такие милые. Угостили меня
солианским чаем, --- промурлыкала
Биквин.

--- Позвольте мне заняться вашими
делами, --- немедленно отреагировал

камергер. — Саймон Кротс, конечно же, один из наших ценнейших агентов. Я немедленно устрою переговоры. А пока что, пожалуйста, отдохните в этих покоях. Я сейчас же пришлю солианского чая.

— И нафар-бисквиты? — проворковала Биквин.

— Естественно, мадам.

Он выскользнул из роскошной колнаты ожидания и закрыл за собой двойные двери. Биквин посмотрела на меня и захихикала. Признаюсь, что сам я расстелся довольно громко:

— Что это на тебя нашло?

— Ты же сказал, что мы богатыенькие купцы, ожидающие наилучшего обращения. Просто отрабатываю свою зарплату.

— Продолжай в том же духе, — сказал я.

Мы остотрелись в колнате. Задрапированные газовой тканью десятиметровые окна выходили на Гранд-Канал, но были звукоизолированы. Богатые гобелены украшали стены между картинами саетерской школы, которыми

позавидовал бы и Максилла.

Вскоре отполированный до блеска сервитор принес завтрак. Робот опустил поднос на императорский журнальный столик и выкатился.

— Солианский чай! — пропущала Биквин, снимая крышку с фарфорового горшочка. — И нафар-бисквиты! — чуть позже добавила она, стряхивая крошки с губ.

Она налила для меня чашку, и я встал у катина, потягивая напиток и приняв максимально нагменную позу.

Мгновение спустя в дверях возник представитель гильдии. Он оказался невысоким человеком с зализанными волосами, в свободной тоге, украшенной слишком большим количеством драгоценностей. На его лбу гордо светился торговый знак Гильдии Синезиас.

Он сам являлся собственностью, отмеченной торговым знаком.

Его звали Махелес.

— Сир Фархавал! Мадам! Знал бы я, что вы собираетесь нанести нам визит, отменил бы заранее все встречи.

Простите мое опоздание!

--- Прощаю, --- произнес я. --- Но боюсь, что леги Фархавал стрепитительно теряет терпение.

Биквин зевнула в подтверждение.

--- Ох, это нехорошо! Очень нехорошо! --- Махелес хлопнул в ладоши, и в комнату вкатились сервиторы. --- Обеспечить леги всем, что она попросит! --- приказал им Махелес.

--- Ум-м... листья вордера? --- произнесла она.

--- Конечно! --- расцвел Махелес.

--- И тарелочку бирри-трюфелей? Маринованных в вине?

Я вздрогнул.

--- Конечно! Конечно! --- провизжал Махелес, вытхивая сервиторов из комнаты.

Я шагнул вперед, поставив чашку на катинную полку:

--- Давайте говорить напрямую, сэр. Я представляю здесь торговцев зерном с Гесперуса. Это весьма крупный картель.

Я вручил ему голографический идентификатор. Фальшивый, конечно же.

Его сработали Бетанкор и Эмос, применив на деле глубокие познания Эмоса обо всем на свете и о Гесперусе в частности.

Махелеса вполне убедили мои документы.

--- Насколько крупный картель, сир?

--- Весь западный континент.

--- И вы предлагаете?

Я извлек из кармана пробирку с образцами:

--- Генотодифицированные сорта злаков, которые вашим землевладельцам будет легко выращивать, особенно теперь, когда количество рабочей силы столь значительно сократилось. Мне кажется, что это просто находка для вас.

Вновь появились сервиторы, доставившие запрошенные Биквин деликатесы.

--- Другие гильдии уже заинтересовались этим продуктом, --- сказала она, вгрызаясь в нежную плоть бирри. --- Полагаю, что Гильдия Синезиас не станет упускать эту возможность.

Махелес встряхнул трубочку с образцами и взглянул на нее.

--- Это, --- сказал он, понижая голос, --- ксенонкультура?

--- Неужели это проблема? --- спросил я.

--- Нет, сир! Не совсем. Инквизиция, конечно, очень строга в этом вопросе. Но наши переговоры всегда были строго конфиденциальны: все здания гильдии защищены от «жучков», лучей перехвата и средств отслеживания сигнала.

--- Рад слышать это. Так, значит, сорта злаков чуждого происхождения не вызовут проблем на рынке?

--- Естественно, нет. Существуют целые объединения предприятий, стремящихся получить гарантированный урожай. Если он гарантирован технологией чужаков --- так тому и быть.

--- Отлично, --- солгал я. --- Но мне хотелось бы собрать максимальную выручку. Саймон говорил, что в первую очередь стоит обратить внимание на Дом Гло.

--- Саймон?

--- Саймон Кротс. Посланник Гильдии Синезиас, с которым я вел дела на

Гесперусе.

--- О да! Так вы желаете, чтобы я организовал деловую встречу с Домом Гло?

--- Кажется, именно это я и говорил.

Мы покинули гостеприимный причал Гильдии Синезиас двадцать минут спустя. Биквин еще слизывала со своих губ остатки бирри.

Как только наш скиф отчалил от причала, вокс в моем ухе задержался.

--- Эйзенхорн, --- произнес Ловинк, --- я только что получил сообщение от Тобиуса Максиллы. Хочешь, чтобы я повторил тебе это?

--- Только самое главное, Ловинк.

--- Он говорит, что корабль, взявший фрахт на рейс Гудрун --- Спесь, стоит здесь на якоре. Это каперское судно «Скавелюр». Его хозяин Эффрис Танокбрей сейчас находится на поверхности планеты.

--- Свяжись с Максиллой и поблагодари его за проделанную работу, Ловинк, --- сказал я.

Теперь мне стал известен загадочный корабль Эйклона.

Мы обедали в богатой таверне с видом на мост Карнодонов, когда Махелес прислал «сирү Фархавалү» частное текстовое сообщение с помощью связного дрона.

Дрон, размерами и внешностью стахивающий на плод лайма, с гудением влетел на террасу и понесся над головами от столика к столику, выискивая меня. Затем он повис в воздухе, прозвенел и с помощью голографического луча отобразил сообщение на стенке моего хрустального бокала: герб Гильдии Синезиас и витиеватый текст, сообщающий, что семья Гло будет бесконечно рада видеть сира Фархавала с супругой и свитой в поместье семьи Гло на следующий день. Мы должны были встретиться с Махелесом у здания гильдии в четыре часа, где нас будет ожидать транспорт.

Дрон продолжал проецировать сообщение, пока я не прервал луч взмахом

руки и не произнес краткое сообщение, которое тут же было записано. Робот улетел обратно, чтобы доставить ответ.

— А как он нас нашел? — спросила Биквин.

— По феромонному следу, — ответил Эмос. — Системы контроля в здании гильдии сняли с вас образец во время визита. И, сверяясь с этим образцом, дроны могут вас выследить.

Использование связанных дронов распространено на подобных этому Имперских мирах, обладающих высокими уровнем технологий. И это навело меня на важную мысль.

— Так ты говоришь, что Гильдия Синезиас с легкостью заключает сделки на торговлю ксеноматериалами? — произнес Бетанкор, поднимая бокал к губам.

Я кивнул:

— Пока сосредоточился на Доме Гло. Он представляет для нас первостепенный интерес. Но я не собираюсь забывать про Синезиас. Когда покончим с заданием, на них и их дела обрушится вся мощь

Унквизиции.

Биквин разглядывала прекрасный ажурный мост, перекинувшийся через Друннер.

--- Что это за существа? --- спросила она.

Мост украшали каменные изваяния величественных четвероногих хищников. Звери были огромными и мощными, похожими в чем-то на волков, в чем-то --- на тигров, с щетинистыми хвостами и длинными мордами.

--- Карнодоны, --- ответил Эмос, довольный тем, что снова представляется возможностью блеснуть своими колоссальными познаниями. --- Геральдическое животное Гудрун. Включается во многие гербы и эмблемы местных родов, отображая в символической форме власть аристократии в этом мире. Теперь эти звери стали редки. Охотники их почти истребили. Думаю, что в природе их можно найти только в северной тундре.

--- В нашем распоряжении сутки, --- сказал я, прерывая праздную болтовню. ---

Так давайте постараемся провести их с пользой. Займемся поисками этого Танокбрея.

Бетанкор приподнял брови и принялся рассказывать мне, насколько сложно это будет проделать, но я объяснил свою идею.

Мы воспользовались услугами справочного бюро, расположенного на водной улице, отходящей от Канала Ускин, заплатив за доставку сообщения связным дроном. Письмо представляло собой простой и краткий запрос владельцу торгового судна «Скавелюр» насчет возможности предоставления нам межпланетного перехода. Обслуживавший меня клерк без вопросов взял текст и загрузил его в один из трех дюжинных посыльных дронов, неподвижно лежавших на стойке за его креслом. Затем покопался в картотеке данных, извлек и загрузил в робота снимок феромонного следа Танокбрея, сданный судовладельцем в администрацию города при иммиграции.

Выбранный дрон поднялся, загудел и выплыл из офиса.

Бетанкор, дожидавшийся на улице,

завел двигатель арендованного воздушного мотоцикла и отправился в погоню.

Дрон должен был вывести нас к цели. И даже если Бетанкор допустит ошибку, оставалась надежда, что Танокбрей сам придет к нам. В конце концов, он был торговцем, а не в их правилах отказываться от шанса заработать.

Вместе с Эмосом и Биквин я отправился следом на гравискифе, поддерживая связь с Бетанкором по воксу. Движение на канале оказалось плотнее, чем обычно, и местным Агентством Арбитрес, как и нарядом безопасности Военно-космического флота, приходилось выбиваться из сил. Позднее здесь должна была пройти торжественная процессия, и дорогу уже подготавливали. На мостах и набережных собирались толпы зрителей. Все вокруг украшали флаги и гирлянды с благи́ми пожеланиями.

Бетанкор дожигался нас на дорожке в районе Терсеголд, той части Дорсая, которая славилась своими злаными местами. Я оставил Эмоса и Биквин в скифе.

--- Внутри, --- сказал Мугас, кивая на старое приземистое здание. --- Я захожу туда. Дрон доставил сообщение к пятому століку слева. Танокбрей --- это высокий мужчина в розово-красной куртке. С ним еще двое.

--- Будь наготове, --- велел я.

В переполненной таверне царил полумрак. Музыка и освещение текли с низкого потолка, как испарина, воздух провонял потом, дымом, алкогольными парами и явно ощутимым запахом обскуры.

Связной дрон как раз вылетал в дверь, когда я вошел. Он остановился, передал сообщение и уплыл. В кратком ответе говорилось, что «Скавелюр» не сдается внаем.

Пробравшись мимо толпы завсегдатаев, я нашел Танокбрея. Его розово-красная куртка была сшита из лучшего шелка, а вьющиеся черные волосы зачесаны назад и перехвачены шнурком. Лицо капитана было морщинистым и неприветливым. Собутельники оказались парой заурядных корабельных рабочих.

огетых в клепаные кожанки.

--- Мастер Танокбрей?

Он медленно оглянулся на меня и ничего не ответил. Его приятели тоже одарили меня мрачными взглядами.

--- Может быть, поговорим конфиденциально? --- предложил я.

--- А может быть, ты просто свалишь отсюда?

Я все равно сел. Его людей, похоже, удивил мой поступок, и они напряглись. Как я понимал, Танокбрею оставалось только кивнуть...

--- Позволь мне начать с простого вопроса, --- приступил я к разговору.

--- Начни с того, чтобы отвалить, --- ответил он, остановив на мне ядовитый взгляд.

Я смотрел ему прямо в глаза, но все равно заметил, что одна его рука потянулась за пазуху.

--- Похоже, ты обеспокоен. С чего бы это?

Ответа не прозвучало. Но его люди явно занервничали.

--- Есть что скрывать?

— Мне есть что спокойно выпить. И я не хочу, чтобы меня отрывали. А теперь убирайся.

— Это так недружелюбно. Что ж, раз господа не собираются оставить нас наедине, придется продолжать в их присутствии. Надеюсь, это тебя не смутит.

— Да кто ты, черт возьми, такой?

Теперь наступила моя очередь неспешить с ответом. Я не спускал с него глаз.

— Твои платежи за стоянку на орбите просрочены, — наконец сказал я.

— Это ложь!

И не последняя за сегодня. Но это неважно. Цель заключалась в том, чтобы подкопаться под Танокбрея.

— И грузовые декларации вызывают подозрения. Администрация Гудрун может наложить арест на твое судно до тех пор, пока не будут улажены все недоразумения.

— Лживый выродок...

— Все очень просто. Ты совершил незарегистрированный рейс к Спеси и не заполнил накладные на груз. И как

прикажешь им рассчитывать теперь
налоги на импорт?

Его стул со скрипом отодвинулся
назад на пару сантиметров.

--- С какой целью ты летал к Спеси?

--- Меня там не было! Кто тебе это
сказал?

--- Мож бы и сам догадаться. Саймон
Кротс. Намбер Вилк.

--- Не знаю таких. Ты пристал не к
тому, ничтожный ублюдок. А теперь
убирайся!

--- Еще Мургин Эйклон. Разве не он
нанимал тебя?

Наконец он не выдержал. Едва
заметное движение головы.

Сидевший передо мной матрос
вскочил со своего места, и из его рукава в
ладонь скользнул цеп, оснащенный шокером.

--- Брось. --- Я применил Волю.

Цеп сверкнул, упав на стол.

А секунду спустя оружие вырубил
своего бывшего владельца и раскровенило
левое ухо второго матроса. Оба громилы
растянулись в полный рост на полу возле
столика.

Я сел на место, повернувшись к Танокбрею и продолжая сжимать цеп в руке. Его лицо посерело, а в глазах металась паника.

--- Эйклон. Расскажи мне о нем.

Он глубже просунул руку за пазуху, и я опустил на его плечо цеп. Но, к несчастью, обнаружил, что под шелком скрывалась броня.

Танокбрей покачнулся от удара, но все равно сумел выхватить короткоствольный лазерный пистолет.

Я пинком отправил столик в сторону противника, и выстрел ушел в сторону, угодив в спину ближайшего выжившего. Жертва упала, роняя еще один стол.

Драка и стрельба привлекли внимание всех остальных, находившихся в таверне. Поднялся всеобщий крик и смятение.

Я не придал этому никакого значения. Танокбрей выстрелил еще раз через опрокинутый стол, и мне пришлось метнуться в сторону, сталкиваясь с разбегающимися людьми.

Торговец вскочил на ноги и стал

проталкиваться сквозь толпу к выходу. В
дверях появился Бетанкор, но масса тел
помешала ему перехватить Танокбрея.

--- С дороги! --- завопил я, и толпа
раздвинулась, подобно ставням.

Танокбрей был уже снаружи и бежал к
причалу. Он обернулся и выстрелил. Во все
стороны с криком шарахнулись прохожие.
Кого-то толкнули в канал.

Танокбрей прыгнул в гравискиф,
пристрелил запротестовавшего водителя,
спихнул труп с рулевой настройки и
пустил лодку полным ходом над каналом.

Слева от входа в таверну стоял
воздушный мотоцикл Бетанкора. Я завел
его и рванул в погоню.

--- Подожди! Подожди! --- услышал я
вопли Мугаса.

Но мне было уже не до него.

Побег Танокбрея вызвал сущий погром
в канале. Он влетел на своем скифе на
оживленную улицу, заставляя всех
убираться с его пути. Декоративную
золотую филигрань на черном корпусе
скифа уже покрывали вмятины и царапины
от дюжины касательных столкновений.

Люди на набережных кричали и проклинали его. На пересечении с другим каналом Танокбрей попытался прорваться, увеличив скорость. Двигавшаяся в том потоке быстроходная рассыльная лодка свернула в последний изгиб, с силой ударившись о пристань. Лодка перевернулась, от ее корпуса полетели щепки, а водителя вышвырнуло на камни причала.

Я спокойно знал воздушный мотоцикл по следам Танокбрея мимо прекративших движение лодок. Хотелось подняться повыше, на тот уровень, где можно увеличить скорость без риска столкновения. Но в антиграв этого транспортного средства была встроена система ограничения, не позволявшая подниматься выше трех метров. Времени выяснять, где размещен ограничитель, не было. Я вел мотоцикл мимо увертливых скифов, медлительных речных трамваев и прочих транспортных средств.

Впереди слышалась музыка военного марша.

Танокбрей вылетел в Гранд-Канал.

прямо на парад. Во всю ширь водной дороги
текла медленная река скифов, военных
барж и сопровождавших их «Лэндспидеров».
Лодки были заполнены ликующими
Имперскими гвардейцами и офицерами,
грохочущими полковыми оркестрами и
чиновниками Военно-морского флота.
В воздухе развевались транспаранты и
знамена, командные штандарты, сияли
золотом имперские орлы и гудрунские
карнодоны. Одна из переполненных барж
везла огромную золотую статую
карнодона, облепленную гвардейцами. Они
размахивали лозганами и скандировали
лозунги. Набережные и мосты Гранд-
Канала заполнили веселые граждане.

Скиф Танокбрея чуть не врезался в
борт баржи с солдатами, и беглец
попытался вывернуть под крики и
настешки. Стоявшая на берегу толпа
начала кидать в него всем, что попадалось
под руку.

Обмениваясь крепкими словами со
взбешенными солдатами, он обогнул корт
баржи, пытаясь пробиться через канал.

Я приближался к нему, стараясь не

вызывать неувольствия толпы и легко ориентируясь на слух, — продвижение Танокбрея сопровождалось сиренами, гудками и громкой руганью. С одной из барж на скиф прыгнул солдат, но Танокбрей спихнул его в воду прежде, чем тот сумел обрести равновесие. Этот поступок окончательно вывел толпу из себя. Ее ярость на глазах приобретала угрожающие размеры. Торжественное шествие было нарушено, и множество разгневанных и, что немаловажно, вооруженных людей начали принимать меры по поимке возмутителя спокойствия.

Чтобы скрыться от них, Танокбрей пришпорил скиф и врезался в плот с военным оркестром. От удара музыканты попадали и несколько человек свалились в воду, а гордый Имперский Гимн превратился в какофонию.

Танокбрея нагнал меньший по размерам скиф, из которого к нему на борт попытались перелезть разъяренные солдаты. Беглец потянулся к своему пистолету.

Это была его последняя ошибка. Я

сбросил скорость и приземлился на берегу канала. В преследовании больше не было смысла.

Танокбрей дважды выстрелил в толпу. А затем двадцать или даже больше новехоньких лазганов с соседней баржи открыли огонь, разнося в клочья и преступника, и украденную им лодку. Двигатель взорвался, и куски корпуса полетели во вспененную воду. В небо поднялся столб черного дыма.

Молодые призывники Пятидесятого Гудрунского стрелкового полка совершили первое убийство в своей военной карьере.

Глава десятая

КОНФЛИКТ

ПОЛНОМОЧИЙ

ДОМ ПО

РАСКРЫВАЯ ТАЙНЫ

До своей спальни в отеле я добрался уже глубоко за полночь. Биквин и Эмос уехали в свои комнаты несколько часов назад. Я ворочался в постели, а свет, отраженный от поверхности Гранд-Канала, бросал серебристую рябь на потолок темной комнаты.

--- Эгидя, шип розы! --- внезапно раздался в моем ухе шепот Бетанкора.

--- Шип розы ищет.

--- Агрессивные призраки, завиток виноградной лозы.

Я был уже на ногах, одетый в бридж и сапоги, и натягивал кожаный плащ на голое тело. В гостиную я выскочил с энергетическим мечом в руках.

Свет был выключен, но и здесь на стенах изграла отраженная вода канала, создавая трепещущий сумрак.

Бетанкор стоял у дальней стены, сжатая в каждой руке по изломету. Он кивнул на главную дверь.

Они действовали профессионально и очень тихо, но мы оба видели, как что-то осторожно двигается за дверью, подсвеченной со стороны холла.

Легкое подрагивание дверной ручки подсказало мне, что кто-то вскрывает замок. Мы с Бетанкором присели, прижавшись к стене, по обе стороны двери. А затем прикрыли глаза и зажали уши руками. Взлом замков должен был активировать отпугивающие гранаты.

Дверь слегка приоткрылась. Но ни вспыхивания, ни грохота. Визитеры обнаружили и нейтрализовали охранные системы. Взломщики оказались даже профессиональнее, чем мне показалось вначале.

В щель просунулся телескопический щуп. Оптический датчик на его конце принялся медленно осматривать комнату.

Кивнув Бетанкору, я двинулся вперед, схватил щуп и с силой дернул на себя. Удновременно с этим зажег свой энергетический меч.

Что-то тело врезалось в дверь, притянутое моим мощным рывком за шпионское приспособление, влетело внутрь и покатилось по полу. Я прыгнул на него, пытаясь произвести захват, но он с удивительной быстротой откатился в сторону и нанес удар. По моим ощущениям, это был высокий, плотно сложенный человек в облегающей кожаной одежде.

Сцепившись, мы покатились по полу, перевернули кушетку и опрокинули светильник. Противник крепко сжал запястье моей вооруженной мечом руки.

Так что мне пришлось пробить ему локоть левой рукой.

Он согнулся в приступе рвоты на полу. А я поднялся, чтобы услышать:

— Бросить оружие! Немедленно!

В открытом дверном проеме стояла невысокая сутулая фигура. Бетанкор нацелил на нее оба излучателя, но уже опускал их.

Фигура в дверях применила Волю. Я оттолкнул ее укол в сторону, но Мугас не мог сопротивляться. Игольные пистолеты упали на ковер.

--- А теперь ты, --- произнесла фигура, поворачиваясь ко мне. --- Выключи клинок.

Мне нередко доводилось и применять, и испытывать психическое воздействие. Техника отличалась от используемой мной, и сила противника оказалась довольно серьезной. Я приготовился к жесткому напряжению прямого телесного боя.

--- Сопротивляешься? --- удивилась фигура.

В мой череп вонзился клинок ментальной энергии, отбрасывая меня назад. Я понял, что не иду ни в какое сравнение с противником. Его сознание оказалось старым, могущественным и опытным в таких вещах.

Второй удар незамедлительно последовал за первым. Человек, которого я оставил задыхаться на полу, уже поднялся на колени. Еще один псайкер. И более сильный, чем первый, но менее знакомый с

техникой и хуже контролирующей свои способности. Его нападение прожгло мой череп и заставило вскрикнуть от боли, но мне удалось заблокировать эту атаку, когда я нанес ему отчаянный, неприцельный удар своей Волей.

В бурлении экстрасенсорных волн задребезжали окна и затряслась мебель. На столе полонались стаканы, а Бетанкор рухнул со стоном. Вперед снова выступила сутулая фигура, бросив меня на колени возобновленной ментальной атакой. Я почувствовал, как из носа потекла кровь. В глазах поплыло. Но меч из рук я по-прежнему не выпускал.

Внезапно все прекратилось. В комнату выбежали Эмос и Биквин, чей шум разбудил шут. Биквин закричала, и окружающая ее ментальная пустота, резко вторгшаяся в теленатический вихрь, внезапно втянула в себя все воздействия, так же как вакуум втянул бы в себя окружающее платя.

Сутулая фигура вскрикнула и затерла от удивления. Я метнулся вперед, схватил противника и швырнул его через

комнату. Он оказался хилым, но удивительно тяжелым для своих размеров.

Бетанкор подобрал оружие и включил свет.

Человек, которого я втолкнул в дверь, оказался просто юнцом, хотя и крепкого телосложения. У него было глиняное, гладкое выбритое лицо с щелью узкого рта. Он съехался у окна, едва сохраняя сознание. На нем был облегающий костюм из черной кожи. Биквин быстренько освободила его от кобуры с пистолетом.

Второй, сутулый, медленно, с трудом поднялся, и его древние суставы захрустели и застонали. На нем была глиняная темная мантия; тонкие руки затянуты в черные атласные перчатки. Человек откинул свой капюшон.

Он был очень стар, его обветренное морщинистое лицо выглядело словно иссохший, окатеневший плод. Следы на его жилистом горле выдавали аузмтику, переполнявшую старческое тело.

Глубоко посаженные глаза сверкали холодной яростью.

— Ты совершил ошибку, — хрипло

сказал он, --- и, вне всякого сомнения, фатальную.

Он извлек небольшой амулет и поднял его. Символ на нем был знаком мне, как собственная лагерь.

--- Инквизитор Коммодус Вок.

--- Приятно познакомиться, брат, --- улыбнулся я.

Коммодус Вок пялился на мою инсигнию несколько секунд, а затем отвел глаза. Я почувствовал ментальное отражение его гнева.

--- У нас случился... конфликт юрисдикции, --- выдал он, расправляя манжеты. Его помощник поднялся на ноги, встал в углу помещения и угрюмо взирал на меня.

--- Ну так давай разбираться, --- предложил я. --- Объясни мне, почему ты вторгаешься в мою квартиру посреди ночи.

--- Работа привела меня на Гудрун восемь месяцев назад. Длительное расследование комплексной проблемы. В поле моего зрения попал вольный торговец, некто Эффрис Танокбрей. Я начал было стягивать на нем свою сеть, но он чего-то

испугался, попытался удрать и погиб.
Простая проверка выявила, что инцидент
каким-то образом спровоцировал торговца
зерном по имени Фархавал.

--- Фархавал --- мое прикрытие на
Гүдгүн.

--- Ты находишь достойным ломать
комедию и скрывать свою истинную
сущность? --- презрительно произнес он.

--- У каждого из нас свои методы,
инквизитор, --- ответил я.

Мне никогда не доводилось прежде
встречаться с великим Коммодусом
Вокот, но его слава бежала впереди. По
своим этическим воззрениям он твердо
придерживался пуританской этики,
практически полностью склоняясь к
жесткой линии моноготиантов, за
исключением разве что своих
замечательных ментальных способностей.
Думаю, что его верования должны
отражать Торианская доктрина. Три
сотни лет назад он служил послушником у
легендарного Авессалома Анжевина и с тех
пор играл ключевую роль в ряде самых
глобальных и безжалостных чисток в

истории сектора. Его методы были открытыми и прямыми. Скрытность и хитрость казались ему неприемлемыми. Он использовал свой статус и внушаемый им страх в полную силу, открывая ногой любые двери и требуя чего угодно от кого угодно ради достижения цели.

Из своего опыта я знал, что грубость и устрашение закрывают столько же дверей, сколько и открывают. Честно говоря, меня не удивляет, что Вокс проторчал на планете целых восемь месяцев.

Сейчас он смотрел на меня так, словно я был кучей отходов жизнедеятельности, на которую он едва не наступил.

— Мне жаль видеть инквизитора, придерживающегося легких, хитрых путей радикалов. На этих путях лежит ересь, Эйзенхорн.

От этих слов меня передернуло. Как уже говорилось, я считаю себя сторонником пуританских взглядов. Служу верно и бескомпромиссно, но применяю достаточно гибкости, чтобы эффективно

справляться с работой. И вдруг Вок обвиняет меня в радикализме! С таким же успехом меня можно записать в хорусианцы или обозвать изворотливым, коварным реконгрегатором.

Я попытался отбросить эти мысли:

--- Нам необходимо обмениваться информацией, инквизитор. Позвольте высказать догадку, что в ваше расследование как-то вовлечена семья Гло.

Вок ничего не ответил и не выказал никаких признаков того, что моя догадка верна, но я почувствовал, как напрягается ментальное поле его помощника у меня за спиной.

--- Мы действительно пересекается в нашей работе, --- продолжил я. --- Мне также интересен Дом Гло.

В кратких, простых словах я рассказал про действия Эйклона на Спеси и провел параллели к Гло и Гудрун, а заодно и к загадочному Понтиусу.

Наконец мне удалось привлечь его интерес.

--- Понтиус --- это только имя, Эйзенхорн. Понтиус Гло давно уже мертв.

Я помогал достойному Анжевину в зачистке, приведшей к уничтожению еретика. Я видел тело.

— И тем не менее ты здесь и занимаешься расследованием дел Гло.

Он медленно выдохнул, словно успокаиваясь:

— После уничтожения Понтиуса Гло его семья приложила значительные усилия, чтобы дистанцироваться от его ереси. Но Анжевин, мир его бессмертной души, всегда подозревал, что зараза проникла глубже и что Дом Гло не избавился от порока. Это древний и могущественный Дом. В его тайны трудно проникнуть. Но за прошедшие двести лет я время от времени обращал на них внимание. Пятнадцать месяцев назад, преследуя секту на Сагере VJJ, я обнаружил улики, позволяющие предположить, что и та секта, и несколько менее значительных групп управлялись неким скрытым исходным культом... Старым, тайным культом, обладающим большими возможностями и могуществом, простершимся на многие

тиры. Некоторые следы вели к Гүдрүн. У
мне показалось слишком серьезным для
простого совпадения, что на этой планете
находятся наследные владения семьи Гло.

--- Ну хоть к чему-то пришли, ---
произнес я, устраиваясь на стуле с высокой
спинкой и натягивая рубашку, которую
Биквин принесла из моей комнаты.

Эмос налил шесть бокалов амасека из
графина, стоявшего на комодке. Бок взял
один и сел напротив меня, пригубив
напиток.

Его помощник сначала отказался от
предложенного Эмосом бокала и остался
стоять.

--- Садись, Хелган! --- сказал Бок. ---
Нам есть что узнать здесь.

Помощник взял бокал и присел в углу.

--- Нам удалось отследить нити
заговора, который пытался реализовать
один печально известный наемник, ---
продолжил я, --- нити, которые вели к
отвратительному преступлению. Следы
тянутся к Гүдрүн и Гло. Ты пришел к
тому же выводу, проработав другую ячейку
еретиков...

--- На самом деле, три грубые, ---
поправил он.

--- Три... И увидел очертания
организации куда большего масштаба.
Таким образом, мы приближались к
одному и тому же злу с разных сторон.

Он облизал губы крошечным бледным
языком и кивнул:

--- Со времени прибытия на Түдгүн я
выкорчевал и сжег две еретические ячейки.
Уверен, что на планете действуют еще
девять, причем в одном только Дорсае ---
три. Я позволил им познать еще какое-то
время, наблюдая. В течение всех этих
месяцев они явно готовились к какому-то
событию. И внезапно несколько недель
назад их поведение изменилось. Это
примерно совпадает по времени с вашим
сражением на Спеси.

Действия Эйклона также
предварялись серьезной подготовкой. И
тем не менее неожиданно что-то пошло не
так или же планы внезапно изменились.
Несмотря на то что мне удалось победить
и уничтожить Эйклона, его планы сорвал
не я, а тот факт, что Понтиус не прибыл.

Сак что гали твои расследования по Дому
Гло?

--- За три месяца я дважды наносил
им визиты. И оба раза они старательно
отвечали на мои вопросы, разрешали
обыскать поместье и проверить их записи.
Мне ничего не удалось обнаружить.

--- Боюсь, что это может быть из-за
того, что они знали, что илеют дело с
инквизитором. Завтра «сэрү Фархавалү»
назначена деловая встреча в поместье Гло.
Он обдумал мои слова.

--- Инквизиция обязана твердо
держаться вместе против извечных врагов
человечества. Из уважения и духа
сотрудничества я подожду результатов,
которые принесут твои сомнительные
методы. Впрочем, как подозреваю,
результатов будет не много.

--- Из духа сотрудничества, Вок, я
поделюсь с тобой всей полученной
информацией.

--- Ты можешь сделать кое-что
получше. Гло знают меня, но не всех моих
учеников. Хелдан отправится с вами.

--- Не думаю.

— А я настаиваю. Мне бы не хотелось, чтобы годы работы пошли настарку, когда другой следователь, вроде тебя, пробежится по ней подкованными сапогами. Требую, чтобы в деле участвовал мой наблюдатель, иначе про сотрудничество можешь забыть.

Он держал меня в кулаке и понимал это. Если бы я просто отказался, это только подтвердило бы его мнение обо мне как о неосмотрительном радикале. А мне не хотелось ссориться с другим инквизитором, особенно таким могущественным и влиятельным, как Котмогус Вок.

— Тогда ему придется беспрекословно исполнять мои приказы, — ответил я.

* * *

Мы покинули Дорсай и отправились к поместью Гло в четыре часа следующего дня. Я и Биквин снова разогелись как торговцы, которые богаты, но не слишком

выставляяют это напоказ. Нас сопровождали Эмос, Бетанкор и человек Вока. Хелдан, к моей радости, надел простую, гражданскую одежду. Они с Бетанкором вполне могли сойти за наших телохранителей, а Эмос должен был изображать биогенетика.

Махелес вместе с еще четырьмя посланниками Королевской Объединенной Торговой Гильдии Синезиас, облаченными в дорожные одеяния, ожидал нас у главного офиса гильдии. Трансатмосферный челнок, украшенный гербом гильдии, уже разводил пары.

Мы покинули посадочную площадку, расположенную на крыше здания, и взмыли в пасмурное небо. Как сообщил Махелес, нам предстоял двучасовой полет. Посланник гильдии прошел по богато украшенному салону с подносами, полными закусок.

Махелес озвучил план мероприятия: вечером формальный обед с представителями Дома Гло, ночлег, турпо итении на следующее утро. И только после этого переговоры, если обе стороны

Все еще будут заинтересованы друг в друге.

Мы летели на запад, в глубины материка, оставляя прибрежное ненастье и направляясь к освещенному солнцем простору холмистых пастбищ и ухоженных лесов. Под нами серебряно мерцала змейка Дрүннер. Время от времени попадались небольшие поселения, фермы, встретился даже небольшой торговый городок с возвышающимся над ним высоким шпилем Екклезиархии. Через некоторое время в небе стало появляться больше воздушных транспортных.

Длинная цепь темных холмов вырастала на западном горизонте. Вечерняя тгла начинала обесцвечивать облака. Холмы сменялись предгорьями, густо поросшими лесом на склонах и в ущельях, — еще более величественный и дикий пейзаж.

Как хвастливо заметил Махелес, мы уже пролетали над собственностью Гло.

Само поместье возникло среди темных отрогов несколько минут спустя. Трехэтажный главный дом, построенный в неоготическом стиле, поднимался над

обрывом и смотрел на долину сотнями окон. Отполированные ветрами белокаменные стены здания переливались в последних лучах света. К основному зданию притыкали дополнительные флигели, судя по всему построенные в разное время. Одно крыло вело к конюшням и нагворным постройкам на краю леса, — по моему предположению, там должна была размещаться прислуга. Второе крыло огибало край обрыва и венчалось куполом, сияющим золотом в свете опускающегося солнца. Комплекс зданий был огромен и, вне всяких сомнений, похож на лабиринт. В нем с легкостью можно было разместить население небольшого городка.

Челнок опустился на широком каменистом поле позади дома. Три шлюпки, подобные нашей, располагались на краю поля в хорошо обустроенных ангарах, которые выглядели словно каретные сараи.

Мы выгрузились во двор. Воздух снаружи оказался холодным, а вечерний ветерок принес с собой легкий дождь. В кронах деревьев у дома вздыхал ветер.

Стяжелые валы облаков катились по
вечернему небу над высокими отрогами.

К нам поспешила прислуга в темно-
зеленых ливреях, приняла багаж и
подняла над нами широкие зонтики на
длинных ручках, чтобы оградить от
дождя. Поле окружало множество
охранников в униформе Дома Гло.
Держались они нагменно и самоуверенно в
своих изумрудных непротокаемых плащах
и серебряных шлемах с плюмажем. На мой
взгляд, они были опытными бойцами.

Прислуга провела и нас, и посланников
в атриум, где пол был вымощен
черно-белой плиткой, а из-под высокого
сводчатого потолка свисало множество
широких хрустальных люстр. В дверных
проемах обнаружилось еще больше
охранников. Муниципалитет Гло оказался
весьма многочисленной.

— Добро пожаловать в поместье Гло, —
произнес женский голос.

К нам вышла высокая дама — не
столько привлекательная, сколько
породистая. Ее напряженное лицо застыло
в маске горделивого безразличия.

свойственного высокородной знати. На ней было великолепное черное платье до полу, с широкой юбкой и серебряной вышивкой, и заостренный головной убор, состоявший из черной металлической сетки и жемчуга и подвязанный под подбородком широкой черной лентой.

Представители Гильдии Синезиас согнулись в церемонном поклоне, а мы ограничились более консервативными кивками.

— Леди Фабрина Гло, — объявил Махелес.

Она подошла к нам в сопровождении череды слуг, одетых в зеленые ливреи.

— Леди, — произнес я.

— Сэр Фархавал. Я очень рада нашей встрече.

Она провела для нас небольшую экскурсию по основному дому. Мне редко доводилось встречать такую расточительную роскошь где-либо кроме зданий Имперской администрации... или кают Тобиуса Максиллы. В прогулке нас сопровождали поджарые охотничьи собаки. Леди Фабрина показала множество

старых картин, главным образом портреты маслом, но попалось и несколько изящных гололитических работ, и ярких психонических миниатюр. На картинах было представлено все ее прославленное семейство: дяди, дедушки, кузены, матриархи, военачальники...

Здесь был Вернал Гло, в униформе милиции Дома. Был и Орхез Гло, представляющий Королевский дом Саметера. Неподалеку -- братья Латин и Гивье Гло на охоте. Рядом -- сам великий Оберон, в мантии имперского военачальника, возложивший главь на старинный глобус Гүдрүн.

Торговые посланники издавали подобающие восхищенные вздохи. Сама же Фабрина, похоже, старалась покончить с этим делом как можно быстрее. Она исполняла обязанности хозяйки. А мы, в конце концов, были только торговцами зерном.

Я увидел, что Эмос тайком делает какие-то заметки. Я также вел осторожные наблюдения, особенно в том, что касалось планировки дома.

В одном глинном коридоре на каменном полу распластались три огромные потрепанные шкуры --- стеклянные глаза и пожелтевшие ощеренные клыки карнодонов должны были изображать ярость. Но даже в столь печальном состоянии размеры и мощь этих созданий говорили сами за себя.

--- Когда-то мы охотились на них, и их осталось не много, --- тельком бросила Фабрина Гло, заметив мою заинтересованность. --- Старые времена давно прошли. Тогда жизнь была куда более феодальна. Но сегодня Дом Гло смотрит только в будущее.

* * *

Во время обеда в просторном банкетном зале к нам присоединился Уризель Гло, командующий милицией Дома, и его самый старший брат Оберон, нынешний глава Дома Гло. Но обед давался не только в нашу честь. Из другого мира

прилетел кузен семьи Гло, в сопровождении свиты, и кроме нашей было еще несколько торговых делегаций и богатый кораблевладелец по имени Горгон Лок.

Визит торговцев зерном, даже в сопровождении престижной Гильдии Синезиас, едва ли заслуживал формального банкета. Мы могли рассчитывать только на право быть включенными в более значимое событие. Без сомнения предполагалось, что мы будем впечатлены.

Я отправился на банкет в сопровождении Биквин и Эмоса. На подобных мероприятиях нет места слугам и телохранителям, так что Бетанкор и Хелдан остались в наших комнатах, куда мы доставили еду. Это идеально соответствовало моим планам.

Пять глиняных столов, размещенных в зале, были уставлены подносами с жареным мясом, фруктами и бесчисленными деликатесами. Повсюду сновали предупредительные слуги, предлагая закуски и наполняя бокалы. В

каждом углу и возле дверей стояли строгие сотрудники милиции Дома, облаченные в униформу из зеленой парчи и полированные серебряные шлемы.

Нам отвели место за третьим столом, рядом с торговцами домашним скотом из Галлината, города на южном континенте Гүдрун. Наш статус даровал нам компанию леги Фабрины, капитана Терронса из стражи Дома и болтливого человека по имени Ковиц, являвшегося официальным представителем Гло по вопросам закупок.

Лорд Оберон со своим братом Уризелем восседали за главным столом в компании прилетевшего кузена, кораблевладельца Лока и пожилого эkkлезиарха по имени Даззо. Ковиц с радостью рассказал мне, что эkkлезиарх Даззо представляет спонсируемый Домом Гло миссионерский орден на Дамаске, пограничном мире субсектора.

На деле Ковица оказалось сложно заткнуть. Пока дворецкие наполняли его кубок, он трещал без умолку, рассказывая про остальных гостей. У Дома Гло

интересы по всему субсектору, и регулярное проведение подобных банкетов позволяло держать колеса смазанными и руку на пульсе.

В конечном счете мне удалось спихнуть Ковица Эмосу, единственному человеку из известных мне, кто был способен переболтать его. Они тут же перешли к комплексной дискуссии о торговом балансе в данном субсекторе.

Я приглядывал за главным столом. Уризель Гло, толстый мужчина в инкрустированном боевом доспехе, уделял много внимания Горзону Локу. Я внимательно рассмотрел Уризеля. Что-то в нем странно напоминало портреты его печально известного предка Понтиуса, и дело тут было не только в широком опухшем лице и лоснящихся, закрепленных лаком волосах. Он много пил и стеялся влажным, свободным стехом над шутками кораблевладельца. Его жирные, мощные пальцы постоянно оттягивали расшитый галунот воротник униформенной куртки, чтобы освободить шею.

Лорг Оберон был более высоким, более

хурым человеком, с выдающимися, словно
утесы, скулами над раздвоенной козлиной
бородкой. В его лице отчетливо
прослеживались фатильные черты рода
Гло, но он выглядел куда более
величественно и утонченно, не выказывая
развратности своего родного младшего
брата. Лорг Гло проводил ночь, счастливо
болтая со своим кузенком из другого мира,
самоуверенным молодым идиотом с
резким стехом и изысканными манерами.
Но судя по всему, по-настоящему Оберона
интересовал только тихий экклезиарх
Даззо.

Я обратил внимание и на
кораблевладельца. Горгон Лок являл собой
сухопарого гиганта с отечным лицом и
запавшими глазами. У него были глинные
рыжие волосы, собранные в хвост и
украшенные бисером, а выступающий
подбородок припорошила седая щетина. Я
задумался о том, что за судно ему
принадлежало и какие дела он вел, и
решил связаться с Максиллой, чтобы
сделать запрос.

Банкет продолжался до поздней ночи.

Как только позволили приличия, мы удалились к себе.

Гло предоставили нам покои в западном крыле. Поднявшийся снаружи ветер был в старых каминных трубах и открытых решетках. По окнам стучал дождь, а двери и ставни скрипели и хлопали на сквозняке.

Когда мы вернулись, в гостиной наших апартаментов оказался только Хелган. Перед ним на столе лежало несколько информационных планшетов.

--- Ну так что? --- спросил я.

Пока мы ужинали, он и Бетанкор осматривали свое крыло. Хелган показал мне результаты. В большинстве комнат были установлены перехватчики голосовой связи, а кое-где и видеосенсоры. Также в помещениях была размещена сложная система сигнализации. Хелган установил небольшое устройство подавления, чтобы ослепить шпионские устройства в наших комнатах.

--- Сравните, --- сказал он, показывая мне две карты, выведенные на экран информационного планшета. --- Зеленые

области указывают те помещения, к которым мой наставник получал доступ во время своих визитов.

Вок оказался столь любезен, что снабдил меня информацией о своих осмотрах.

--- А теперь выведет красным результаты осмотра, который мы произвели вместе с твоим человеком этим вечером.

Несоответствия оказались колоссальными. Вок, может, и открыл каждую дверь, какую смог найти, но в этих данных обнаружились потайные помещения, к которым он не получил доступа только по той причине, что не знал об их существовании.

--- Это подвалы? --- спросил я.

--- Без сомнения, какие-то подземные помещения, --- произнес Хелдан своим мягким, болезненным голосом, непонятно как просачивающимся через разрез его рта. --- Свежие с винным погребом.

Портьеры взметнулись, когда распахнулось внешнее окно и внутрь влез Бетанкор, затаенный в черный

комбинезон. Он стянул с себя наладонники и сапоги, снабженные зацепами, и отстегнул ремни с оборудованием.

--- Что удалось найти?

Протокий и затерзанный, он принял поданный Биквин бокал с атасеком и показал мне экран ручного сканера.

--- Вся крыша завешивлена датчиками сигнализации. Я не рискнул лезть слишком далеко, несмотря даже на свои глушители и сенсоры. Под восточным крылом обнаружились комнаты, про которые Вокү не было известно. Кажется, сеть туннелей связывает их с западными крылом под внутренним двором.

Я провел еще несколько минут, запоминая подробности, а затем ушел в свою комнату, чтобы переодеться.

Я надел утепленный черный комбинезон с плотно облегающим капюшоном и мягкими перчатками. Потом натянул сбрую из ремней для всевозможных инструментов: компактного телескопа, набора мульти-ключей, складного ножа, двух катушек моноволокна, горелки, двух глушителей

электроники и переносного сканера. Сунул
в ухо бусинку вокса. Автоматический
пистолет убрал в кобурку подмышкой. Взял
к нему две запасные обоймы, а в
набедренный карман положил свою
инквизиторскую инсигнию.

Эта вылазка грозила провалом нашей
легенды, так что инсигния служила
своеобразным джокером, который можно
будет разыграть при необходимости.

Я возвратился в гостиную и натянул
наладонники и зацепы, которые до того
надевал Бетанкор.

— Если не вернусь через час, можете
начинать беспокоиться, — сказал я.

Снаружи меня обступили тьма,
дождь и бушующий ветер.

Внешняя стена огромного дома была
сырой и обветшалой... местами
отслаивалась штукатурка. Приходилось
выверять каждый шаг, убеждаясь, что
зацепы на моих руках и ногах надежно
закрепились.

Я двигался вдоль стены дома до тех
пор, пока не смог взобраться на водосток.
Чтобы лучше ориентироваться, я

приотол планшет Бетаннора к своему
занястью. На крошечный подсвеченный
экран выводилась трехмерная модель
здания, а встроенный локатор сдвигал
карту, отражая мое текущее положение в
центре экрана.

Сквозь шум ливня мне слышались
звук шагов, шаркающих по гравию гвутья
этажами ниже. Я вцепился в кирпичи и
развернул планшет так, чтобы свет его
экрана не выдал меня.

Ного мной прошли двое стражников
из милиции Дома Гло, завернувшиеся в
непромокаемые накидки. Они укрылись в
дверном проеме, и вскоре я увидел огонек
зажигалки или спички. Вскоре моих
ноздрей достиг густой аромат обкур.

Они стояли непосредственно под
моим «наседом», и я не смел
пошевелиться. Я ждал. Мои суставы
окоченели от холода и неудобного
положения. Приходилось прилагать массу
усилий, чтобы просто удерживаться на
водостоке.

Дождь усиливался, и ветер свистел в
кронах невидимого во тьме высокого леса

позади дома. Я слышал, как стражники
внизу разговаривают и изредка
постеиваются.

Так больше продолжаться не могло. Я
терял время и чувствительность ног.

Я сосредоточился, сделал глубокий
вдох и потянулся к людям Волей.

Я нашел два теплых следа их
сознания в простиравшемся подо мной
холоде. Следы были мягкими и
размытыми, реакцию стражников, без
сомнения, затежало наркотическое
воздействие обскуры. В такое сознание
трудно внедрить серьезные размышления,
зато оно уязвимо для паранойи.

Я вторгся в них своей Волей,
осторожно играя с их страхами.

Уже через несколько секунд они
выскочили из укрытия в дверном проеме,
оживленно перешептываясь, и поспешно
удалились куда-то на другую сторону
двора.

Избавившись от них, я спустился по
водосточной трубе.

Оказавшись на земле, я вжался в тень
западного крыла здания и пошел вдоль

двора. Разведка Бетанкора выявила наличие лазерных ловушек, окружающих сторожку и пересекающих пространство от забора до фонтана во дворе. Хотя я и не мог увидеть их, но они были с точностью нанесены на карту, и мне оставалось только перешагивать через них. Под последний луч, расположенный на уровне талии, пришлось пролезать.

Моей целью были ангары с челноками в гальнел конце внутреннего двора. Остотр выявил, что там расположена точка доступа в подвальные помещения. Бетанкор определил местонахождение и нескольких других, но все они оказались либо в чьих-нибудь личных апартаментах, либо в таких служебных помещениях, как чулан, морозильник и кладовые для хранения мясопродуктов.

Двери ангаров были закрыты, а свет внутри выключен. Я поднялся по каменной стене на пологую черепичную крышу. На крыше любого подобного ангара имелись выходы вентиляционных шахт, предназначенных для вывода наружу выхлопных газов. Складным ножом я

взломал металлическую решетку, прикрывавшую вентиляционное отверстие, и скользнул в трубу вперед ногами.

Вылез я прямо над припаркованным костическим челноком. Спрыгнув вниз, я двинулся по темному ангару к корте машины.

Небольшая дверь в задней стене вела в мастерскую, откуда можно было попасть на склад запчастей. Железобетонный пол был залян машинным маслом, и мне приходилось очень осторожно пробираться в темноте, чтобы не врезаться в станки, стойки с инструментами и свисающие цепи подъемников.

Я сверился с планшетом. Вход размещался в дальнем конце хранилища запчастей.

Эта дверь оказалась более основательной. Устойчивый к внешним воздействиям замок, переключатель тревоги и клавиатура для введения кода доступа.

Я вздохнул, хотя и не ожидал, что это будет просто. Необходимо было прикрепить устройство подавления

сигнала к замку, затем подключить сканер, который начнет перебирать и проверять коды. Дел на десять минут, если повезет. И на часы, если нет.

Я стянул налагодники с зацепами, чтобы проще было работать с инструментами, и задумался. Хорошие идеи чаще посещают меня именно в минуты раздумий. В этот раз было так же. Меня посетила идея.

Могущественный Хапшант, мой наставник, испытывал недостаток в собственных ментальных навыках. Носил шкуру моноготинанта, храни его Император. Но он искренне верил в предчувствие. И однажды сказал мне, что для слугителя Императора не самое худшее дело доверять инстинктивным озарениям. Хапшант считал, что сам Император помещает в нас такие чувства.

Я набил на клавиатуре слово «дайзунор». Заток повернулся, и дверь открылась.

В лабиринт подвалов вела чистая, теплая, хорошо проветриваемая лестница.

которая выглядела куда более новой, чем большинство строений поместья. Через каждые три метра на стене были установлены прикрытые решеткой лампы. Если верить карте и собственным ощущениям, я находился на глубине приблизительно десять метров и продолжал спускаться под восточное крыло дома. Чтобы лучше слышать, я откинул капюшон.

«Дайзунор» открыл еще один люк, и передо мной оказался глиняный зал с рядами дверей, идущих вдоль одной стены. Одна из них была открыта, и изнутри доносились голоса и пахло дымом.

Я подошел к проему и осторожно заглянул.

--- ... получить через две недели, --- произнес чей-то голос.

--- Ты говорил это месяц назад! --- фыркнул другой. --- В чем дело, ты пытаешься набить себе цену?

Помещение оказалось чем-то средним между комнатой отдыха и рабочим кабинетом. На деревянных стеллажах вдоль стен с архивной педантичностью

были расставлены книги и информационные планшеты.

Мягкий свет исходил от подвесных ламп и от множества стоящих на полках запечатанных шкапулок со стеклянными крышками. Последние напоминали специальные установки из имперских библиотек, где поддерживается среда, позволяющая сохранить особо древние и ценные тексты.

Всю комнату устлали ковры. Мне удалось увидеть четырех мужчин, сидящих за низким столиком в троноподобных креслах с высокими спинками. Один из них сидел ко мне спиной, но по сборкам его одежды стало ясно, что это Уризель Гло. Напротив него, развалившись в кресле, сидел Горгон Лок. Остальных я не знал, но был уверен, что они присутствовали на банкете. Перед каждым из сидящих за столом стоял бокал с выпивкой. Один из незнакомых мне людей курил обскуру через кальян. На столе лежало множество предметов, одни из которых были завернуты в бархат, другие же, наоборот, выставлены для обзора.

Выглядели эти каменные таблички как некие древние реликвии.

--- Я просто пытаюсь объяснить причину задержки, Гло, --- сказал Лок. --- Их культура слишком сложна, чтобы можно было быстро договориться даже при наилучшем стечении обстоятельств.

--- Вот поэтому мы и платим тебе, --- с ехидным смехом ответил Гло, наклоняясь вперед и прикасаясь к одной из табличек. --- Но мы не потерпим дальнейшей задержки. В это дело вложен слишком крупный капитал. Время, финансы, ресурсы. Нам пришлось отзывать и прерывать многие другие проекты, включая даже те, что имеют для нас очень большое значение.

--- Вы не будете разочарованы, лорд, --- произнес человек с кальяном.

Он был одет в черное, имел хилое телосложение, лысую голову и водянистые голубые глаза.

--- Археоксеническое происхождение этих предметов говорит само за себя. Сарүти серьезно относятся к своему предложению.

Когда Уриэль поднялся на ноги и начал отвечать, я спрятался и пошел по залу. Коговое слово, полученное от Эйклона, открыло стальной люк в конце помещения, и я оказался в просторном, круглом зале. По обе стороны имелась еще пара люка стандартного образца, а прямо передо мной — высокий сводчатый проход, защищенный силовым экраном.

Я спрятался возле этого прохода, заметив, что кто-то отключает силовое поле с другой стороны. Фигура вышла из прохода и повернулась, чтобы снова включить экран. Это был Ковиц.

Я набросился на него со спины, одной рукой пережав ему горло, чтобы противник не смог закричать, а второй рукой вцепился в его правую руку. Он захрипел и попытался высвободиться. Я раскрутил его и приложил головой о косяк.

Ковиц обмяк. Я затащил его внутрь прохода и с пульты на другой стороне снова включил силовой экран.

Проход оказался недлинным и выводил в помещение, напоминавшее часовню, с нефами по краям и алтарем в центре. Во

всем остальном зал был лишен какой-либо обстановки — ни кресел, ни скамеек. Воздух здесь был сухим. Освещение исходило от скрытых источников света под потолком. Оставив Ковица валяться на полу, я шагнул к алтарю, решив разглядеть его поближе.

Черный каменный блок, вырезанный из цельного куска обсидиана, в высоту был почти два метра. Гладкий камень, казалось, пылал внутренним светом. На его вершине стояла инкрустированная драгоценными камнями шкатулка, занимавшая площадь примерно тридцать квадратных сантиметров. Я аккуратно приподнял ее крышку с помощью ножа. Внутри, на бархатном ложе, покоилась сфера с замысловатой поверхностью. Она напоминала ребристый кусок кварца размером с кулак, инкрустированный золотистой проволокой и опутанный проводами. Необработанный драгоценный камень в причудливом декоративном обрамлении.

Я отпрянул в сторону и оглянулся, когда услышал характерный звук у себя за

спиной.

Ковиц направил на меня лазерный пистолет. С его разбитого лба стекала кровь. Бледное лицо было искажено злобой.

--- Отойди от Понтиуса, тразь, --- произнес он.

Глава огуннагцатая РАЗОВЛАЧЕНИЕ ВЛАГОРОДНЫЙ СПОРТ «УТИРОТВОРЕНИЕ 505»

Это было не самое удачное время, чтобы попасть в ловушку. Я собрался с силами и без всякого физического движения нанес Ковицу удар прямо между глаз.

Такой ментальный выпад, особенно нанесенный с близкого расстояния и в прямой видимости, должен был подействовать на него словно силовой толот. Но Ковиц даже не моргнул.

--- Не заставляй меня повторять, --- сказал он, наводя пистолет на мою голову.

Комната, похоже, была защищена от ментальных воздействий. Или же что-то в

самом воздухе высасывало психическую энергию.

— Вы, должно быть, неправильно меня поняли, — заявил я. — Я просто вышел прогуляться и скорее всего ошибся поворотом.

Наглости мне всегда было не занимать, но сейчас я просто тянул время, стараясь запугать эту мозги разговором, отвлечь его сознание.

— Что-то сомневаюсь, — прошипел он, шаря рукой позади себя в поисках пульта управления, на котором размещалась кнопка подачи тревоги.

Я ждал. В любой миг он мог оглянуться, чтобы посмотреть, где же находится его цель.

Когда это произошло, я рванулся вперед, выхватывая автоматический пистолет.

Он с криком обернулся обратно и выстрелил, но взял слишком высоко, и выстрел окрасил вспышкой дальнюю стену.

Пригнувшись, я всадил две пули в левую ключицу Ковица, которого швырнуло на распределительный щит, затрепавший

при столкновении.

Ковиц рүхнүл на пол лицом вниз, и вокруг него стала образовываться лужа крови.

Я подбежал к пульту управления гверью. На нем светилась янтарная рүна. Ублюдок үспел на что-то нажать. Я щелкнул выключателем поля.

Ничего не произошло.

Набил «гайзүмнор» на клавиатуре.

Ничего.

Я понял, что влип в крупные неприятности.

За мерцающим силовым полем возник Уризель Гло в сопровождении нескольких бойцов милиции Дома. Я попытался обратно от входа и подобрал лазерный пистолет Ковица, чтобы, когда проход будет открыт, воспользоваться сразу гвүтя стволами.

Но внезапно какая-то чүжая, темная, чүдовищная мощь обрушилась на мое сознание, и оно решило покинуть меня.

Придя в себя, я үвидел, как на меня сверху смотрит чье-то лицо. Красивое лицо с пүстыми глазами. Гүбы начали

что-то произносить, но потом лицо вспыхнуло огнем и расплавилось, и я понял, что это только сон. После чего проснулся по-настоящему, вернувшись в мир, в котором не было ничего, кроме боли.

* * *

--- Хватит, не убей его, --- произнес чей-то голос.

Другой рассмеялся в ответ, и спазмы острой боли скрутили мой мозг, легкие и живот.

--- Достаточно, я сказал! Лок!

Послышалась разочарованная ругань. Агония отступила, и остались только онемение и пульсирующая на заднем плане боль.

Я понял, что распластан на огромном деревянном кресте, пристегнут к нему наручниками на запястьях и лодыжках. Кроме легинсов, сапог и запекшейся крови, на мне больше ничего не было. И свежая кровь продолжала сочиться из моего носа.

Я открыл глаза. Мясистые пальцы держали перед моим лицом мою же инквизиторскую инсигнию.

--- Узнаешь это, Эйзенхорн? Я сплюнул кровь.

--- Думал, что пошныряешь тут, а потом покажешь значок и все обделаются от страха? --- Уризель Гло убрал инсигнию и уставился мне в лицо. --- Это не сработает с Домом Гло. Мы не боимся таких, как ты.

--- Тогда вы... и в самом деле глупцы, --- прохрипел я. Он ударил меня по лбу открытой ладонью, вжимая мою голову в крест.

--- Думаешь, друзья помогут тебе? Мы скрутили всех. Они все вон там, в тюремном блоке.

--- Я говорю серьезно. Другие тоже знают, где мы. И вам действительно не стоит портить отношения со служителем Инквизиции, и не важно, насколько, на ваш взгляд, он милосерден.

Гло склонился надо мной, сложив руки локотком:

--- Не беспокойся. Я не недооцениваю

Циквизицию. Просто не боюсь ее. А теперь
мне бы хотелось получить ответы на
некоторые мои вопросы.

Он распрягнулся и отошел в сторону.
Я увидел грязные камни стен камеры и
двойной люк, выходящий на каменные
ступени. У проема стояли и пристально
смотрели на меня лорд Оберон Гло и
курильщик обскуры, которого я видел в
библиотеке. Кораблевладелец Горзон Лок
оседлал грязную деревянную скамью,
стоявшую поблизости. На его правой руке
поблескивало странное приспособление —
что-то вроде перчатки из металлических
полос, заканчивающихся иглой на каждом
пальце.

— Заблуждаешься, Гло. Ответы
давать придется вам.

Уризель кивнул Лок, и тот поднялся
и подошел ко мне, шевеля пальцами,
увенчанными иглами.

— Это струзианский нейронный бич.
Наш друг, господин Лок, весьма сведущ в
его применении. Он предложил помочь в
проведении этого вопроса.

Лок схватил меня за горло голой

лагодню, задрал мне голову, и его
облаченная в перчатку рука исчезла из
поля моего зрения.

Секундой позже в мои легкие и сердце
вонзились ледяные копы боли, а
дыхательное горло скрутил спазм. Я
начал задыхаться.

— Образованный человек вроде тебя
знает все о выходах нервных окончаний, —
произнес Лок. — Это же знают и стружики.
Они предпочитают не просто колоть их...
им нравится выжигать их. Я обучался у
одного из их священных палачей примерно
год. Вот, например, этот захват удушья
тебя. А заодно останавливает сердце.

Я едва мог слышать его. В ушах
грохотал тревожный набат, а зрение
затуманили цветные пятна и слепящий
свет.

Он отвел перчатку. Боль и удушье
прекратились.

— Вот так запросто я могу
остановить твое сердце. Спалить мозг.
Ослепить. Ну и так далее.

Собравшись со всеми оставшимися
силами, я улыбнулся и сказал ему, что его

сестричка сочла меня более утешительным
любовником, чем его самого.

Цзлы впились в мое лицо. На какое-то
время я снова отключился.

--- ... не убил его! --- услышал я шипение
Лока, когда сознание вернулось. Но лицо
расползалась тупая боль.

--- Посмотрите-ка! Посмотрите на
него! У где же теперь твоя самоуверенная
улыбочка, ничтожный выродок?

Я не ответил.

Лок наклонился так, что мы уперлись
лбами и я мог видеть только его глаза.

--- Цзлы ее убрали, --- прорычал он, и
тут же в нос ударило отвратительное
дыхание, провонявшее обскурой. --- Я только
что выжег несколько точек на твоем
лице. Ты никогда уже больше не сможешь
улыбаться.

Я хотел было сказать ему, что и без
этого не часто улыбаюсь, но передумал.
Вместо этого подался вперед и укусил его
за губу.

Он завопил, пытаясь вырваться. Кровь
была струей. По моей голове и груди
отчаянно затолотили его кулаки.

Длинные рыжие волосы хлестнули меня по глазам. Наконец ему с ревом удалось вырваться. Я выплюнул на пол кровь и основательный кусок его нижней губы.

Лок отшатнулся назад, обхватив свободной рукой порванную часть. А затем снова набросился на меня с кулаками. Удары в живот, в пах, в челюсть... Последний был такой силы, что чуть не свернул мне шею.

Потом я почувствовал, как излыбонзаются под ребра с левой стороны, и меня окутала агония.

Лок выкрикивал какие-то ругательства. Я снова потерял сознание.

И пришел в себя, задыхаясь и испытывая мучительную боль, когда Уризель оторвал от меня Лока, отшвырнув того к стене камеры.

--- Он нужен мне живым! --- закричал Уризель.

--- Посмотри, что он сделал! --- невнятно произнося слова, пожаловался Лок.

--- Надо быть осторожнее, --- сказал Оберон Гло, подходя ближе.

Он склонился, чтобы осмотреть меня, и я взглянул в его надменное львиное лицо, бородастое, мощное, властное.

--- Он уже одной ногой в могиле, --- раздраженно произнес Оберон. --- Говорил же вам, дуракам, что мне нужны ответы!

--- Так спрашивай меня сам, --- прохрипел я.

Лорд Оберон поднял брови и уставился на меня:

--- Что привело тебя в мой дом, инквизитор?

--- Понтиус, --- ответил я.

Игра была рискованной, и шансы не обнадеживали, но имелаась некоторая вероятность того, что это слово автоматически убьет их, как убил Саймона Кромса. Но, как я и подозревал, этого не случилось.

--- Прилетел со Снеси?

--- Там я уничтожил Эйклона.

--- Все равно ты отказались от этой затеи. --- Лорд Оберон отстранился от меня.

--- Что такое Понтиус? --- спросил я, попытавшись и не сумев направить Волю.

Боль заглушала все остальное.

--- Вряд ли я тот человек, который развеет твое неведение, инквизитор, --- ответил Оберон Гло, оглядываясь на Уризея, Лока и курильщика. --- Не думаю, что ему известно об истинной причине. Но хочу убедиться. Тебе можно доверить тонкую работу, Лок?

Лок кивнул, снова приближаясь ко мне и втыкая мне в голову иглу позади уха.

Затылок онемел. Сосредоточиться стало практически невозможно.

--- Игла на указательном пальце вошла прямо в теменную борозду мозга, --- напевал Лок мне на ухо, --- что оказывает непосредственное воздействие на центр правды. Теперь ты не можешь солгать, несмотря ни на что. Так что тебе известно об истинной причине?

--- Ничего... --- заикаясь, произнес я.

Он качнул иглой, и в моей голове вспыхнула боль.

--- Как тебя зовут?

--- Грегор Эйзенхорн.

--- Место рождения?

--- Мир De Kere.

--- Первое сексуальное завоевание?

--- Мне было шестнадцать, служанка в школе...

--- Твой самый большой страх?

--- Человек с пустыми глазами!

Все ответы были правдивы, все вырывались непреднамеренно, но последний удивил даже меня самого.

На этом Лок не закончил. Он еще раз пошевелил вставленной иглой и проник в заднюю часть моей шеи остальными, так что все мое тело парализовало и по венам потек лег.

--- Что тебе известно об истинной причине?

--- Ничего!

Сам того не желая, я заплакал от боли.

Горгон Лок продолжал допрашивать меня в течение четырех часов... по меньшей мере четырех часов. А что было потом, не помню.

Вновь придя в себя, я обнаружил, что лежу на холодном рокровом полу. Каждый нерв моего существа заполняла тянущая боль, каждый мускул — слабость. Я едва мог шевелиться. Никогда прежде мне не приходилось испытывать такой жуткой боли и отчаяния. Никогда я не чувствовал себя так близко к смерти.

— Лежи спокойно, Грегор... ты с грузьями... — проговорил знакомый голос.

Эмос.

Я открыл глаза. Убер Эмос, мой верный архивист, смотрел на меня с состраданием, которое не могли скрыть даже аугментические очки. На его скуле расплывался синяк, а красивые одеяния были порваны.

— Лежи спокойно, старый друг, — убеждал он.

— Ты ведь меня знаешь, Эмос, — сказал я, медленно садясь.

Это оказалось непростой задачей. Некоторые группы мышц наотрез отказывались работать, и меня чуть не вырвало.

Я посмотрел вокруг затуманенным

взором.

Сидел я на полу цилиндрической
покрытой камеры. С одной стороны
этого цилиндра имелся люк, а с другой ---
подъемная решетка. Эмос присел на
корточки возле меня, а за его спиной, глядя
на меня с полным беспокойством,
застыла Елизавета Биквин в разорванном
платье. Опершись спиной о стену и сложив
руки на груди, стоял Хелдан, а возле люка
жились Махелес и четверо других
сопровождавших нас посланников Гильдии
Синеуас. Все они были бледными, с
опухшими глазами, словно только что
плакали. Бетанкора в камере я не
обнаружил.

--- Хрупкая эгид, пред лицом, ---
произнес Эмос на превосходной глоссии,
заметив мой взгляд.

Эти слова подразумевали, что
Бетанкору каким-то образом удалось
избежать заточения, которое постигло
остальных моих спутников.

Я поднялся главным образом
благодаря своему упрямству и поддержке
Эмоса и Биквин. На мне по-прежнему не

было ничего, кроме легинсов, сапог, кровопотоков и многочисленных темных точек в тех местах, где надо мной поработал Горзон Лок.

Он должен был заплатить за это.

— Что вам известно? — спросил я, после того как восстановил дыхание.

— Нас уже можно считать покойниками, — искренне произнес Хелдан. — Неудивительно, что мой наставник оставил эту часть работы вам, самоубийственные радикалы. Жаль только, что я согласился присоединиться.

— Благодарю, Хелдан. Может, кто-нибудь желает сказать что-нибудь менее нравоучительное?

Эмос улыбнулся:

— Мы находимся в тюремной камере под западным крылом, в гальней его части, практически под лесом. Они ворвались в наши комнаты спустя три часа после твоего ухода и взяли всех под прицел. Я внимательно запоминал маршрут, которым нас вели, после чего сравнил его с картой Мидаса и теперь абсолютно уверен в нашем местоположении.

— Что, черт возьми, они с тобой сделали? — спросила Биквин, промакивая раны на моей груди куском материи,оторванными от собственного платья.

Морщась от боли, я наконец понял, почему ее одежда так изорвана. Она ухаживала за моими ранами, пока я лежал без сознания. Доказательством ее преданности служила валяющаяся на полу куча пропитанных кровью обрывков материи.

— Потом они пришли еще раз, час спустя, и притащили тебя. Но ничего не говорили, — добавил Хелдан.

— Сэр Фархавал, вы и в самом деле инквизитор? — спросил Махелес, выступая вперед.

— Да, это так. Меня зовут Эйзенхорн. Махелес и все его спутники зарыдали.

— Мы покойники. Ты всех нас привел на смерть!

Я почувствовал к ним что-то вроде жалости. Гильдия Синезиас прогнала нас сквозь, и всех этих людей уже затронуло разложение, но в столь затруднительном положении они оказались по моей вине.

--- Заткнитесь! --- ответил ил
Хелдан.

Потом он оглянулся на меня и
протянул мне что-то вытященное из
отворота на его комбинеzone. Маленькую
красную капсулу.

--- Что это?

--- Агмиллагокс, десять граммов.
Похоже, тебе это нужно.

--- Я не пользуюсь наркотиками, ---
сказал я.

Он с силой вложил капсулу в мою руку.

--- Агмиллагокс утоляет боль и
очищает сознание. Мне плевать,
применяешь ты наркотики или нет. Я
только хочу, чтобы эта штука оказалась в
тебе до того, как откроются эти ворота.

--- Почему? --- посмотрел я на
решетку.

--- А тебе никогда не говодилось
сражаться на арене?

Гло получили от меня все, что могли.
Теперь они хотели моей смерти, а заодно
и смерти всех тех, кто был со мной.
Однако банальное убийство было ниже их
достоинства.

Но ведь из убийства можно сделать спорт.

Примерно на рассвете решетка со скрипом поползла вверх. В нашу тускло освещенную камеру ворвался жесткий и яркий искусственный свет.

Вместе с ним в нашу камеру ворвались облаченные в броню бойцы милиции Дома Гло и выгнали нас наружу с помощью энергощитов и пси-кнутов.

Пока мы пытались проморгаться и привыкнуть к освещению, решетка за нами опустилась.

Я огляделся. Просторный круглый амфитеатр, увенчанный куполом — без сомнений, тем самым, внешнюю поверхность которого мы видели, подлетая к поместью. Земляной пол арены порос мхом, а по стенам десятиметровых каменных стен ползли лишайники. Над стенами размещались зрительские ряды, заполненные сейчас членами Дома Гло, их слугами и гостями. В ложе я увидел Уризеля Гло, лорда Оберона, Горгона Лока, леги Фабрину, экклезиарха Даззо, курильщика кальяна. Капитан Терронс, во

время банкета сидевший за нашим столом, руководил стражей из сорока человек. Все охранники были облачены в зеленую броню, серебряные шлемы с плюмажем и держали в руках автоматическое оружие. Более чем две сотни членов клана Гло, их домашняя прислуга, милиция и чернорабочие заняли места в амфитеатре и восторженно были, напоминая кровожадных гиен.

Игнорируя оскорбительные выкрики, я оглядел арену. Кое-где торчали покореженные деревья и валуны, что придавало арене некоторое подобие природного ландшафта.

Возле зарешеченного входа в камеру располагалась стойка с ржавым оружием. Махелес со своими собратьями уже подбежали к ней и схватили тупые короткие мечи и беззубые пики.

Я выбрал кинжал с эфесом, прикрытым чашкой, и странную, крючковатую косу с зазубренной внутренней стороной лезвия.

Я привыкал к весу оружия в своих руках.

Хелдан взял кинжал и топор на глиняной рукояти, Биквин — плетеный щит и нож с острым кончиком. Этого только пожал плечами и ничего не взял.

Нас осмеивали и освистывали, но потом все стихло, и только тихие вздохи доносились со зрительских рядов.

Карногон был шести метров в длину, от носа до кончика яростно хлещущего хвоста. Девятьсот килограммов мышц, когтей и острых клыков.

Зверь вышел из-за группы мертвых деревьев, волоча за собой тяжелую цепь, свисавшую с его шипастого ошейника. В мгновение ока зверь достиг Махелеса и сбил его с ног.

Посланник Гильдии Синезиас заорал и продолжал вопить наотмашь, чем представлялось возможным для человека, от которого карногон отрывает куски. Может быть, это всего лишь игра моего испуганного воображения, но мне кажется, что крик прекратился, только когда в пасти чудовища исчезла голова несчастного представителя гильдии. Другие посланники закричали и побежали.

Кроме одного, который упал без сознания.

--- Мы покойники, --- не преминул напомнить Хелдан, поднимая оружие.

Я проглотил капсулу, которую он мне дал. Лучшее стало ненадолго.

Звеной цепью, карнодон звался за остальных посланниками, из его пасти стекали слюна и кровь.

Биквин завопила, когда из засады выпрыгнул второй карнодон. По моим оценкам, он был даже чуть больше первого. Зверь прыгнул прямо на меня.

Я кубыркнулся вправо, и гигантский зверь промахнулся, погрузив свои когти в тол. Тянувшаяся за ним цепь просвистела над моей головой. Оба чудовища одновременно исторгли низкий, гортанный рык.

Второй зверь развернулся и снова бросился на меня, но я уже успел подняться и отпрыгнул назад. Пока внимание животного было сосредоточено на мне, Хелдан подбежал к карнодону сбоку и ударил его моротом.

Тварь сдвинуто зашипела и стремительно, с разворота ударила

когтистой лапой помощника Вока, располосовав одежду на его груди и отбросив на несколько метров. Я отскочил в сторону и спрятался за деревья.

Первый карногон сбил еще одного посланника. Шок заставил человека утолкнуть, и он не издал ни единого звука, пока зверь терзал его безвольное тело.

Твари были голодны, что лишний раз доказывали их просвечивающие сквозь шкуру ребра. Этот фактор можно было использовать в нашу пользу: когда карногоны заваливали добычу, то в первую очередь интересовались ее поглощением. Длинные цепи, приковывавшие животных к столбам возле их нор, позволяли зверям перемещаться где угодно в пределах арены. И конечно же, длина цепей была тщательно рассчитана так, чтобы звери не могли выпрыгнуть с арены в толпу.

Самый крупный из хищников кружил по краю арены и лупил хвостом, выматривая своими темными, глубоко посаженными глазами людей в зоне досягаемости. Биквин укрылась за корягой вместе с Эмосом под своим хлипким

цитом. Но безжалостная толпа забрасывала их чем ни попадя, вынуждая покинуть убежище. Толпа жаждала крови.

Карногон обошел арену по кругу и побежал к Эмосу и Биквин, капая слюной. Из его пасти вырывался пар. Я был уверен, что одного только веса животного хватит, чтобы убить обоих. Я бросился ему наперерез, и толпа закричала и зааплодировала.

Карногон осадил, увидев мое приближение сбоку, и начал было поворачиваться, но я уже ударил его.

Старое лезвие рассекло свалывшийся мех, оставив глинную красную полосу от лопатки до ребер. Зверь с воет развернулся. Взметнулась лапа. Я отскочил назад и снова взмахнул косой, надеясь отвести этот удар. Но хищник бросился вперед.

Я сам опрокинулся на спину, лишая карногона возможности сбить меня, переломав мне кости. И оказался подмят чудовищной тушей. В отчаянии я вслепую ткнул зверя снизу вверх, надеясь поразить его в более уязвимое брюхо.

Тяжесть резко исчезла. С жутким стоном карногон отпрыгнул от меня. В моей руке больше не было кинжала — его рукоять торчала из подбородка зверя. Клинок пронзил и захлопнул его пасть. Словно лошадь, потревоженная мухой, карногон мотал головой и бил по морде лапой, пытаясь освободиться от кинжала.

Я поднялся. Из свежих ран на груди стекала кровь. Внезапно в поле моего зрения попал бегущий Хелган. Его топор опустился на спину огромного хищника, с громким хрустом перебивая хребет. Карногон рухнул на землю и забился в судорогах, взрывая когтями тох. Хелган снова и снова опускал топор на череп зверя.

Арена согрознулась от воя зрителей. На нас обрушился град всевозможных предметов. Помощник Вока обернулся и посмотрел на меня со злобщей, триумфальной устешкой.

Затем ему на плечи обрушился второй карногон, и Хелган рухнул ничком на пропитанную кровью землю арены.

Этот зверь уже покончил с посланниками Гильдии Синезиас — со

всех, кроме того, который упал в обморок
и все еще лежал там, где повалился.
Хищник вцепился в беспомощного
Хелдана, срывая с него скальп, раздирая
ему спину.

Из моего горла вырвался вопль ярости
и отчаяния, я подбежал к зверю, ударил его
косой под ухо и дернул. Изогнутое лезвие
вонзилось в плоть, и мне удалось на
секунду оттянуть голову карнодона в
сторону. Но потом мне в затылок угодила
метко брошенная бутылка. Я упал и
выронил косу.

Зверь развернулся ко мне, бросив
изувеченного Хелдана валяться на
пропитавшейся кровью земле. Я
стремительно вскочил, швырнув в глаза
твари ошметки земли и мха.

— Эйзенхорн! — завопила Биквин,
подбегая с другой стороны.

Она перебросила свой нож через спину
животного, и я ловко подхватил оружие.
Привлеченный ее криком, зверь
развернулся, раздирая плетеный щит и
сбивая девушку с ног.

Я вскочил на него верхом и несколько

раз полоснул кинжалом по шее. Но клинок
едва поцарапал толстую шкуру.

Карногон задержался, пытаясь
сбросить меня. Я увидел засевшую в густой
шерсти за гривка косу, подтянул ее и
просунул лезвие под шипастый ошейник.

Тварь всеми способами пыталась
сбросить меня. Еще немного — и у нее это
получится. Я вознал кинжал под
сочленение звеньев, уперев его в клинок
косы как рычаг, и со всей силой, на какую
был способен, налез на рукоять.

Звенья разошлись. Цепь распалась.

Карногон не сразу сообразил, что
свободен.

Затем он с легкостью перетахнул
через ограждение ямы и приземлился
прямо посреди остолбеневшей толпы
зрителей. Я все еще удерживался на нем,
отчаянно сжимая рукоять косы. Когда мы
приземлились, я сорвался и вылетел в
ряды. Зверь неистовствовал. Он ворвался в
толпу, пуская в ход зубы, когти,
неукротимую силу и чудовищную тяжесть
своего тела. Под куполом началось
столпотворение.

Я поднялся, расталкивая споткнувшихся и упавших на меня зрителей. В амфитеатре началась паника. С дальних рядов к карнодону спускалась толлица Дома, пытаясь пробиться через обезумевшую толпу, бегущую к выходу. В конце концов бойцы начали прокладывать себе дорогу с помощью дробовиков, лазганов и шокеров.

Я перепрыгнул через спинки нескольких кресел, разметаю слуг, попытавшихся меня схватить. Всего на один ряд выше оказались двое охранников, на бегу поднимавшие оружие, чтобы выстрелить по зверю.

Мне удалось срубить одного из них ментальным копьем, чью силу подпитывали ярость и всплеск адреналина, и выхватить из его рук оружие. Прежде чем второй успел развернуться, в него вошла автоматная очередь, швырнув охранника через ограждение на арену.

Я поднял взгляд к ложе, где располагались аристократы семьи Гло и их гости. Лорд Гло, Лок и курильщик уже исчезли, а леги Фабрину и экклезиарха

уводили охранники. Но Уриэль Гло по-прежнему оставался там, выкрикивая команды своим бойцам. Он увидел меня.

— Инквизиция не окажет тебе милосердия, — закричал я, хотя и сомневался, что он сможет услышать меня в этом бардаке.

Уриэль несколько мгновений смотрел на меня, а потом проорал еще несколько команд, перемежаемых ругательствами, снова обратив свое внимание на карнодона. Тот укрылся за зрительскими скамьями и рвал на части кого-то из бойцов милиции Дома. На его полосатой шкуре виднелись многочисленные огнестрельные раны.

Уриэль схватил охотничью винтовку, принесенную одним из солдат, тщательно прицелился и выстрелил.

Залп — и могучий зверь рухнул с разорванной грудью, напоследок загавкав еще одного охранника.

Люди продолжали метаться и вопить, но их стало значительно меньше, и я смог расслышать звон. Сработала сигнализация. Уриэль опустил винтовку и

жестами отпразднил группу своих людей
выяснить причину тревоги.

К звону сигнализации добавились еще
какие-то странные звуки. Но мне было не
до них. Уриэль прицеливался снова — и на
сей раз в меня.

Я кубыркот ушел из-под прицела, и
скакая нагонной разлетелась в щепки.

Уриэль начал перезаряжать
винтовку, а Терронс в сопровождении еще
нескольких солдат побежал ко мне, ведя
беспорядочную стрельбу. Я прицелился и
ответным залпом разнес на части его
серебряный шлем вместе с головой.

Уриэль снова изготовился к
стрельбе. Он поднял приклад винтовки к
плечу и начал прицеливаться.

Внезапно к какофонии звуков,
наполнивших амфитеатр, добавился еще
один, весьма характерный и хорошо мне
знакомый. Трое бойцов Дома Гло, стоявшие
на краю ямы, задержались и рухнули на
арену. Уриэля Гло отбросило назад, а его
винтовка выплюнула заряд куда-то вверх.
Стрелки милиции стали выцеливать
что-то у меня за спиной.

Я обернулся и сразу увидел его. На противоположном крае арены засел Мугас Бетанкор. Его излометы, по одному в каждой руке, снова свистнули, перча врагов смертоносными зарядами. Сразу несколько человек — охранники и прислуга — остались лежать без движения. Один из стражников перевернулся через перила и упал в яму. Ограждение арены не выдержало напора охваченной паникой толпы, и полдюжины человек рухнули на арену.

Несколько стражников пытались подстрелить Мугаса из укрытия, но Бетанкор, уверенно пробежав по терракотовому выступу ограждения, сунул излометы в кобур и совершил великолепный прыжок с переворотом, который доставил его под навес опустевшей ложи.

Охранники Гло вели беспорядочную стрельбу, попадая преимущественно по возмущавшей толпе. Я подбежал к перилам.

— Прячьтесь! Прячьтесь! — закричал я стоявшим внизу Биквин и Эмосу.

Они пытались оттащить

окровавленное тело Хелдана поближе к стене арены, где было сравнительно безопасно. Я подбежал к трупу охранника и прихватил из его патронташа еще несколько запасных обойм. Меня пытались подстрелить, но большую часть врагов отвлек на себя Мугас. Я укрылся за скамьей, заваленной жертвами карногона, и начал стрелять короткими очередями по противникам, стоявшим несколькими рядами выше. Огонь в мою сторону стал ожесточеннее, и от моего скудного укрытия во все стороны полетели куски. Мугас выбежал из ложи, открываясь, и его излометы яростно засвистели.

Но-прежнему трезвонила сигнализация, но помимо ее воя, пальбы, человеческих криков и стонов стал слышен и глухой рокот взрывов.

К этому моменту амфитеатр практически опустел, если не считать последней горстки охранников, перестреливающихся с Мугасом. Выстрелы и взрывы, доносящиеся снару́жи, становились все громче.

Я добрался до ложи. Охотничья

винтовка Уризеля валялась на полу возле окровавленного сиденья.

Излы Мугаса обязаны были хотя бы зацепить ее владельца.

Вставив в автомат свежую обойму, я пробрался мимо рядов скамей и направился к лестнице. Возле нее лежали тела двух слуг, затоптанных в давке.

Уризель Гло истекал кровью от ранения в плечо и ушел недалеко. Он услышал мои шаги, обернулся и выстрелил в темный туннель из крошечного стабберного пистолета. И исчез из виду.

Я продвигался вперед со взведенным автоматом и осматривал сырой каменный туннель перед собой. С левой стороны обнаружился проход на лестницу, ведущую к катерат внизу, а справа была дверь, выводящая к основному зданию.

Я распахнул ее стволом автомата.

Уризель с воем выбежал со стороны лестницы и врезался мне в спину.

Я ударился головой о косяк, и автомат выскользнул из моей руки, выпустив очередь.

Не пытаясь даже разворачиваться, я

согнулся пополам, схватил противника за
одежду и с разворота приложил Уризелю
Гло о стену. Он вскрикнул.

Левой рукой я нанес ему удар в живот,
от которого еретик согнулся, а затем
кулаком правой руки раздробил ему зубы.
Он сгавил меня в медвежьих объятиях,
заставив отступить на несколько шагов,
прежде чем мне удалось остановиться,
провести подсечку и нанести ему прямой
удар кулаком в солнечное сплетение.

Бой для него был закончен. Я
припечатал еретика затылком о стену,
придушив согнутым локтем.

— Нет для тебя искупления,
грешник! — бросил я в его окровавленное
лицо. — Ни для тебя, ни для твоего
проклятого Дома! Мужро используй свой
последний вздох и раскрой мне ваши
тайны. Иначе Инквизиция покажет тебе
боль, которую не способен вообразить даже
Горгон Лок!

— Ты... — пробұлькал он сквозь кровь и
осколки зубов, — ты не можешь даже
представить, какие страдания для
Империи несет Дом Гло. Наша власть

велика. Мы вышвырнем ублюдочного Императора с его Золотого Трона... Пред Обероном и Понтиусом тиры Империи будут сгорать и лопаться, как мыльные пузыри. Да прославится Великая Тьма Слаанеша...

Меня мало волновали его еретические заблуждения, но упоминание имени мерзейшего из демонов вывело меня из себя. Богохульство выворачивало мое нутро и легенило сердце. Я вырубил Уризея и огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы связать ему руки.

Поместье Гло содрогалось так, словно очутилось в эпицентре боевых действий.

Мидас Бетанкор появился у входа в туннель и увидел, как я привязываю Уризея Гло шнурати от навеса к трубе отопления. Он убрал свои излометы в карманы и подошел ко мне. Я услышал, как он активизирует вокс и сообщает свою диспозицию. Протрещал краткий ответ.

--- Что происходит? --- спросил я.

--- Военно-костический флот Скаруса проводит операцию, --- с довольным видом сообщил мне главианец.

Бетанкора не было в комнатах, когда появились люди Гло, захватившие Эмоса, Биквин и Хелдана. Я к тому времени опаздывал уже на два часа, и Мугас решил поискать меня. Он искал меня, а милиция Гло искала его, перерыв в ходе этих поисков все поместье. Но Мугас не тот человек, которого можно было бы найти, пока он сам того не захочет. Он не только успешно скрылся от поисковых групп, но сумел проникнуть в помещение связи и послать краткое, но доходчивое сообщение Коммодору Вок в Дорсай.

Ответ Вока оказался незамедлительным и жестким. Семья Гло насильственно задержала служащего Священной Инквизиции и его помощников. Уного повода Вок и не требовалось.

Он изложил свои требования, не терпящие возражений, не адмиралу флота или его чиновникам, а непосредственно лорду верховному главнокомандующему. Главнокомандующий уже через полчаса

мобилизовал подразделение солдат службы безопасности Военно-космического флота, передав их в распоряжение Вока.

Я знаю, что, как инквизитор, и сам имею право и власть потребовать подобной поддержки. И хоть и очень редко, но мне доводилось этим правом пользоваться. Но все равно меня впечатлило, какое уважение и страх вызывал престарелый инквизитор в людях столь высокого ранга.

Подобные действия, по-моему, лучше всего характеризовали решительные и жесткие методы монополианта Вока. Чтобы обрушиться на Дом Гло в стиле приснопамятного Махариуса, ему хватало ничтожнейшего повода. И я его предоставил.

Какая-то часть меня была уверена, что эта демонстрация силы и влияния являлась для Вока поводом показать себя человеком класса «альфа», если говорить языком Инквизиции.

Впрочем, это не имело значения. И по правде говоря, меня вполне устраивало. Может быть, устроенная нами мясорубка

и помогла бы нам выбраться с арены, но без штурма извне нам ни за что бы не вырваться из поместья.

Операция получила кодовое название «Утиропворение-505», где «505» являлось топографическим обозначением поместья Гло. Еще до рассвета сюда, прижимаясь к холмам, чтобы избежать обнаружения более чем серьезной местной системой локации, вылетели четыре десантных корабля.

Корабли скрывались в близлежащих холмах до тех пор, пока не взошло солнце, чтобы дать время разведывательному отряду добраться пешком до поместья и взломать электронную защиту периметра огромного дома. Потом они вышли на связь с Бетанкором, передавшим им всю информацию о строениях и размещении охраны.

Примерно в тот момент, когда первый карногон выскочил из засады, десантные корабли вылетели со стороны роуи и устремились к зданию. Легкий имперский фрегат вторжения «Оборона Сталинваста», ведомый по приказу лорда

главнокомандующего непосредственно
самим адмиралом Спатианом, заняв
геосинхронную орбиту над целью «505» и
уничтожил ангары с космическими
мечелноками с помощью бортовой
артиллерии.

Два десантных корабля выпустили
дымовые завесы и сбросили
противопехотные заряды, опускаясь на
основное здание и вышибая там все окна.
Сорок солдат в черной броне военно-
космической службы безопасности
высадились и начали штурм центрального
здания. Более чем семь десятков
изумленных охранников попытались им
противостоять.

Еще два корабля облетели дом и
высадили десант на посадочную площадку,
освещаемую пылающими руинами ангаров.
Уже через три минуты залы и коридоры
поместья Гло превратились в арену
сражения. Вот тогда-то и взвыла тревога.

На службе Дома Гло состояло более
четырех сотен солдат, если не считать
слуг численностью еще в девять сотен,
половина которых также взялась за

оружие. Милиция Гло была
уконплектована опытными бойцами, к
тому же очень недурственно
вооруженными. По сути, он представлял
собой небольшую армию. А я знаком более
чем с одним командующим Имперской
Гвардии, которому доводилось брать
города и даже целые планеты меньшим
числом. А эти бойцы имели то
преимущество, что находились на родной
земле и знали все закоулки, все слабые и
сильные стороны древнего поместья.

Силы войск безопасности старались
их разделить. Элита Военно-космического
флота Скаруса, вооруженная черными
хеллганатами и обладающая стальной
дисциплиной, захватывала и зачищала
комнаты за комнатой.

В некоторых очагах сопротивления
им приходилось нелегко. Войска потеряли
троих в открытой перестрелке на кухне.
Самобийственное нападение двух
защитников Гло, вооруженных
взрывпакетами, унесло жизни еще
четверых и обрушило метров двадцать
западного крыла.

Менее чем за полчаса после начала штурма милиция потеряла почти три сотни человек.

Видя такое дело, прислуга стала разбегаться по лесам и долинам, окружающим дом. Но лишь немногим удалось скрыться. Большинство из них перехватили и около трех десятков убили при попытке прорвать оцепление, выставленное вокруг поместья Имперской Гвардией. В этом оцеплении стоял недавно сформированный Гудрунский стрелковый полк -- новобранцев подняли по тревоге, чтобы они могли попробовать на вкус настоящее сражение еще до того, как покинут родную планету.

Основной целью упорного сопротивления милиции Гло было дать возможность спастись аристократам. Гудрунскими стрелкам удалось зажать в угол инопланетного кузена Гло и его свиту. Ребята честно попытались арестовать их, но те оказали сопротивление, и их пришлось истребить. Остальные присутствовавшие на банкете торговцы и гости сдались имперским

войскам.

Из ангара, скрытого в лесу, взлетело несколько орбитальных шлюпок. Одну из них сбил солдат, вооруженный ракетной установкой. Две другие успели пролететь пять километров, прежде чем их испепелила внимательная «Оборона Сталинваста».

Еще одно судно ушло от удара и устремилось на запад. «Оборона Сталинваста» выпустила три истребителя, которым после долгого преследования все-таки удалось поразить цель. Но недели уйдут на выяснение личностей тех, кто находился на пытавшихся удрать кораблях.

Но необходимо признать: лорд Оберон Гло, леди Фабрина, Горгон Лок, экклезиарх Даззо и безымянный курильщик оказались серьезными противниками. Никого из них не оказалось среди того сброса, который удалось захватить Гвардии и службе безопасности.

Спустя девяносто минут после начала операция «Утирождение-505» получила гриф «Завершена» от майора

Джоата Цокеллса, сотрудника военно-
костических сил безопасности.

И лишь тогда из Дорсая стартовал
баркас, несущий Колмогуса Вока.

Глава двенадцатая НА РУИНАХ ВЕЧНОГО ДОМА РОНОТ ВОССТАНИЕ

Был уже полдень, но начавшийся еще ночью ливень продолжал поливать горящее поместье Дома Гло, и казалось, он смывал с неба все краски. На вершине холма возвышались ужасные, почерневшие руины с выбитыми окнами и разорванной крышей, которая еще недавно была украшена мозаичной плиткой. От руин поднимались клубы серого и белого дыма.

Я сидел во дворе, свесив голову и прислонившись спиной к брызговiku бронетранспортера Имперской Гвардии. Время от времени делая глоток атасека из хрустального графина. Я нуждался в обезболивающих, успокоительных и нейротропных средствах

квалифицированной медицинской помощи,
желательно нейрохирурга. Еще мне не
помешали бы ванна и чистая одежда.

Но более всего мне нужна была
кровать. Мимо прошли солдаты,
поскрипывая сапогами по влажному камню.
Со всех сторон неслись отрывистые слова
команд. Время от времени над головой
проносились истребители, и от рева их
форсажей у меня содрогалась диафрагма.

Голова кружилась. Фрагменты
происшедшего собирались и соединялись в
моем усталом сознании, приобретая порой
фантастическо-исторические формы. Каждый раз я
вздрагивал, пытаясь прийти в себя. Где-
то там, в глубине моего разума, возникал
человек с пустыми глазами. Ему не
находилось места в происшедшем, и мне не
хотелось думать о нем, но образ не
пропадал. Один раз мне даже
померещилось, что он стоит на другом
конце поля, возле кладовых. Я спорзнул.

Меня по-прежнему покрывали
запекшаяся кровь, пот и грязь. Словно
саван, окутывали боль и усталость.
Капрал военно-медицинских сил

безопасности нашел отобранные у нас вещи в комнате Уризеля Гло, и я надел рубашку и застегивающийся на кнопки глиняный плащ. Солдат вернул мою инквизиторскую insignию, и теперь я сжимал ее, словно котлет.

Напряженные солдаты из Пятидесятого Гудрунского стрелкового полка конвоировали через двор персонал Дома Гло. Заключенные держали руки сложенными на затылке, многие плакали.

Тень скользнула по холодным каменным плитам, и человек сел рядом со мной, прислонившись спиной к грязным сиденьям транспорта.

— Долгая выдалась ночь, — произнес Мугас.

Я протянул ему графин, и он основательно к нему приложился.

— Где Эмос? И девушка?

— В последний раз, когда я видел ученого, тот шнырял повсюду и делал записи. А Елизавету не видел с тех пор, как мы вытащили их из ямы.

Я кивнул.

— Ты почти мертв, Грегор. Давай я

вызову челнок и мы доставим тебя в
Дорсай.

--- Мы еще не закончили здесь свои
дела, --- ответил я.

Нам отсалютовал подошедший
прокуратор Магортин. Больше на нем не
было накрахмаленной белоснежной
униформы. Теперь он был одет в угольно-
черную броню войск безопасности, в
которой выглядел несколько крупнее и
внушительнее.

--- Мы осмотрели тела, --- произнес он.

--- Оберон Гло?

--- Ни следа.

--- Горгон Лок? Священник Даззо?

Он покачал головой.

Со вздохом я протянул ему графин. К
моему удивлению, прокуратор взял его, сел
рядом с нами и сделал хороший глоток.

--- Возможно, они сгорели на шлюпках,
пытавшихся ускользнуть, --- сказал он. --- Но
вот что я вам скажу. Еще до того как
спалить два челнока, вылетевших в
сторону долины, на «Обороне
Сталинваста» были уверены, что на них
нет признаков жизни.

--- Пританки, --- сказал Бетанкор.

--- Готов поставить все свои деньги, что главианец прав, --- произнес Магортин и пожал плечами. --- Хотя, конечно, хороший маскировочный госпех может поглотить сигнал. Нам никогда не узнать.

--- Мы узнаем, Магортин, --- пообещал я.

Он еще раз глотнул из графина, вернул его мне и поднялся, отряхивая свой госпех.

--- Я рад, что военно-костическая служба безопасности смогла послужить вам, инквизитор Эйзенхорн. Надеюсь, что нам удалось восстановить вашу веру в Военный флот.

Я поднял на него взгляд и вяло кивнул:

--- Я удивлен, что вы лично прибыли следить за ходом действий, прокуратор.

--- Шутите? Да после происшествия на «Уссине» мне бы адмирал голову снял, если бы с вами что случилось!

Магортин ушел. Мне он нравился. Честный человек, старающийся наилучшим образом исполнять свои обязанности в гуще противоречивых

политических интересов. А в более поздние годы мне было суждено оценить честность и остроумительность Ольги Мадортина гораздо выше.

Согбенная фигура пересекла поле и нависла надо мной.

— Так чьи методы оказались мудрее? — с улыбкой спросил Коммогус Вок.

— Ты мне скажи, — ответил я, поднимаясь.

Вок привел с собой свиту численностью почти в пятьдесят человек, поголовно облаченных в черные одеяния. У многих имелись аутоматические имплантаты. Они просканировали все поместье и собрали мельчайшие клочки, могущие стать уликами. Потребовался целый караван транспортов, чтобы вывезти все ящики, полные документов, книг, планшетов и прочего.

Я не стал вмешиваться. Мое желание действовать размывали боль и усталость. Я был даже рад, что Вок с его многочисленной свитой досталось удовольствие выполнить тщательно

кропотливую работу по обработке полученной информации.

--- Большая часть улик стерта, разбита или сожжена, --- отпарентовал Вокү суроволицый архивист по имени Клизис. --- Из сохранившегося многое зашифровано.

Мы спустились в подвалы, и я провел Вока в помещение, доступ к которому перекрывал силовой экран. На полу все еще оставалась кровь Ковица, но предмет, лежавший тогда на алтарной плите, исчез.

--- Он говорил о нем как о Понтиусе, --- сказал я.

В помещении больше не ощущалось ментального присутствия, и логика подсказала мне, что псионическое влияние оказывал сам Понтиус. И срубившая меня ментальная атака также исходила от него.

Я прислонился к стене помещения и принялся терпеливо излагать Вокү ключевые пункты того, что удалось узнать.

--- Миссия Эйклона на Снеси, куда был

вовлечен и Понтиус, явно была важна для них, но Оберон Гло доверительно рассказал мне, что операцию отменили, потому что в игру вошло нечто куда более важное. Они называли это «истинной причиной».

— Это могло бы объяснить, почему они решили бросить Эйклона, — размышлял он вслух. — После всех своих приготовлений Гло оказались не в состоянии доставить Понтиуса, как обещали.

— Похоже на то. Даззо и кораблевладелец Лок, судя по всему, были глубоко вовлечены в суть этой «истинной причины». Нам надо узнать про них побольше. Уверен, что их работа касалась некоторого археоксенического материала. Они упомянули «сарути».

— Разновидность ксеносов, населяющих соседний субсектор, — произнес архивист Вока. — Про них мало что известно, и контакт с ними запрещен. Инквизиция начинала расследование по ним, но, поскольку костюм в их регионе мало изучен, а сами они не стремятся к контакту, расследование было отложено.

--- Но канер вброде Лока мог
установить с ними связь?

Клизис и Вок дружно кивнули.

--- Необходимо возобновить
расследование, --- сказал Вок. --- Ордо Ксенос
начнет изучать сарүти. Но пока что дело
можно считать закрытым.

--- Это с какой стати? --- спросил я
ошарашено.

Вок уставился на меня своими
глазами-бүсинками:

--- Дом Гло разрушен, его члены и
сотрудничавшие с ними заговорщики
убиты. Что бы они ни планировали, мы
это пресекли.

Я даже не стал пытаться спорить со
стариком. Вок был уверен в полученных
данных. И в этом, на мой взгляд, крылась
его основная ошибка.

Конечно же, он оказался не прав.
Первый намек на это появился десять дней
спустя. Я со своими людьми возвратился в
Дорсай, где провел некоторое время на
попечении Умперского Госпиталя,
расположенного на Гранд-Канале, где
медики занялись моими многочисленными

ранениями и травмами. Большинство порезов и ран оказались поверхностными и должны были со временем зажить. Но Лок оставил мне на память куда более глубокие шрамы. Множественные повреждения искалчили мою нервную систему, и некоторые из них оказались необратимы. Аугментисты из Официс Медикалис, работавшие на Военно-космический флот, провели микрохирургические операции на порванных нервных волокнах позвоночника, грудной клетки, мозговом стволе и горле. Они внедрили более шестидесяти секций искусственных нервных волокон и узлов. Я частично потерял способность различать цвета и вкус. Снизилась скорость реакции левой половины тела. А с моим лицом врачам ничего не удалось сделать. Лок сдержал свое обещание — я никогда больше не смогу улыбнуться. Как, впрочем, и выразить любую другую эмоцию. Мое безразличное лицо стало просто маской.

Этос навещал меня каждый день в палате Госпиталья и приносил горы информационных планшетов и старых

книг. Он налаживал рабочие отношения с архивистами Вока (Клизис был всего лишь одним из семнадцати) и изучал передаваемые или данные. Мы пытались собрать информацию о приспешниках Гло, но обнаружили крайне мало, несмотря на вовлечение в работу армии Вока. Лок оставался темной, чуть ли не мифической личностью, чьи имя и репутация были известны по всему Геликанскому субсектору, но происхождение, карьера, торговые партнеры и даже имя корабля оставались неизвестны. Практически так же обстояли дела и с определением личности Даззо.

В Экклезиархии не оказалось ни единой записи о священнослужителе с таким именем. Но я вспомнил, как Ковиц во время банкета рассказывал, что Даззо был связан с миссионерским орденом, спонсируемым Гло, на пограничном мире под названием Дамаск. К счастью, Дамаск оказался вполне реальным миром на самом краю Геликанского субсектора — одно из самых редко посещаемых, захолустных мест. И астрогеографически он

размещался всего лишь в нескольких
месяцах пути от не нанесенных на карты
областей таинственных сарүти.

Как только я достаточно окреп, в
одно из посещений вместе с Эмосом
пришел Ловинк. Он вытащил из моего
сознания портрет «курильщика», который
тут же был психометрически перенесен на
графическую пластину. Изображение
получилось нежного размытым, но все-
таки достаточно внятным, чтобы его
можно было разослать по всем
структурам, связанным с расследованием
происшествия на Гүдгүн. Но никто не смог
опознать этого человека.

Ловинк извлек и образ Понтиуса.
Картина поставила в тупик всех, кто
смотрел на нее. И только Эмос мгновенно
подтвердил, что странный предмет по
форме и габаритам идеально
соответствует нише в ларце Эйклона,
обнаруженном в Молитвеннике Два-
двенадцать. И как мы догадывались,
именно его ждал Эйклон, ради него он
затеивал массовую бойню в ледяной
гробнице на Снеси.

--- Уризель Гло говорил про Понтиуса так, как если бы тот все еще был жив, --- обратился я к Эмосу. --- И нечто, без сомнения обладающее огромной психической мощью, вырубил меня в том помещении, где хранился Понтиус. Можно ли его вернуть к жизни, если некая часть его, возможно какая-то ментальная эссенция, заключена в это устройство?

Эмос кивнул:

--- Сохранение разума после перенесения тяжелых физических повреждений или даже смерти не выходит за пределы высоких технологий Империи. Но подобные технологии недоступны даже для столь могущественной семьи, как Гло.

--- Ты говорил, что это напоминает какие-то мистерии Агентус Механикус.

--- Именно так, --- ответил он. --- Это очень странно. Могло ли это преступление на Спеси поставить своей целью выкачивание жизненных сил жертв в этот артефакт? Дать Понтиусу огромную мощь?

На третье утро моего пребывания в Госпитале ко мне зашел Фишиг. Его раны

уже исцелились, и похоже, он был раздосадован тем, что пропустил случившееся в поместье Гло. Он принес с собой бесценный старинный планшет, содержащий собрание вдохновенных стихов, составленное Юрием Сатаскином, викарием-исповедником одного из генералов Махариуса. Это был подарок от Максиллы, из его частной коллекции.

Формирование полка, которое задержал инцидент с Гло, возобновилось. Новые гвардейцы Империи отправились на транспортные суда флотилии, повисшей на орбите. Наконец завершились последние церемонии. Лорд главнокомандующий стремился как можно скорее начать свой поход к беспокойному Офигианскому субсектору, решив, что и так слишком много времени и сил потрачено на дело местного значения.

Но на десятый день происшедшее перестало казаться таким уж местным. По астронатической связи начали поступать сообщения об инцидентах по всему субсектору: череда взрывов на Трациан Приларис; захват и уничтожение

пассажирского судна, направлявшегося к
Тесперусу; город-улей, выкошенный
вирусным заражением, на Мессине.

Тем же вечером в небе над Дорсаем
ненадолго вспыхнула новая яркая звезда.
Взорвалось четырестатысячетонное
бронированное судно «Ультима Виктрикс».
Взрывом были повреждены еще четыре
корабля, располагавшиеся поблизости.

Час спустя стало ясно, что
происшествие на этом не закончилось.
Даже командованию Военного флота было
непонятно, почему несколькими кораблями
взрыв был идентифицирован как нападение
противника. Звено фрегатов, которым
командовал капитан Эструт, вылетело на
перехват, и несколько истребителей
передовой группы приняли их за врага и
открыли огонь. В течение двадцати семи
минут Военный флот Скаруса вел
войну против самого себя. Шесть кораблей
уничтожено. Звено Эструта вместе с
мобильной группой из пятнадцати судов
прыгнули в варп, чтобы выследить «врага».
Адмирал Спатиан пустился в погоню с
флотилией из восьми тяжелых крейсеров.

Оставшееся войско пыталось восстановить порядок и справиться с полученными повреждениями.

Как я узнал, лорд главнокомандующий был так взбешен случившимся, что лично врачу пришлось давать ему успокоительное.

--- Это не просто досадное недоразумение, --- произнес Бетанкор. Мы сидели в моей отдельной палате, с выходящими на Гранд-Канал высокими окнами. Ночь освещали призрачные отблески взрывов и выбросов энергии, похожие на падающие звезды. --- Имперские боевые флотилии числятся среди наиболее организованных и дисциплинированных костических организаций. Подобный бардак просто не может произойти случайно.

--- Думаю, ты хочешь также сказать, что и дезертиры не могут так просто захватить сторожевой катер и вынудить владельца судна, которое берут на борт? Наш незримый противник демонстрирует свое могущество. Вокруг говорил о некоем родительском культе, надзирающем за многочисленными

мелкими ячейками и тайными организациями. Он считал, что именно Гло и были на вершине заговора. Но я в этом не уверен. Есть кто-то более значительный.

Уризея Гло содержали в Имперской Базилике. С момента поимки его допрашивали и пытали по нескольку часов ежедневно. Но так ничего и не добились.

Той ночью я сам отправился к нему. Вок и его следователи все еще работали над еретиком, теперь уже понимая всю срочность дела.

Они держали его на глубине девяносто метров под серой каменной крепостью, в помещении, которое иначе как темницей не назовешь. В соседних камерах содержались все остальные заключенные, захваченные во время штурма поместья Гло. Чтобы удержать и допросить их всех, Вок потребовалась помощь местных Агентус Арбитрес, солдат планетарной армии Гудрун и должностных лиц Министериума.

Добравшись до Базилики на гравискифе, я был встречен высоким седым

человеком в глинном красно-коричневом плаще и с эскортом из двух боевых сервиторов. Я узнал его сразу. С Инквизитором Тимусом Эндором мы были примерно одного возраста и оба учились у Ханшанта.

— Ты поправился, Грегор? — спросил он, пожимая мою руку.

— Достаточно, чтобы продолжать работу. Не ожидал увидеть тебя здесь, Тимус.

— Отчет Вока по делу Гло дошел до представителя нашего Ордена в данном субсекторе. Верховный Инквизитор Поркен потребовал скорейшего расследования и раскрытия дела. Неспособность Вока выжать что-либо из Уризеля Гло раздражает его. Меня послали на помощь. И не только меня. Шонгард уже здесь, а Молитор находится в пути.

Я вздохнул. С Эндором, братом-аталатианином, я мог работать. Шонгард представлял собой фанатичного монодоминанта и, на мой взгляд, лишнюю обузу. А Конрад Молитор был из того сорта радикалов, которым, по моему

лнению, и вообще нет места в Оргене.

--- Это необычно, --- сказал я.

--- У всех свои причины, --- заметил Эндор. --- То, что выявила ваша с Воком деятельность здесь, представляет собой кусок огромной головоломки, связанной с множеством различных дел и расследований. Две недели назад я сжег еретика на Мариам и в его вещах обнаружил документы, связывавшие его с семьей Гло. Шонгарг занимается выслеживанием источника богохульных текстов, которые, как он уверен, первоначально попали в субсектор в трюмах торговцев из Гильдии Синезиас. Молистор... Кто его знает, над чем он работает, но это тоже как-то связано.

--- Иногда, --- сказал я, --- мне кажется, что мы работаем друг против друга. Сейчас многое вышло наружу. И ты только взгляни! У всех нас есть частички одной и той же тайны. Ведь вполне возможно, что мы могли захватить этого противника и разрушить созданную им структуру еще месяц или даже два назад, стоило нам только обмениваться информацией.

Эндор растаялся:

--- Грегор, ты подвергаешь сомнению методы работы Священной Инквизиции? Методы, сложившиеся столетия назад? Ты сомневаешься в побуждениях наших собратьев по Ордену?

Я знал, что он шутит, но ответил серьезно:

--- Я порицаю систему, которая приводит к тому, что мы не доверяем даже друг другу.

Мы спустились в глубины тюремного блока.

--- Что с Гло?

--- Ничего не говорит, --- сказал Эндор. --- Под пытками, которые к нему применяют, ломалось большинство еретиков. Во всяком случае, они почти всех заставляли утратить о пощаде или пытаться наложить на себя руки. А этот сопротивляется и, можно даже сказать, сохраняет хорошее настроение. По-прежнему высокотерпен, словно надеется победить.

--- И он прав. Мы ни за что не подпишем приказ о его уничтожении до

тех пор, пока не узнает его тайн.

Люди Вока трудились над Гло в вонючей камере, стены которой были выкрашены в красный цвет. От Уризеля остались только искалеченные останки, жизнь в которых поддерживалась исключительно мастерством палачей.

Извлечь признание из еретика — это величайший долг инквизитора, и, на мой взгляд, допустимы любые методы, но этот вариант просто бесполезен. На их месте я бы прекратил пытку еще несколько дней назад. Одного взгляда хватало, чтобы понять, что Уризель Гло не намерен говорить.

Я оставил бы его в покое на несколько долгих недель. Несмотря на все муки, постоянное внимание придавало ему сил, так как демонстрировало, в сколь отчаянном положении мы находимся. Тишина и изоляция сломали бы его быстрее.

Инквизитор Шонгард отстранился от стола, к которому был привязан Гло, и надел хирургические перчатки. Он был широкоплечим человеком с жидкими

каштановыми волосами и черной металлической маской, хирургически вращенной в его лицо. Никто не знал, скрывает ли она следы какой-то серьезной травмы, или же это сделано из любви к эффектам. Сквозь прорези маски на нас смотрели Эндором уставились нездоровые и налитые кровью глаза.

--- Братья... --- прошептал он. Поэтому, он никогда не говорил даже вполголоса, только вкрадчивым, пугающим шепотом. --- Его упорство сильнее, чем когда-либо мною виденное. Мы с инквизитором Воксом пришли к выводу, что сознание еретика прошло очень серьезную тренировку, что позволяет ему игнорировать наши манипуляции. Были применены ментальные зонды, но и они ничего не дали.

--- Возможно, стоит попросить Астронавтический Анклав обеспечить нас помощью одного из первоклассных специалистов, --- сказал Вокс, выходя из-за моей спины.

--- Не думаю, что на его сознание поставлен какой-либо блок, --- сказал я. ---

Вы бы нашли следы такой обработки. Да и он тогда молил бы нас остановиться, потому что знал бы, что не может дать нам ответ.

--- Ерунда, --- прошептал Шонгард. --- Ни один нормальный человек не выдержал бы такого.

--- Иногда у меня возникают сомнения, знают ли мои собратья хоть что-нибудь о человеческой природе, --- мягко ответил я. --- Этот человек --- фанатик. И к тому же благородного происхождения. Он видел тьму, которой мы так боимся, и знает ее мощь. И ее лживых обещаний достаточно, чтобы держать рот на замке. --- Я подошел к столу и посмотрел в лишенные век глаза Гло. Когда он улыбнулся мне, на его ободренных губах заплырлась кровь. --- Ему обещано падение миров, уничтожение миллиардов. Он кичится этим. То, за чем встретились Гло, столь велико, что ничто иное не имеет для него значения. Я прав, Уризель?

Он забулькал.

--- Это для него лишь временные трудности, --- произнес я, презрительно

отворачиваясь от еретика. --- Он продолжает упорствовать, потому как считает то, что ждет его впереди, достойным любых мучений.

Вок фыркнул:

--- И что это может быть?

--- Мне слова Эйзенхорна кажутся убедительными, --- сказал Эндор. --- Глос будет защищать свою тайну, что бы мы ни делали, поскольку эта тайна обещает ему возместить все потери тысячекратно.

Лицо Шонгарда под маской явно скривилось в сомнении.

--- Поддержу брата Вока. Какая награда может стоить длительного общения с лучшими мясниками Инквизиции?

Я не стал отвечать. Ответ мне был неизвестен, хотя у меня сложилось представление о масштабах заговора.

И мысли об этом легли на мою кровь.

Если у меня и оставались какие-то сомнения в том, что верхушка Гло уцелела, то их полностью рассеяла следующая неделя. По мирам субсектора прокатилась волна диверсий с использованием взрывчатки, токсинов и пси-оружия. Мрачные ячейки зла, скрывавшиеся в Имперском сообществе, вылезали на свет, подвергая себя риску обнаружения. Уми словно дирижировала какая-то сила. Кто-то вроде лорда Гло и его сообщников, избежавших уничтожения. А может (и я все больше и больше склонялся к этой версии), они являлись только частью незримой правящей элиты, которая теперь мобилизовывала силы своих тайных дочерних культов на двух дюжинах миров, готовя революцию.

--- Есть и другое объяснение, --- сказал мне Тимус Эндор во время мессы в Имперском Соборе Дорсая. --- Несмотря на могущество и влияние Дома Гло, не они стояли на вершине пирамиды заговора. Есть кто-то и выше.

Такое, конечно, тоже возможно, но я знал, насколько заносчивы и честолюбивы

Гло. Они не из тех, кто подчинился бы
другому хозяину. Но крайней мере,
человеческому хозяину.

Тем временем беспорядки добрались и
до Гудрун. Один из городов на юге подвергся
серии взрывов, а фермерское поселение на
западе вытерло от отравления нервным
токсином, сброшенным в его водозаборы.
Военный флот Скаруса по-прежнему
прилагал усилия, чтобы оправиться от
повреждений, причиненных самому себе, а
адмирал Спатиан вернулся из своего
похода за кораблями Эструта с пустыми
руками. Эти суда просто исчезли. Я
обменялся посланиями с Магортином,
который сообщил мне, что в командовании
Военно-космического флота теперь мало
кто сомневался в том, что гибель
«Ультима Виктрикс» и последовавший за
ней погром стали результатом саботажа.
Влияние нашего врага простиралось даже
на Военный флот.

А затем в двух огромных городах
ульях Трациан Приларис поднялось
открытое восстание. На улицы вышли
тысячи рабочих, пораженных порочным

влиянием Хаоса. Они занимались поджогами, грабежами и убийствами. Уоткрыто демонстрировали непотребные знаки Хаоса.

Планы лорда главнокомандующего насчет крестового похода в Офигуанский субсектор откладывались на неопределенный срок. Военно-космический флот Скаруса снялся с якоря и устремился подавлять восстание на Трациане.

Но это оказалось только началом. В предместьях столицы Саметера вспыхнул откровенный мятеж, а днем позже разразилась гражданская война на Тесперусе. Оба случая носили признаки влияния Хаоса.

Этот печальный период упомянут в Имперских хрониках как Геликанский Раскол. Он длился восемь месяцев, и в открытой войне на этих трех мирах погибли миллионы, если не вспоминать сотнях менее крупных инцидентов на других планетах, включая Гудрун. Лорд главнокомандующий получил таки свой священный крестовый поход, хотя вряд ли он представлял, что его придется вести

против населения собственного субсектора.

Все власть имущие, и даже мои достойные собратья-инквизиторы, были настолько ошеломлены этим бунтом, что это практически парализовало всю работу. Заклятый враг человечества нередко действовал открыто и жестоко, но в этот раз его поведение казалось лишенным логики. Почему после столетий осторожного, тайного становления скрытные культы внезапно поднялись как грибы, подставляясь под гнев Имперских войск?

Я решил, что ответ заключается в «истинной причине». И то, что Уризель Гло сопротивлялся пыткам едва ли не с ликованием, лишь укрепило мое убеждение: архиввраг готовится к чему-то столь грандиозному, что готов принести в жертву все свои тайные войска по всему субсектору, только бы отвлечь Империю.

И мне подумалось, что лучше позволить планетам сгореть, чем дать свершиться «истинной причине».

Вот поэтому я и отправился на Дамаск.

Глава тринадцатая

DAMASK

СЕВЕРНЫЙ КВАЛТ

СВЯТИЛИЩЕ

Под свинцовым, мрачным небом кочевали за ветром воздушные леса. Они напминали тучные стада каких-то раздутых животных, пасущихся на склонах каменистых холмов, сталкиваясь с грохотом, похожим на стук копыт.

Но это были только деревья: пузырчатые целлюлозные шары, заполненные газом, который был легче воздуха и возникал в результате гнилостного распада в их чреве. Они дрейфовали по ветру, медленно волоча за собой корневые системы. Иногда при столкновении двух деревьев шары со стеснением исторгали газ через сфинктеры. Вонючие струйки

поднимались над древесным стагом.

Я взобрался на вершину невысокого плато, где желтоватый лишайник покрывал синеватый кремень и гравий. Над плоской вершиной проносились одиночные шаровидные деревья.

По центру плато размещался крохотный обелиск, отмечавший место высадки первых колонистов, прибывших на Дамаск. Стихия практически полностью стерла памятную надпись. Стоя рядом с обелиском, я неторопливо осматривал пейзаж. Черные кремневые холмы с запада, густые леса воздушных деревьев над широкой речной долиной к северу, лигнум колбочного кустарника к востоку и прокочующие, извергающие пламя и серный дым вулканы — на юге. Стаи мелких летучих тварей кружили над лесами в поисках места для ночлега. Над нами поднималась неприветливая, рябая луна, чей лик размывался в густой янтарной атмосфере Дамаска.

— Эйзенхорн, — позвал меня по воксу Мугас.

Я спустился обратно, застегивая свой

кожаный плащ, чтобы защититься от
вечернего ветра. Мугас и Фишиг ждали
возле «Лэндспидера», на извлечение
которого из трюма и сборку они
потравили два часа. Это была старая
модель, не снабженная оружием. Машиной
не пользовались уже около трех лет.
Мугас захлопнул капот над простуженно
кашляющим двигателем.

--- Все-таки вы заставили его
работать, --- сказал я.

Мугас пожал плечами:

--- Это просто кусок дерьма. Пришлось
выдерживать Уклида, чтобы заменить
несколько реле. Вся проводка оказалась
дохлой.

На физиономии Фишига отражалось
крайнее разочарование в транспортном
средстве.

Мне редко приходилось пользоваться
подобным. На большинстве миров у нас
имелся доступ к местному транспорту. Я
не ожидал, что Дамаск окажется столь...
безлюден.

Записи гласили, что на планете
наличествует как минимум пять

поселений, но с орбиты нам не удалось найти ни одного, мы не дождались ответа ни на голосовые, ни на астронавтические сообщения. Неужели человеческое население Дамаска вытерло за пять лет с того момента, как были сделаны последние записи?

Эмос, Биквин и Ловинк остались на катере, причаленном на берегу широкой реки и тщательно замаскированном камуфляжной сеткой. Мидас выбрал для посадки место, откуда легко было добраться на «спидере» до одной из колоний, и вместе с тем достаточно далеко, чтобы ее обитатели нас не заметили. Тобиус Максилла остался ждать распоряжений на борту «Иссина», повисшего на орбите.

Мидас сел за штурвал «спидера», и мы отправились от замаскированного катера к тому месту, где, по нашим сведениям, находилось ближайшее человеческое поселение.

Навстречу нам рванулся ветер, и мы затряслись по бугристой поверхности планеты, стараясь объезжать воздушные

корни шаровидных деревьев, вставших на
якорь или дрейфующих по ветру.
Растения, казалось, пытались выбрать
между почвой и притяжением неба. В
лесах летали их обитатели — небольшие
млекопитающие, похожие на летучих
мышей. В восходящих потоках воздуха
безмолвно парили более крупные создания с
перепончатыми крыльями и колючими
хвостами. Ландшафт был неровным,
изломанным, и повсюду глаз натывался на
синеватый отблеск кремня. Воздух
оказался тяжелым и угдушливым, и на
время от времени приходилось
пользоваться дыхательными масками.

Около двадцати километров мы
держались пенистых солоноватых вод
реки, а затем оставили ее широкие
тонкие берега и затряслись титани-
ческих обрывов и рельефных пустынь,
сформированных разрушенными стихией
обнажениями кремня, зарослями пыльного
тапоротника и пятнами лишайника,
грожащего, подобно водной ряби, в
порывистом ветре. Уродливая луна
поднималась все выше, но до заката было

еще далеко.

Мугас вынужден был остановить «спидер», когда у нас на пути оказалось стадо крупных животных, внавших в ступор при виде нашей колымаги. Это были сизовато-серые гиганты с крутыми, горбатыми спинами и глинными, стройными ногами, заканчивающимися широкими стопами. Ноги казались слишком тонкими для столь больших тел, но, как я подозревал, так же как и в случае с местными растениями, туши этих животных поддерживали пузыри газа. Морды зверей заканчивались неким подобием хоботов.

Животные наконец пришли в себя, возмущенно зафыркали и с шумом угалились в заросли папоротника. Но теперь в ступор впал наш «спидер». Мугас вышел и принялся уговаривать движок. Пока он занимался этим делом, мы с Фишигом решили размять ноги. Арбитр взобрался на высокий валун, любуясь синими всполохатаи метеоритного дождя, окрашивающего небо над западным горизонтом.

Я взглядывался в заросли папоротника. В спокойной листве шуршали мелкие летучие твари. Ветер переменился, и стаго шаровидных деревьев понеслось по краю папоротниковой рощи, стелая, скрипя и пуская ветры.

Двигатель наконец чихнул и заработал. Мы преодолели еще десять километров, спустившись в овражистую долину, где земля влажно поблескивала жирной чернотой. Растительность здесь оказалась более богатой и сочной: саблевидные листья змеелокна, яркие болотные лилии, паличный мох, «лошадиные хвосты», взъерошенные девовласы, высокие заросли саговника, испещренные грибок бромелиады и клубки гнетофитов. Над влажными полянами и сочащимися ручейками роились тучки крошечных насекомых, а охотящиеся на них крупные, шершенеподобные создания гудели сверкающими крыльями и метались, словно инкрустированные драгоценностями кинжалы.

— Вон там, — сказал Фишиг,

прищурившись.

Мы остановились и вышли из машины. Грязное пространство, окружавшее нас, некогда было обрабатываемым полем. В пованивающей жиже ржавели ползатонувшие корпуса вбух пахотных машин.

Чуть дальше мы прошли мимо каменного маркера, вырубленного из кремня. «Поместье Жиллана» — гласила надпись на раннеготическом.

Мы миновали поселение раньше, чем осознали это, и вернулись обратно. От него остались только обломки нескольких стен, затянутые тонкими нитями ползучих растений и буйными гнетофитами. Всего лишь пять лет назад на этом месте находилась община численностью восемьсот человек. Сканирование выявило металлические обломки и части техники, захороненные под землей.

На северном крае «города» Фишиг нашел маркер, скрытый липким саговником. Указатель был вырезан из какого-то местного волокнистого дерева и

нес на себе знак, который не мог быть ничем, кроме как одним из омерзительных и пугающих символов Хаоса.

--- Утверждение власти?
Предупреждение? --- громко
поинтересовался фишиг.

--- Сжечь немедленно, --- распорядился я.

Затрещала голосовая связь.
Максилла вызывал нас с орбиты.

--- Инквизитор, я просканировал ландшафт, как ты и просил, --- сообщил он. --- Атмосфера этому не благоприятствует, но у меня получилось. Я только что осмотрел регион к югу от вас. Трудно сказать точно, потому что сохраняется вулканическая активность, но мне показалось, что там есть здания и действующая техника.

Он передал информацию в навигационную систему «спидера». Место находилось в семидесяти километрах от нас, примерно там, где, по нашим картам, должно было располагаться еще одно поселение.

--- Ехать довольно далеко, а день

заканчивается, --- сказал Мугас. ---
Предлагаю вернуться на катер.
Продолжим на рассвете.

Ночью, пока мы спали, к
замаскированному катеру что-то
приблизилось, заставив сработать
сигнализацию, настроенную на движение.
Мы вооружились и вышли, чтобы поискать
незваных гостей, но никого не нашли. И ни
единого дрейфующего дерева поблизости.

* * *

На рассвете мы отправились на юг.
Ущелья между тлеющими вулканами
густо поросли папоротником и
терновником. Над вулканическими
разломами курился вонючий дым, и было
очень жарко. Уже через полчаса,
проведенных в этом серном лесу, мы
ужасно взмокли и стали практически
постоянно пользоваться дыхательными
масками.

Когда мы ехали вдоль обглоданных

ветрали и лавой склонов, рудиментарные сканеры «Лэндспидера» обнаружили признаки активности под одним из наиболее крупных пиков. Мы вышли из машины и вскарабкались на гряды, чтобы получше остотреть местность с помощью оптики.

Прямо у подножия одного из вулканов располагалось крупное поселение. Состояло оно как из старых каменных и деревянных зданий, готовых обрушиться в любой момент, так и из новых жилищ, собранных из керамитовых блоков. Были там и машины, и генераторы, и другие тяжелые механизмы, скрытые под брезентовыми навесами. Территорию ограждали высокие наклонные щиты из армированной прессопки, в задачу которых, по-видимому, входило защищать поселок от лавы и тепла. Возле центрального здания стояли три «спидера» и два тяжелых транспортных вездехода. По территории передвигались несколько человеческих фигур, но трудно было рассмотреть их подробнее на таком расстоянии.

— В последнем отчете нет ни слова о

вулканической активности в этом регионе, -- напомнил Мугас.

-- Посмотри туда, -- указал я на группу развалюх выше по склону. -- Эти дома частично похоронены под затвердевшим пеплом. Первоначальное поселение было построено до того, как проснулся вулкан.

Мугас вытащил планшет с картой и проверил указатели.

-- Северный Квалм, -- сказал он. -- Одно из мест обитания первопоселенцев, шахтерский городок.

Мы наблюдали за поселением в течение пятнадцати или двадцати минут, после чего земля затряслась. Один из вулканов выплюнул раскаленную гобелажу. В лагере под нами заревела тревога, но ее быстро выключили. Над городком пролился дождь горячего пепла и пылающих угольков, черным снегом оседающих на защитных экранах.

-- Почему они продолжают работать на этом участке, если настолько велика опасность извержения? -- спросил Фишиг.

-- Предлагаю взглянуть поближе, --

произнес я.

Затааскировав «спидер», мы спустились в лесистую долину. Землю между перистыми папоротниками и сухими шипастыми стволами местного терновника усеивали грибы с яркими маслянистыми шляпками. Как ни старались мы ступать осторожно, тучи грибных и лишайниковых спор поднимались из-под наших ног. Я был одет в застегивающийся на кнопки черный плащ. Фишиг облачился в судейскую броню, шлем закрепил на поясе. Мугас оделся как обычно, хотя и сменил светло-вишневый жакет на короткую темно-синюю рабочую куртку. Мы скрывались в тени леса.

Я все еще не был уверен в причине, по которой к нам присоединился Фишиг. После Гудрун миссия, порученная ему Верховным Хранителем Карпелом, завершилась. Но он отказался возвращаться на Спесь. Похоже, он доверился моему инстинкту, который твердил, что дело далеко от завершения.

Мы пересекли неглубокую протоку, заполненную горячей вонючей жидкостью.

текущей из кратера. Теперь уже можно было почувствовать вибрацию от работающих генераторов и отбойных молотков. Вдоль земляной насыпи, протянувшейся по границе леса, ходили охранники в шинастых вороненых доспехах, надетых поверх рабочих комбинезонов цвета хаки. Люди вели на цепях огромных бульдозистов — мускулистых слюнявых зверюг со свешивающимися чуть ли не до земли языками. Охранники, державшие их на цепи, были вооружены новехонькими короткоствольными лазгангами, перекинутыми через плечо. Их лица скрывали тяжелые дыхательные маски. Рабочие бригады с помощью брандспойтов и ведер стывали с защитных экранов тлеющий пенел. Многие люди из-за жары разделись до пояса.

Мудас заметил, что поселение окружено датчиками движения и минными полями. Правда, и то и другое было дезактивировано. Постоянные сотрясения сделали такую защиту бесполезной. Но когда мы начали приближаться, я совершенно отчетливо почувствовал

характерную ауру --- Северный Квартал
накрывала ментальная завеса.

Я извлек подзорную трубу и стал
осматривать поселение. Внутри оказалось
во много раз больше стражи и множество
грязных рабочих, лениво передвигающихся
между входом и огромным блочным
ангаром. Среди рабочих сновали
надсмотрщики, которые перебрасывались
короткими фразами и делали какие-то
записи в планшетах. Из-под навеса
появились восемь человек, несущих
длинные носилки с высокими бортами и
пластиковым верхом. Я подкрутил
фокусировку, чтобы разглядеть лица
надзирателей. Ни одного из них опознать
не удалось. Все они были суроволицыми
людьми в серых непротокаемых
комбинезонах.

В поле зрения неожиданно возникло
что-то огромное. Но к тому времени, как я
отреагировал и навел фокусировку, объект
скрылся из виду под каким-то навесом.
Остался только невнятный образ ярко,
безвкусно раскрашенной стальной брони,
окутанной зыбким мерцанием.

--- Что, черт возьми, это было? ---
прошипел я.

Мугас смотрел на меня, опустив свою трубу. Его лицо было искажено ужасом. Фишиг также выглядел шошарашенным.

--- Гигант, рогатый гигант в силовом доспехе, украшенном драгоценностями, --- сказал Мугас. --- Он вышел из блочного здания слева и вошел под навес. Клянусь Богом-Императором, он был огромен!

Фишиг кивнул.

--- Монстр, --- сказал он.

Вулкан снова икнул, и на поселение обрушился пепел. Мы опять скрылись в колючих зарослях.

--- Шип розы, --- пропущал вокс.

--- Не го того, --- прошипел я.

Это был Максилла. Он отослал только одно слово:

--- Санктум, --- и отключился.

«Санктум» являлся ключевым словом глоссии, которое я дал Максилле, прежде чем мы оставили «Уссин». Мне хотелось, чтобы он держался на близкой орбите, обеспечивая нас возможностью быстрой

эвакуации и спутниковым наблюдением. Но я понимал, что ему придется исчезнуть, если вдруг в систему войдет другое судно. «Санктум» означало, что он обнаружил корабль или флотилию, входящие в реальное пространство, и уведомил «Уссин», скрыв его на орбите позади звезды.

А значит, с этого момента на планете мы были предоставлены сами себе.

Мугас поймал меня за рукав и показал на поселение. Гигант появился снова и встал в непосредственной близости на выходе из-под навеса. Ростом он был значительно выше двух метров и кутался в плащ, сотканный, казалось, из дыма и шелка. Его рогатый шлем и силовой доспех с золотой окантовкой были расписаны узорами несусветных цветов: ядовито-желтого, мясокрасного, пурпурного и алого, как свежая артериальная кровь. Монстр, замерший в своей древней броне, выглядел так, словно простоял здесь тысячу лет. Его внешний вид вызывал ужас и отвращение, я с трудом смог подавить

невольный трепет.

Костический Десантник из
развращенного и проклятого легиона
Астартес.

Десантник Хаоса.

Глава четырнадцатая

ПОВЕСТЬ ОБ УГНЕТЕНИИ ПРЕДАТЕЛЬ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОГНЕННЫМ ХОЛМАМ

Мы тут тоже не отдыхали, — с ухмылкой сказала Биквин, когда мы возвратились к боевому катеру. Был полдень, и к руслу реки стекались табуны шаровидных деревьев, гонимых ветром с кремневых полей. Они плыли над галькой и полоскали корни в воде.

Биквин переоделась в рабочий комбинезон, обзавелась дыхательной маской и вооружилась автоматическим пистолетом. Пока Мугас и Фишиг закрывали «спидер» сеткой, она провела меня в кают-компанию и указала стволот на худого грязного мужчину,

пристегнутого наручниками к скобе на переборке. Его волосы были спутаны, а залатанная рванина, служившая ему одеждой, заскорузла от грязи. Он напряженно смотрел на меня из-под костатых и мокрых волос.

--- Мы заметили троих, хотя возможно, их было больше, --- сказала Биквин. --- Они следили за нами, используя в качестве прикрытия летучие деревья. Остальные сбежали, но этого мне удалось завалить.

--- Как? --- спросил я.

Ее ответный взгляд был полон укориэны: мол, не надо меня недооценивать.

--- Это те же, кто проникал сюда ночью? --- громко поинтересовался я.

Биквин пожала плечами. Я подошел к пленнику:

--- Как тебя зовут?

--- Он не слишком разговорчив, --- сообщила Биквин.

Я попросил ее отойти.

--- Уля? --- снова спросил я.

Безрезультатно.

Я

сконцентрировался и принялся осторожно
прощупывать темные уголки его сознания.

--- Т-тимас Ризор, --- заикаясь
произнес он.

Отлично. Еще один нежный тычок в
его медленно поддающееся сознание.
Отчетливо ощущались страх и
настороженность.

--- Э самого Жиллана уголья, земли
Божией.

Я перешел к обычной речи, без
псионического принуждения:

--- Ты говоришь про поместье
Жиллана?

--- Зримо вы Жиллана поместье?

--- Поместье Жиллана?

Он кивнул:

--- Во-от оттуда.

--- Протоготический диалект,
немного искаженный, --- сказал, подходя,
Эмос. --- Дамаск колонизировали более
пятисот лет назад, и он очень долго
оставался в изоляции. Население, похоже,
не процветало, развитие шло не быстро,
поэтому в речи увековечились остатки
древних языковых форм.

--- Так, значит, этот человек
абориген, поселенец?

Этос кивнул. Я увидел, что пленник
переводит взгляд с меня на Эмоса,
стараясь проследить за нашей беседой.

--- Ты был рожден здесь? На Дамаске?

Он нахмурился.

--- Здесь родился?

--- Моя з самого Жиллана угоды. То
быть Божия земля, накому работать.

Я оглянулся на Эмоса. Вопрос грозил
затянуться.

--- Я переведу, --- сказал Эмос. ---
Спрашивай.

--- Спроси его, что случилось с
поместьем Жиллана.

--- Молви, как утрачено было самого
Жиллана угоды?

История была крайне проста и
рассказана невежественным человеком,
чьи предки веками обрабатывали бедную
почву одинокого, окраинного мира. Рода,
как Тимас называл их, скорее всего имея в
виду клановые группы, образовавшиеся из
первопоселенцев, обрабатывали эту землю
столько, сколько хватало его памяти и

памяти старейшин. Существовало пять крестьянских общин и два карьера или шахты, производившие строительные материалы и ископаемое топливо в обмен на зерно. Поселенцы были набожными людьми, посвятившими себя обработке «земли Божией», — можно было не сомневаться, что под «Богом» они подразумевали Бога-Императора. И всего лишь четыре года назад, уже после написания последних отчетов, в общинах Дамаска проживало свыше девяти тысяч человек.

А затем прибыли миссионеры. По оценке Ризора, это случилось три года назад. Костический корабль с Мессины доставил небольшую миссию еkkлeзиархов. Они намеревались основать приют и поднять духовную образованность забытых поселенцев. Всего прибыло тридцать священников. Тимас узнал имя Даззо. «Архисвят Даззо», как называл его абориген.

Прибыли и другие иномирные, но не такие, как Даззо с братьями, а просто работающие с ними. Судя по описанию, это

были геодезисты и горные инженеры. Чужаки обратили внимание на карьеры в Северном Квалме. И примерно через год активность возросла. Прибывало все больше кораблей. Поселенцев, по большей части сильных мужчин, вербовали на шахты. Часто это делалось насильственно. И экклезиархи, похоже, не возражали. Крестьянские общины, испытывавшие нехватку рабочей силы, стали хиреть и вытирать. Помощи им никто не оказывал. Многих выкосила болезнь, завезенная скорее всего из другого мира. Затем ни с того ни с сего проснулись вулканы. Всех оставшихся на фермах согнали на шахты и заставили работать так, как если бы дело было совершенно безотлагательным. Ризор трудился там вместе со многими другими невольниками, пока не удалось убежать, чтобы жить в терновом лесу словно дикий зверь.

Итак, Даззо прибыл на Дамаск со своей миссией, чтобы поработить население, и теперь одержимо пытался добраться до чего-то под Северным

Квалтом. Вполне возможно, что и вулканы
проснулись из-за активизации раскопок.

Я снова коснулся сознания Тимаса. Он
задрожал от страха, почувствовав
ментальный контакт. Я показал ему образ
Даззо. Тимас стремительно подтвердил
его. Потом пришла очередь Лока. Это
лицо также оказалось знакомым аборигену
и вызвало у него нескрываемую ненависть.
Лок был главным среди поработителей,
его жестокость оставила глубокий след. Я
показал лица Уризеля и Оберона Гло, но ни
один из них не оказался знаком поселенцу.

Наконец, я визуализировал образ
курильщика.

— Малахит, — сразу узнал его Ризор,
признав в наркомане с водянисто-синими
глазами Джиролато Малахита,
руководителя геодезистов и инженеров.

Присоединившийся к нам по ходу
беседы Фишиг спросил о деревянном
указателе, который мы нашли в поместье
Жиллана. Ризор печально скривил лицо.
Знак отмечал массовое захоронение селян,
которые попытались сопротивляться.

Мигас вызвал меня в кабину. Я

приказал Эмосу накормить Ризора и
продолжить вопрос.

Бетанкор сидел в кожаном
пилотском кресле. Его колени скрывал
глинный шлейф рулонной распечатки.

--- Неудивительно, что Максилла
скрылся, --- сказал он. --- Взгляни.

На распечатку был выведен обмен
астронавтическими и голосовыми
сообщениями между вышедшими на орбиту
кораблями, который Мугасу удалось
перехватить. Он провел пальцем
затянутой в перчатку руки по неровным
колонкам текста и чисел:

--- Мне удалось выделить двенадцать
различных судов, хотя их может быть и
больше. Трудно сказать точно. Вот
смотри, это могут оказаться два разных
корабля, а может быть --- и один,
дублирующий послание.

--- Кодировка?

--- Тут еще интереснее. Стандартный
имперский костический код, известный как
«текстицент».

--- Это довольно распространенный
код.

Мудас кивнул:

--- А еще посмотри сюда, формы запросов и ответов характерны для крупного боевого корабля-флагмана, проверяющего, вся ли флотилия вышла в реальное пространство. Типичная имперская структура. Вооруженные силы...

--- Это кто-то из наших?

--- Вполне возможно, уже не наших. Посмотри, вот идентификаторы группировки --- расшифровывается как «Эстрел».

--- Пропавший капитан с Гудрун.

--- Не такой уж и пропавший, как видишь. Не исключено, что он обыкновенный предатель. Все происшедшее на орбите Гудрун, ошибки в распознавании, паника --- все это могло быть только прикрытием для бегства подчиненных ему кораблей.

--- Но он все еще продолжает вещать в стандартной имперской кодировке.

--- Если на его сторону перешли только офицеры, он может шифроваться от своих же экипажей.

Час спустя от флотилии отделилась

большая шлюпка и в сопровождении истребителей устремилась к поверхности Дамаска. Транспорт приземлился в Северном Квалме, а истребители облетели окрестности, прежде чем вернуться к кораблю-носителю. Сидя в своем катере, мы слышали рев их ракетных двигателей, умножаемый горным эхом. Мидас быстро переключил все бортовые системы катера на минимальный режим, чтобы они не смогли случайно засечь нас.

Этот разговаривал с Ризором почти весь день. Получив еду, абориген несколько успокоился и проявил большие желания к сотрудничеству. Когда начало смеркаться, архивист нашел меня.

--- Если собираешься попытаться проникнуть к ним с черного хода, то этот человек может оказаться полезен.

--- Продолжай.

--- Он знает все шахты и карьеры. Он работал там весьма долгое время. Я обсудил с ним некоторые подробности, и похоже, он уверен, что сможет показать тебе сеть пещер, выходящих к старым

шахтерским домом.

С наступлением темноты мы вывели наш «спидер» из укрытия. Фишиг вел машину, пользуясь показаниями ландшафтного сканера, а не фар. Так мы продвигались медленнее, зато незаметно. Я сидел рядом с ним, а Биквин с Ризором ехали на заднем сиденье. Мне пришлось пресечь спор на тему «кому ехать?», поскольку окончательное решение всегда за мной. В «спидере» помещалось только четверо, и, хотя Мугас был лучшим бойцом моей группы и куда более способным, чем исполнитель, я приказал ему оставаться в кабине — сидеть наготове за штурвалом. Биквин я выбрал за способности, которые могли оказаться жизненно необходимыми в нашем предприятии.

Возвращение к Северному Квалму потребовало много времени, и мы добрались туда только во второй половине ночи. Небо затягивали облака, скрывавшие луны и звезды, и единственным источником света служило зловещее свечение вулканов, лижущих низкие облака

длинные черными языками. В воздухе
воняло серой.

Мы спрятали «спидер» в ложбине,
обозначили его местоположение маркером
и отправились на запад, огибая подьемы,
которые Ризор назвал огненными
холмами.

В темноте поблизости шебуршали
какие-то мелкие ночные животные. А
вдалеке было что-то более крупное.
Пробравшись сквозь терновые заросли, мы
увидели поселение, купающееся в ярком
искусственном свете. Рокотали вулканы.

Ризору не понадобилось много
времени, чтобы обнаружить предмет
наших поисков — ряд небольших, мелких
водоемов, нагретых геотермальными
процессами. Воздух здесь звенел от туч
насекомых, привлеченных теплот, а вода
бурлила и пузырилась. Ризор осторожно
спустился к самому большому из водоемов
и повел нас по берегу к массивному валуну,
покрытому оранжевым лишайником. За
валуном оказался узкий проход,
замаскированный ветвями терновых
деревьев и саговником. Это, как сказал

Ризор, и был тот путь, которым он убежал от рабовладельцев.

Мы проверили оружие и оборудование, готовясь проникнуть внутрь. Еще накатере я перерыл оружейный шкаф и постарался придать своему отряду максимальную боевую мощь. Я взял с собой энергетический меч, спрятал автоматический пистолет в кобуре под курткой и прихватил лазган с прибором ночного видения. Еще кое-какое оборудование лежало в рюкзаке. Биквин также вооружилась автоматическим пистолетом, а еще взяла нож с узким лезвием и фонарь. Я выдал Фишигу старый, но добротный тяжелый стаббер, который его чрезвычайно порадовал. При нем также были его судейский гробовик и ранец, полный запасных дисков для стаббера. Ризор отказался от оружия. Я был уверен, что он оставит нас, как только мы окажемся на нужном пути.

В расщелину можно было пролезть только поодиночке. Я пошел первым, Ризор за мной, следом Биквин, а Фишиг прикрывал тыл. В узком каменном

проходе стояла ужасная жара, а серная вонь заставила нас надеть дыхательные маски. Ризор шел без маски, обмотав лицо куском ткани. Так поступали рабы, трудившиеся в шахтах.

Проход петлял то туда, то сюда, поднимаясь и уходя в глубь холма. В некоторых местах нам приходилось карабкаться вверх по осыпавшемуся проходу. Дважды мы были вынуждены снимать рюкзаки и переправлять их отдельно, чтобы пролезть в особо узких местах.

Через час я почувствовал гнетущую пульсацию ментального покрывала, заслоняющего Северный Квалм. Когда мы прошли сквозь него, я прислушался, нет ли тревоги или какого-нибудь еще признака активности. Но все было тихо. Биквин, сама того не зная, уже выполняла свою работу, создавая вокруг нас мертвую зону и позволяя нам незаметно проникнуть внутрь. Я следил за тем, чтобы никто не отходил от нее слишком далеко.

В лавовых пустах обитали существа, приспособленные к жизни в

условиях высокой температуры и насыщенной химическими соединениями: слепые, похожие на жаб хищники, полупрозрачные жуки, моллюски-альбиносы и пауки, словно изваянные из белого золота. По обожженной поверхности скалы пробежала по своим гелам жирная бледная многоножка толщиной с мою руку.

Каждые несколько минут земля принималась дрожать. С потолка сыпались камешки и пыль, а облака теплых, густо пахнущих испарений кочевали по каменному туннелю.

Проход расширился, и появились признаки человеческой деятельности. Потолок поддерживали столбы, вырубленные из тернового дерева, и к каждой шестой опоре была прибита табличка с нанесенной мелом цифрой. Ризор попытался объяснить, где мы находились. Благодаря его усердию мне удалось понять, что в этой шахте когда-то вели работы, а потом забросили. Он говорил что-то еще, но я понял только общий смысл.

Тимас провел нас к одной из

выработок в штольне с низкими, погнутыми балками потолка. Я посветил в проход, выкопанный в мягкой сланцевой глине и песке. Биквин опустилась на колени и рукой расчистила песок на полу. Обнажились старые изразцы, выполненные из тусклого металла, который мне не удалось идентифицировать. Изразцы оказались идеально подогнаны друг к другу, несмотря на тот факт, что представляли собой неправильные восьмиугольники. Они выглядели странно несимметричными, некоторые грани были очень сильно вытянуты. И все-таки они были подогнаны безупречно. Как такое получалось, осталось для нас загадкой. Узор, в который они складывались, вызывал крайне неуютное чувство.

В дальней части выработки виднелась древняя каменная кладка. Я не эксперт, но твердый бледный камень, поблескивавший вкраплениями слюды, не выглядел местным. На кладке обнаружились отчетливые следы: совсем недавно от стены откалывали куски с

помощью отбойных молотков и лучевых
резаков.

--- Кладка древняя, --- сказал Фишиг,
проводя рукой по сколам на камне, --- но
повреждения свежие.

--- Кладбища колес, --- внезапно
произнесла Елизавета Биквин.

Я вопросительно посмотрел на нее.

--- На Бонавентуре, --- пояснила она, ---
есть древние руины, оставленные расами,
жившими до человека. Они расположены
посреди расходящихся кругов, похожих на
колеса. Я часто ходила туда в детстве.
Как я понимаю, когда-то руины были
украшены, но облицовку срезали.
Разграбили более поздние обитатели. Это
место мне напомнило о них.

Бонавентура был ее родным миром.

--- Многие занимаются
археологическими изысканиями, --- сказал
Фишиг. --- Но если дело касается
ксеноартефактов, то наказание очень
сурово.

Я вспомнил, что Гло и его союзники
употребляли археоксенические материалы.
И если это место было каким-то образом

связано с таинственными сарүти, тогда появлялось объяснение упорной работы здесь, несмотря на опасность извержения.

Но что они вывозили отсюда? Какое значение имеет это место для них? У какого -- для сарүти?

Мы прошли мимо еще трех заброшенных выработок. В каждой находились следы древней каменной кладки, и каждая была разграблена так же, как и первая.

В конце шахты наверх, к люку в десяти метрах выше, ввела металлическая лестница.

Мы поднялись по ней и сразу же услышали грохот отбойников. Воздух здесь оказался чище, и мы смогли снять дыхательные маски. Как я понял, в туннель нагнетался воздух с поверхности. С чрезвычайной осторожностью мы пошли вперед, минуя часть гигантского котлована, который скорее всего когда-то представлял собой резервуар магмы. Его стены были выглажены и опалены невероятным жаром. Присев на корточки, мы заглянули внутрь и увидели рабочие

бригады, состоявшие из мужчин и женщин, наполнявших катнями огромные корзины. Эти люди, несомненно, приходились сородичами Ризору. За ними приставляла дюжина стражников в черных шинастых доспехах. Один из охранников прохаживался среди рабочих и подстегивал их энтузиазм с помощью электрического кнута.

Я взгляделся более пристально, пытаясь понять, в чем заключается основной смысл их работы. Два раба с Дамаска орудовали отбойниками, сбивая со стены лавовую корку и обнажая широкую полосу древней каменной облицовки. Другие, в большинстве своем женщины, обрабатывали обнажавшуюся поверхность аккуратнее, с помощью маленьких кирок, шил и щеток, выявляя запутанные узоры.

Стражники по эстафете прокричали что-то друг другу, и мы спрятались в тени туннеля. По проходу, ведущему с поверхности, в пещеру спустилась группа людей, покачивая фонарями. Три стражника и два закутанных в серое надзирателя с информационными

планшетами. С ними были Горгон Лок и курильщик Джиролато Малахит.

Как я и подозревал, члены тайного сообщества Дома Гло смогли уйти живыми. И без сомнений, в этом им помогла флотилия предателя Эструта.

Лок был одет в глиняный кожаный плащ с пластинками брони. На его лице все еще красовался след от моего укуса. Лок пребывал в угрюмом настроении.

Малахит, по обыкновению, вырядился в черное. Он постоял, изучая информационные планшеты, переговариваясь с надзирателями и стражниками, прежде чем осмотреть найденные археоксенические предметы. Рабочие торопливо убирались с его пути.

Он обменялся несколькими словами с окружающими его людьми, и командир стражи поспешно удалился, возвратясь с большой пилой. За инструментом тащились кабель и шланг, подключавшие пилу к системе электроснабжения и водопроводу.

Пила с визгом ожила, и по ее лезвию заструилась вода, охлаждающая и

очищающая лезвие. Командир стражи осторожно направил пилу на скалу и сделал надрез. В несколько секунд он вырезал кусок узора рельефа. Затем еще один. Срезав несколько пластин, командир стражи с почтением передал их Малахиту. Курильщик изучил их и передал дальше, чтобы предметы завернули в пластик и уложили на деревянные носилки. Пластинки очень походили на каменные таблички, увиденные мной в частном кабинете помещая Гло.

Внезапно раздался громкий треск. Командир стражи срезал еще одну табличку, но она вдруг раскололась на части. Он бросил пилу и начал собирать осколки, в то время как остальные принялись орать и ругаться.

Лок подошел и с силой пнул человека, опрокинув его навзничь, а затем принялся избивать ногами, пока тот закрывал лицо и умолял о пощаде. Малахит собрал осколки.

--- Тебе говорили быть осторожнее, безрукий ублюдок! --- рычал Лок.

— Это можно восстановить, — сказал Малахит. — Я смогу сплавить их вместе.

Но Лок не слушал. Он еще раз пнул командира стражи, а затем вздернул его за шиворот и отбросил к стене. Кораблевладелец ругался, а человек хныкал и молил о прощении.

Лок отвернулся от избитого.

А потом подхватил пилу, включил и с разворота полоснул несчастного стражника по руке. Человек завопил.

Это было чудовищно. Рабы кричали и рыдали, и даже стражники в отвращении отвели глаза. Лок расчленил человека с выражением злобного ликования на лице, залитом чужой кровью.

Наконец он выключил пилу и повернулся к другому стражнику. Вручая тому окровавленный инструмент, он прорычал:

— Постарайся выполнять работу получше!

С окаменевшим от ужаса лицом стражник подобрал пилу и принялся за дело.

Лок, Малахит и вся их группа

удалились минут десять спустя, сопровождаемые рабочими, несущими деревянные ящики с загадочными табличками. Мы подождали еще несколько минут, а затем последовали за ними.

Впереди выдвинулся тусклый и слабый дневной свет. Туннель выходил под большой навес, который я видел во время разведки. Носильщики расположились на отдых, а охранники и надзиратели сновали туда-сюда. Оборудование и инструменты для раскопок были свалены в кучу под навесом. Позади ящиков с оборудованием Фишиг обнаружил дверь и взломал замок. У нас появилась возможность незаметными выскользнуть из-под навеса в поселение.

Мы оказались в заброшенном переулке Северного Квалма, оставив вулканы у себя за спиной. Нас окружали разрушающиеся, заброшенные дома, а с неба падали пепел и зола. Скрываясь среди развалин, мы стали пробираться к «новостройкам» Северного Квалма.

За очередным нагромождением руин

обнаружилась расчищенная площадка, защищенная экранами от золы. На выжженной земле стояло два транспортника: крупная имперская военная шлюпка и меньший по размерам и более старый челнок. Корпус челнока покрывал толстый слой пепла.

У сходней обеих кораблей двигались фигуры. Стражники и рабочие заносили ящики в трюм военной шлюпки. Лок и Малахит стояли в окружении нескольких наглядотрщиков и трех офицеров Военно-космического флота, одетых в униформу Военного флота Скаруса. Худощавый тип со скошенным подбородком и глазами навыкате имел капитанские знаки отличия. Предатель Эстрют. Вскоре из ближайшего здания вышел экклезиарх Даззо, который направился к ним, приподняв подол своего короткого платья, чтобы не запачкать его пеплом.

Из дома, из которого только что вышел экклезиарх, слышалась ругань. Сердитый человеческий голос сопровождался диким звуком, от которого волосы у меня на затылке встали дыбом.

Лорд Оберон Гло, облаченный в броню и плащ, вышел, хлопнув дверью, и зашагал по двору. Секундой позже дверь распахнулась от удара.

Костический Десантник Хаоса неистовствовал.

Гло развернулся к чудовищу лицом, продолжая спор на пределе своих голосовых связок. При всех своих габаритах Гло казался карликом рядом с бронированным богохульством. Десантник снял шлем. Лицом ему служила белая, безжизненная маска ненависти, обсыпанная золотой пудрой и фиолетовыми разводами вокруг ввалившихся глаз. Оскаленный беззубый рот был полон инкрустированных перламутром зубов. Это лицо, лишь смутно напоминающее человеческое, было пришито к золотому черепу.

Мы находились с подветренной стороны, но я все равно чувствовал тошнотворный запах резких духов и гниющей органики. Я не мог представить себе, какая отвага — или безумие — требовалась, чтобы осаживать Костического Десантника Хаоса в столь

яростном споре.

Даззо и Малахит быстро встали рядом с Гло, а большая часть стражников и рабочих, присутствовавших при этом, попрятались.

Ветер нежного переменился, и стало возможно разобрать слова.

--- ... жешь от меня отделяваться, человечья грязь! --- внезапно донесся жуткий голос Десантника Хаоса.

--- Ты обязан обращаться ко мне уважительно, Мандрагор! Уважительно! --- завопил Гло в ответ.

Его голос был мощным, но не шел ни в какое сравнение с ревом чудовища.

Десантник проревел что-то еще, заканчивающееся словами:

--- ... убить вас всех и закончить эту работу самостоятельно! Мои повелители ждут, и рассчитывают они на идеальное выполнение этого поручения! Они не могут терять свое время впустую, пока вы, паразиты, бездельничаете и простаиваете!

--- Ты обязан соблюдать договор! Придерживайся нашего соглашения!

Я понял, что почти загнинотизирован. Мой взгляд слишком задержался на монструозной фигуре, на непотребных рунических узорах и безумной символике его доспеха. Прихотливые извивающиеся золотые цепи, драгоценные камни и тонкая филигрань, покрывающая весь доспех, прозрачный шелк его плаща и вытканые на нем слова... отвратительные слова... извращенные и сочащиеся тайнами, которые старше, чем само время... тайнами, обещаниями, ложью...

Я силой заставил себя отвести взгляд. Знаки Хаоса могут утянуть душу в пучину безумия, если смотреть на них слишком долго.

Мандрагор снова взревел и замахнулся на Гло огромным кулаком, закованным в латную рукавицу, усеянную ржавыми клинками.

Но удар не был нанесен. Я вздрогнул, когда над людьми прокатился поток ментальной энергии. Даззо шагнул к исчадию варна, а Мандрагор отступил на шаг.

Экклезиарх был меньше, чем Гло, и рядом с монстром казался совсем букашкой, но Десантник Хаоса отступил перед ним.

Даззо не разжимал губ, но я слышал его голос в своем сознании. Это присутствие было столь омерзительно, что я с трудом сдерживал позывы рвоты.

— Мандрагор Гнилостный, сын Фүлгрита, достойный слуга Слаанеша, воитель Детей Императора, убийца живущих, осквернитель мертвых! Твое присутствие — большая честь для нас, и мы счастливы договору с твоим Легионом... Но тебе не стоит пытаться вредить нам. Никогда не поднимай своей руки на кого-либо из нас. Никогда!

Даззо оказался наимогущественнейшим псайкером, с которым мне когда-либо доводилось встречаться. Силой сознания он устирил одно из самых мерзких созданий, Космического Десантника, присягнувшего Хаосу.

Мандрагор развернулся и пошел прочь. Я увидел, как лорд Гло сник, утратив всю свою браваду. Рабочие,

попратавшисе по углат, плакали, а двох
стражников рвало.

Встряхнувшись, я оглянүлся на своих
спутников. Бледный Фишиг сидел с
закрытыми глазами, его била дрожь.
Ризор свернүлся калачиком в пенле,
прижавшись спиной к стене.

Биквин исчезла.

Глава пятнадцатая ОБНАРУЖЕНИЕ ВОЙ С ПРЕВОСХОДЯЩЕЙ СИЛОЙ ПРОТИВНИКА ПОЛЕТ

У меня ушла секунда на то, чтобы понять: без ауры неприкасаемой Биквинты оказались как в крапиве голышом. Я услышал, как старый экклезиарх сдвоенно закричал, и его крик тут же оказался подхвачен воем сирен.

Стражники, стоявшие на посадочной площадке, рванули к нам. Даззо указывал пальцем на руины, скрывающие нас. Лок вытащил из-под плаща лазерный пистолет. До нас донеслись отрывистые команды и хриплый лай бульцигнгов.

--- Фишиг! --- закричал я. --- Фишиг!
Шевелись, или мы погибнем!

Он моргнул и уставился на меня непонимающим взглядом, словно не узнал собственное имя. Я отвесил ему тяжелую оплеуху.

--- Шевелись, исполнитель! --- завопил я.

Первые стражники добрались до нашей развалюхи, и один из них уже начал выламывать хлипкую дощатую дверь. В пробоине показалось дуло лазгана.

Я успел раньше, и мой лазган разрезал противника вместе с дверью. Во все стороны полетели осколки камня и горящие щепки.

Следующий луч превратил в груду щебенки стену дома напротив.

Неожиданно ожил тяжелый стаббер Фишига. Яркий трассирующий след снарядов вел к руинам слева от нас, откуда попытались подкрасться еще двое стражников.

Но нам открыли огонь охранники, подбегавшие справа. Я переключил лазган на автоматический режим, и тот

изрыгнул с десяток толний, прежде чем я решил, что для троих нападающих этого достаточно.

Удерживая обеими руками дергающийся стаббер, Фишиг нырнул в глубину рун.

--- Пошли! --- прорычал он.

Я отступал следом. Наше оружие, извергая шторм разрывных снарядов и всепроникающей энергии, заставляло грожать стены, обрушивало развалины, поднимало тучи пепла и разрывало тела.

Ризор, чье сознание полностью поглотил ужас, по-прежнему валялся на земле. Я схватил его за воротник тряпья и потянул за собой. Он отчаянно пытался уцепиться.

В оконный проем, через который мы наблюдали за происходящим на посадочной площадке, прыгнула огромная фигура Горгон Лок. Он перекувырнулся, и его пистолет принялся выплевывать лазерные залпы.

Один луч резанул меня по левому плечу. Три других угодили в спину Ризора, и тот повалился на меня, сбивая с ног.

Фишиг увидел Лока и развернулся, не
убирая пальца с курка стаббера. Диск
тяжелого оружия издавал громкий
металлический лязг, а эжектор
лихорадочно выплевывал гильзы.

К Локу стремительно приближались
фонтанчики непла, взрывающиеся снарядами
стаббера, и кораблевладелец с криком
бросился к остаткам стены. На бегу он
выстрелил, и Фишиг простонал от боли,
когда лазерный луч ударил его в бок.

— Ублюгодк Эйзенхорн! — проревел Лок.

Я выбрался из-под трупа Ризора.
Жаль, что этот несчастный раб
заплатил столь высокую цену за помощь
Унквизиции. На совесть Горгона Лока
легло еще одно преступление.

Проклиная кораблевладельца, я
выхватил из раздатчика осколочную
гранату и бросил ее в сторону Лока. И мы
с Фишигом побежали из заполненных
дымом руин так быстро, как только
могли.

Взрыв гранаты снес остатки
строения. Я потолчился Императору,
чтобы Лока разметало на части.

Капшляя и отплеываясь, мы с фишизом скатились в ров, который протянулся позади разрушенных домов Северного Квалма и более новых блочных зданий. Над нами косо нависали экраны, защищавшие поселение от лавы.

Лазерные лучи лупили по этим экранам над нашими головами, а в двух десятках метров от нас в канаву попрыгали несколько стражников с бешено воющими бульцигидатами на цепях.

Опустошив второй стабберный диск, фишиз превратил канаву в могилу, заполненную изрешеченными трупами людей и зверей. Мы поспешили в противоположную сторону, и исполнитель на ходу заправлял свежий диск.

Ров выходил на таленький двор, где были припаркованы восьмиколесные грузовики. Мы обменялись выстрелами с тремя стражниками, выбежавшими из-за угла, убили их и натеревались уже воспользоваться одним из транспортов, но тут появился четвертый и спустил с поводков трех цигнигов. Зверюги с воем потчались к нам. Одного мне удалось

подстрелить из лазана, но грузовик закрыл остальных. Огромная машина закачалась, когда зверь запрыгнул на нее. А мгновением позже цигниг прыгнул на меня сверху. Я успел всадить в его череп лазерную очередь, и огромная туша пролетела мимо, едва не задев меня. Еще догнать зверь, перепачканный в стазке, вылез из-под грузовика и бросился на Фишига. Зверь подмял исполнителя, сомкнув челюсти на наплечнике доспеха. Я выхватил меч и обрушил его потрескивающий клинок на тварь.

Борт грузовика прошла серия выстрелов.

— Вставай! — сказал я Фишигу, скосырнув с него мертвую тушу.

К нам подбирались основные силы противника. Мы принюстили к блочному ангару и вломились в его двери.

Это оказался склад оборудования. Здесь хранились стенные жала для отбойников, топки кабеля, лампы и всевозможные приспособления, необходимые для работы в шахте. Мы присели за штабелем ящиков, прислушиваясь к

крикам и топоту снарядов.

Сменив энергетическую ячейку в своем лазгане, я включил вокс:

--- Шин запрашивает эгиду, восторженные звери под ним.

--- Эгиды поднимается, костического цвета, --- пришел немедленный ответ.

--- Путь фаянсовой бритвы, --- проинструктировал я. --- Изображение цвета слоновой кости!

--- Изображение подтверждено. В шесть. Эгиды поднимается.

В ангар ворвались стражники, но стабберная очередь выбросила их обратно.

Я огляделся и обнаружил в углу ангара широкий поддон, груженный черными металлическими коробками. Бумажные ярлыки на них давно выцвели, но я отограл прикладом крышку с одной из коробок и удостоверился в ее содержимом.

--- Приготовься очень быстро бежать, --- сказал я, снаряжая гранату.

--- Вот дерьмо! --- произнес Фишиг, когда до него дошло, что я намерен сделать.

Когда я положил гранату на крышку

одной из коробок, он был уже в дверях.

Мы выбежали, ведя непрерывный огонь, и нас встретила дюжина, или даже больше, охранников. Но большей части они были одеты в черные, угрюмые доспехи, но трое носили униформу войск крестической безопасности. Люди предателя Эструма.

Мы отстреливались на бегу. Запас гранаты был выставлен на десять секунд. Тот факт, что мы побежали прямо на них, ошеломил охранников. Никому из них не удалось сделать меткого выстрела.

Мы с Фишигом нырнули за обломки стены, которая когда-то окружала армарочную площадь Северного Квалма.

Ноя граната взорвалась. А вместе с ней и все остальные, хранившиеся в ангаре.

Ударная волна не оставила ни одной целой стены в радиусе тридцати метров. Но сначала взметнулся огненный столп, поднявший весь ангар на высоту двадцати метров и разбросавший его обломки по окрестностям.

На нас с Фишигом посыпались куски металла, пепел и осколки керамики.

Наступила ошеломленная тишина. В воздухе повисла зола. Мы натянули дыхательные маски и углубились в этот сумрак.

Я почувствовал, как в мой мозг въгрызается боль. Глубокая, коварная, жгучая. Даззо шарил по окрестностям своим ужасным и могучим сознанием, пытаясь обнаружить нас.

Мы поковыляли через дым по проходу между блочными ангарами, окна которых повывалило взрывом.

Боль становилась все интенсивнее.

Эйзенхорн. Тебе не скрыться. Покажись.

Я начал задыхаться, когда боль проникла глубже.

И внезапно почувствовал облегчение.

--- Фишиг! Сюда!

Я втолкнул его в старую каменную постройку. Думаю, что когда-то, в более счастливое для Северного Квалма время, тут размещалась прачечная.

Грязная и заплаканная Биквин жалась в угол. Виг Мандрагора, Десантника из предательского Оргена Демей

Императора, привел ее в паническое состояние. Так же как и я, она совершила ошибку, слишком долго глядя на узоры чудовищного доспеха. Однако, в отличие от меня, ей не хватило здравого смысла отвести взгляд.

Она не могла говорить и вряд ли осознавала наше присутствие. Но мы снова оказались под защитой ее ауры и вырвались на какое-то время из когтей Даззо.

— Что дальше? — спросил Фишиг. — Они довольно быстро перегруппируются.

— Мудас уже летит. Нам надо прорваться обратно к посадочной площадке. Это единственное достаточно просторное место в лагере, где он сможет приземлиться.

Фишиг посмотрел на меня как на сумасшедшего:

— Он собирается влететь сюда? Его же убьют! Даже если ему удастся подогнать нас, они запустят перехватчики с орбитального флота. Они запустят их, как только он включит двигатели!

--- Бүгет непросто, --- признал я.

Мы потащили Биквин из древней пращечной. Снаружи еще не осел пепел, поднятый взрывом. Свою ленту внесли и разгоравшиеся тут и там пожары. Кто-то выкрикивал команды, лаяли цигны. Где-то поблизости раздался нечеловеческий, яростный рев. У меня не было оснований сомневаться в том, что это ревет Десантник Хаоса.

--- Шун вегет эгиду, область главного двора, --- передал я по воксу.

--- Эгида, у главного двора в три, небеса рушатся.

Итак, они уже занялись им. Флот врага выпустил перехватчики.

Мы с фишигом побежали. Дым медленно рассеивался.

Отряд стражников показался из-за рун, и нам пришлось вернуться немного назад. Еще больше охранников перекрывало следующую дорожку.

--- Надо уходить огородами! --- сказал фишиг.

Мы прятались позади огромного блочного здания, одного из тех, что

понастроила нечестивая миссия Даззо. Дверей с нашей стороны не было, но мы взобрались на низкую крышу, втащив за собой Биквин, и влезли через световой люк.

Комната, в которую мы спрыгнули, была застелена коврами и хорошо обставлена. Скорее всего — офис или личные комнаты кого-то из старших надзирателей. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами и информационными планшетами, картами и табличками. В одном углу лежали несколько больших дорожных чемоданов, поверх которых кто-то бросил плащ и два пальто. Эти вещи оставил и еще не успел распаковать кто-то из прибывших на военной шлюпке.

— Пошли! — прошипел Фишиг, проверяя дверь, ведущую из офиса в глубины здания.

— Подожди! — сказал я, энергетическим мечом срезая с чемоданов замки и распахивая их. В первом оказались одежда, планшеты, лазерный пистолет в инкрустированной коробочке с инициалами «ОГ». Оберон Гло.

— Пошли! — яростно повторил

Фишиг.

--- Эгига, главный двор в два, ---
протрещал вокс.

--- Эйзенхорн, во что ты решил
поиграть? --- требовательно спросил
Фишиг.

--- Это вещи Гло! --- сказал я,
продолжая обыск.

--- Ну и что из этого?

--- Не знаю. --- Я вскрыл второй
чемодан. Фишиг схватил меня за плечо:

--- При всем моем уважении,
инквизитор, сейчас не самое удачное время
для удовлетворения твоего любопытства!

--- Нам надо выбираться... надо
выбираться отсюда ко всем чертям, ---
бормотала Биквин, затравленно
вздвигая при каждом звуке снаружи.

--- Здесь должно быть что-то. Ключ,
подсказка... Что-нибудь, что мы сможем
использовать, когда убежим отсюда.

--- Нам повезет, если мы сможем
прихватить с собой наши шкуры!

--- Да! --- Я посмотрел на него. --- Да,
это так. И если нам удастся выбраться,
разве нам не надо будет продолжать

борьбу с Гло?

Фишиг в отчаянии воздел руки.

--- Пожалуйста... пожалуйста... ---

Бормотала Биквин.

--- Эгига, главный двор в огин, ---
протрещал вокс.

Третий четоган. Набор
хирургических инструментов из
высококачественной стали,
предназначение которых мне совершенно не
хотелось представлять. Изровой
комплект костей и фишек в деревянной
коробке. И опять штотки, горы проклятых
штоток!

И что-то твердое, завернутое в
бархатную рубашку. Я развернул сверток.

--- Удовлетворен? --- спросил Фишиг.

Я улыбнулся бы, оставь мне Лок
такую способность.

--- Пошли! --- сказал я.

Из комнаты мы попали во внешнюю
пристройку. На решетчатом полу стояло
еще несколько четоганов и запаянных в
пластик деревянных коробок.

--- Даже не думай об этом! --- бросил
Фишиг, увидев, как я смотрю на четоганы.

--- Эгидя, на месте! --- Голосовой сигнал частично потонул в реве мощного корабля, стремительно пронесшегося над нами на низкой высоте.

Раздался треск огнестрельного оружия и шипение лазганов.

Я побежал к выходу из пристройки, к люку, который выходил на посадочную площадку. Вокруг метались люди. На большей части это были нагсмотрички и солдаты, они смотрели в небо и стреляли по размытому силуэту опускавшегося сверху боевого катера. Малахит, стоявший на другом конце двора у трапа военной шлюпки, увидел нас и закричал. Солдаты развернулись и открыли огонь по нам.

Но это было полбеды. Вторая половина неслась к нам с ревом, от которого болезненно сжимались внутренности. Мандрагор.

--- Назад! Внутрь! --- завопил я, и мы вломились обратно в дверь.

Но ни дверь, ни даже стена здания не могли остановить зверя Хаоса. Кулаки, закованные в сталь и кератин, с

легкостью разрывали металл на куски, сгибали адамантитовые ребра арматуры и пробивали пластиковые панели, словно бумагу.

Биквин завизжала.

Омерзительное Дутия Императора прорвало стенку пристройки, и, когда его могучее горло исторгло очередной рык, под белыми губами обнажились перламутровые зубы. В руке чужовище сжимало огромный болтер.

--- Ни шагу ближе! --- прокричал я.

В одной руке я сжимал снаряженную гранату так, чтобы он мог ее видеть.

Он расстелся глубоким презрительным стехом.

--- Это не шутка, --- добавил я и пнул ящик, стоявший у моих ног.

Ящик заполняли обернутые в пластик таблички из шахты.

--- Предохранитель поставлен на одну секунду. Сделай шаг, и все это погибнет.

Он заколебался. В проломе показались лорд Гло и несколько стражников.

--- Пожалуйста, сделай так, как он говорит! --- пролаял Гло.

Мандрагор с рычанием опустил болтер.

--- Отойди, Гло! Отойди сейчас же и захвати всех с собой!

--- Унквизитор, у тебя нет шансов сбежать, --- сказал Гло.

--- Отойди!

Гло махнул своим людям и вышел. Мандрагор отступал медленно, теперь из его горла исходило шипение.

--- Хватай ящик! --- сказал я Фишигу.

Он повесил стаббер на плечо и сделал как велено.

Мы бок о бок, осторожно вышли на дневной свет, скрадываемый дымом.

Я держал гранату над ящиком, который он нес. За нашими спинами пряталась Биквин.

Во дворе Гло приказал своим людям расступиться. Вокруг стояло более сорока бойцов: стражники, солдаты военнокостических войск, надзиратели. Среди них я увидел Даззо, Малахита и безлогого капитана Эструма. Мандрагор не стал отходить так далеко, как остальные. Он держался справа от нас. Над его древним

силовым господством по ветру развевался
мерцающий плащ. Из горла монстра по-
прежнему исходило шипение.

--- Мудас, --- передал я по воксу, ---
садись и открывай люк.

--- Понял, --- ответил он. --- Только
позволь заметить, что на подлете три
перехватчика. Прибытие в три.

Боевой катер пролетел над двором,
отбрасывая широкую тень и поднимая
турбинами облака сажи. Затем сел,
качнувшись на своих мощных
гидравлических опорах, грузовой трап со
скрежетом распахнулся и опустился.

Мы медленно двигались по кругу, пока
трап катера не оказался за нашими
спинами. Все это время враги пристально
следили за нами и глазами, и стволами.

--- Ничья, инквизитор, --- произнес Гло.

--- Прикажи своим людям опустить
оружие. В том числе тем, кого я не могу
видеть. И даже не пытайся убить меня.
Мудас, наведи пушки, те, что на крыльях,
на меня и исполнителя. Если с нами что-
нибудь случится, открывай огонь.

--- Принято.

Мощные орудия, расположенные на крыльях, развернулись в нашу сторону.

--- Только постей выстрелить по нам, и ящик испарится.

--- Опустить оружие! --- прокричал Гло, и солдаты подчинились.

--- А теперь отзови перехватчики. Прикажи им вернуться на базу.

--- Я...

--- Сейчас же!

Гло оглянулся на Эструта, и тот что-то принялся говорить в вокс.

--- Перехватчики изменили курс, --- сказал мне Мидас. --- Они возвращаются.

--- Замечательно, --- сказал я Гло.

--- И что теперь? --- спросил он.

И в самом деле, что? На какое-то мгновение мы оказались в выигрыше: они не стали стрелять, а Биквин блокировала Даззо и любых других псайкеров, которые могли оказаться в их распоряжении.

--- Может быть, ответ на парочку вопросов? --- предложил я.

--- Эйзенхорн! --- прошипел Фишиг.

--- Ответ? --- растеялся Гло.

Растеялись и его люди, даже

Мандрагор завкнул пару раз. Но, как я заметил, это не развеселило Даззо и Малахита.

--- Этот материал археоксенического происхождения, из древних земель сарүти... --- произнес я, вынимая свободной рукой одну из древних асимметричных табличек. --- Для вас эти предметы ценны потому, что они имеют какую-то ценность для сарүти. На что вы собираетесь их обменять?

--- Я не собираюсь тебе ничего рассказывать, --- произнес Гло. --- И даже гипотезы твои подтверждать не стану.

--- Попробовать стоило, --- пожал я плечами.

--- Но мой вопрос остается в силе, --- сказал Гло. --- Что дальше?

--- Мы улетаем, --- сказал я. --- Целыми и невредимыми.

--- Так улетай, --- сказал он, сопровождая свои слова патрицианским жестом. --- Опусть ящик и улетай.

--- Только ящик удерживает тебя от того, чтобы уничтожить нас. Мы возьмем его с собой в качестве страховки.

--- Нет! --- закричал Даззо, выскакивая
вперед. --- Неприемлемо! Так мы потеряем
его навсегда! --- Он посмотрел на Гло. ---
Этот человек --- наш кровный враг. Нам
никогда не вернуть артефакты. Даже
если мы согласимся предоставить ему
свободный проход, он ни за что не
выполнит свою часть сделки и не вернет
нам ящик.

--- Конечно нет, --- сказал я. --- Да и вы
не станете заключать со мной честной
сделки. Между Инквизицией и
преступниками не может быть честного
договора. Вот почему ящик полетит со
мной. Другой гарантии у нас нет.

--- Никто здесь и не собирался
предлагать тебе гарантии, --- громко
произнес Мандрагор. --- Только смерть.
Или, если тебе не повезет, сначала боль, а
потом смерть.

--- Не советую брать его на
переговоры, --- сказал я Гло, потнув головой
в сторону Мандрагора. --- Мы улетаем
вместе с ящиком, потому что иначе вы
уничтожите нас.

--- Нет. --- Гло шагнул вперед,

вытаскивая лазерный пистолет из-под плаща. — Ты допустил ошибку в своих гладких рассуждениях, инквизитор. Если нам суждено навсегда утратить эти предметы, то я предпочту, чтобы это случилось здесь. Так мы получим хотя бы ваши трупы в качестве компенсации. Если ты попытаешься улететь вместе с ящиком, мы расстреляем вас и покончим с этой дурацкой ситуацией. Опусти его, и я дам вам десять секунд, чтобы исчезнуть.

Я с уверенностью мог сказать, что они не блефуют. До этого момента они просто защищали свое имущество. И они не были дураками. Все члены этой клики прекрасно понимали, что я никогда не верну эти вещи. Десять секунд. Если мы опустим таблички, то нам немедленно откроют огонь, но, может быть, не слишком активно, потому что побоятся задеть ящик. И пушки катера все еще оставались аргументом в нашу пользу.

— Отступаем к трану, — прошептал Биквин и Фишигу. — Бросишь ящик вниз, когда я прикажу.

— Уверен?

--- Делай как я говорю. Мидас?

--- Двигатели готовы, орудия готовы.

--- Давай!

Ящик рухнул в пыль. Двигатели катера взревели на полную мощь. Враги не стали ждать десяти секунд. Но мы были на трапе, который быстро поднимался, а катер уже взлетал. Но корпусу замолотили снаряды и осколки. Рывнули орудия катера.

Катер сильно качнулся, и нас с Биквин швырнуло внутрь на накренившуюся палубу. Фишиг чуть не сорвался с поднимающегося трапа и повис на нем, цепляясь за рифленую поверхность. Его задницу вот-вот должно было отрезать поднимающимся трапом или отстрелить шальным лазером. Я схватил исполнителя за шкуру и втянул внутрь прежде, чем это случилось.

Мы уходили. Судя по наклону палубы и вибрации корпуса судна, Мидас разгонял корабль на пределе возможностей и держался низко, чтобы ландшафт укрыл нас от огня с земли. Вспыхнули аварийные огни, указывавшие на множественные

повреждения.

--- Пристегнись! --- заорал я на Эмоса, пытающегося помочь нам. --- Фишиг, пристегивай Биквин! И сам тоже!

Исполнитель потащил испуганную девчушку к сиденью. Я полез по лестнице в кабину.

Мидас вытягивал штурвал, поднимая нас выше. Под нами проносились пятнистые пейзажи Дамаска. Я опустился в кресло возле пилота:

--- Как близко?

--- Истребители развернулись и идут прямым курсом на перехват. Их высота играет им на руку.

--- Насколько они близко?!

--- Шесть минут до перехвата. Проклятие!

--- Что?

Он указал на основной тактический экран. Следом за маленькими точками по трехмерной карте магнитосферы планеты двигались более крупные тени.

--- Перемещается весь флот. Это крупные боевые корабли. А вот это еще два звена истребителей. Они не хотят, чтобы

мы убралась отсюда? --- спросил он.

--- С тем, что нам стало известно?

--- Они не собираются выпустить нас живыми из этой системы?

--- Мудас, кажется, я уже ответил на этот вопрос!

Он устехнулся, обнажив белые зубы, резко контрастирующие с его темной кожей в полутьме каюты.

--- Ну тогда можно повеселиться, --- решил он.

Его руки метались над пультом управления, сверкая серебром главианских биосхем и устанавливая курс.

--- Удеи? --- спросил я.

--- Может быть, даже несколько. Дай мне немного потусолить данные.

--- Что?

--- Поверь мне, Грегор, если у нас есть хоть малейшая надежда выбраться живыми из системы Дамаска, то ее дают нам только мои мастерство и хитрость. Заткнись и дай мне высчитать их скорости и векторы перехвата.

--- У нас повреждения, --- упорствовал я.

Меня снова охватило противное

чувство неспособности влиять на
ситуацию.

--- Незначительные, совсем
незначительные, --- рассеянно произнес он. ---
Сервиторы уже все исправили.

Он сменил курс. Насколько я мог
видеть, он развернулся прямо на одно из
звеньев преследующей нас флотилии,
серьезно сокращая время до перехвата и
выхода на огневой рубеж.

--- Что ты делаешь?

--- Играю с процентами. И играю
осторожно.

Яркий глобус Дамаска уплывал из-под
нас, мы выходили на высокую орбиту на
полной тяге.

--- Видишь? --- спросил Мидас.

На тактическом экране появился еще
один огонек, разворачивающийся в нашу
сторону.

--- Стандартное рассредоточение
Имперского военного флота. Они всегда
выставляют одно судно в качестве
заграждения над непростатриваемой
стороной планеты. Если бы мы
продолжили лететь по прямой, то

оказались бы непосредственно в его зоне поражения.

В кювете за иллюминаторами кабины появились вспышки. Корабль загрохотал, средних размеров фрегаты, все равно открыл огонь, устремляясь в погоню.

--- Он выпустил истребители, ---
нараспев произнес Бетанкор. ---
Расстояние в два. У преследователей --- в
четыре.

Сухие факты.

Я посмотрел на показатели энергии. Стрелки индикаторов перевалили за красную черту.

--- Мудас...

--- Сядь на место. Вот оно.

--- Что?

Передние иллюминаторы неожиданно стала закрывать тучка небольшого спутника Дамаска. Хотя сейчас он совсем не казался маленьким. Похоже, Мудас собирался размазать нас о его поверхность.

Я выругался.

--- Расслабься ты, черт возьми! ---
подернул он меня и добавил: --- Расстояние в
одну.

Мы встретились к уродливой,
щербатой зеленоватой глыбе,
стремительно выраставшей перед нами.
За нами последовали шесть истребителей
с пилотами, прошедшими элитную
летную подготовку для Военно-
воздушного флота Скаруса.

Глава шестнадцатая

ПОЕДИНОК В БЕЗДНЕ ПОСЛЕДНЕЕ СТОЯНИЕ ВЕШКОРА СЛЕДЫ

Эта луна называлась Обол и была самым маленьким и самым близким из спутников Дамаска. Щербатый ком неправильной формы, шестьсот километров в поперечнике в самом широком месте. Лишенная атмосферы, изрытая впадинами и ущельями, луна зеленовато поблескивала в лучах солнца.

Я устирил свой разум и заметил пульс, применив старые навыки, которые преподал мне Ханшант.

Данные по Оболу выводились на экран: никель, цинк, селен... наименьший из четырнадцати... Я совершенно не нуждался в этой информации, но использовал ее в качестве психологического барьера, чтобы

замыслить сознание мелкими деталями и отвлечь его от опасности.

Я поднял глаза от бегущих строк. На нас разинул пасть кратер с зубчатыми краями. Он был достаточно велик, чтобы поглотить весь Дорсай вместе с его лагуной.

--- Держитесь, --- сказал нам Мугас.

Всего лишь в километре от поверхности спутника он совершил свой маневр. Мы уже оказались захвачены гравитацией Обола и неслись к нему на всех парах. О посадке или хотя бы обычном развороте не могло быть и речи.

Но Мугас водил сюда с юности и тренировался в главианской летной академии. С помощью биосхем, внедренных в организм, он куда лучше меня и лучше самых опытных пилотов Империи мог почувствовать все нюансы полета, мощности и маневра. К тому же, испытывая наш катер, он чуть не угробил его и теперь точно знал, на что способно это судно, а на что --- нет.

Не могу сказать, что это знание добавило мне спокойствия.

Он отключил двигатели, врубил все посабочные турбины и опустил нос катера так, что тот сорвался в штопор. В глазах все закружилось, когда меня вжало в ремни безопасности.

Вращение казалось неконтролируемым. Но на самом деле было идеальным и четко выверенным. Реактивные турбины отбросили нас от поверхности, и мы закружились, словно лист, используя вращение, чтобы избавиться от ускорения, направленного вниз. Мы проскользнули в девятостепенных метрах от пыльной поверхности кратера, на полную мощность задействовав раскалившиеся добела турбины, и ушли по дуге за спутник, когда Мидас снова врубил основные двигатели.

Земля шарахнулась от нас, когда мы совершили дикий скачок через губу кратера.

На тактическом экране было видно, что истребители отстали от нас на шесть минут. Никому из них не хотелось повторять этот маневр. Они облетали спутник по более безопасным

траекториям.

Мидас обогнул луну, идя на низкой высоте по скрытым от солнца лощинам среди утесов и крутобоких холмов, на которые никогда не ступала нога человека. Мы полетели между двух огромных пиков.

--- Они разделяются, --- сказал Мидас, выворачивая влево.

Так и есть. Четыре истребителя упорно висели у нас на хвосте, двигаясь на низкой высоте. Еще двое отделились и решили облететь Обол с другой стороны.

--- Контакт?

--- Встретился с ними нос к носу через восемь минут, --- произнес Мидас.

Он улыбнулся и резко заложил на правый борт, уходя в едва видимую на экране топографа лощину с крутыми склонами.

Потом он настолько снизил скорость, что все стало казаться тучительно медленным, и обогнул крутой холм, сверкавший зеленым и желтым в жестком свете солнца.

--- Что ты делаешь?

--- Подожди... подожди...

Тактический экран показал, что четыре преследователя пронесли мимо ущелья.

--- Мы слишком близко к поверхности, и они не сразу поймут, что мы уже не впереди.

--- И что дальше?

Он включил двигатели на полную мощность, взлетая над горной грядой, и пристроился в хвост нашим недавним преследователям.

--- Мышь станет котом! --- объявил Бетанкор.

Через несколько секунд яркий экран оружейной панели покрыли красные перекрестия.

Среди огромных глыб и скал впереди я различал огни дюж.

--- Причешет-ка одного, --- сказал Мигас, выпуская залп.

Мерцание турбин впереди стало ярче, а потом обернулось растущим шаром горящего газа, проплывшим мимо нас среди зубчатых пиков.

Я вжался в кресло, когда катер резко нырнул еще в одну ущелью. В километре

перед нами появились огоньки гюз, и
солнце отразилось от металла.

--- А вот и второй, --- произнес Мугас.

Датчики автономов боеприпасов
засверкали красным, указывая расход.
Вспышка распустилась, как цветок, а
затем развернулась и расплескалась о
стенку скальной гряды.

Что-то ослепляюще яркое возникло
справа от нас. Катер тряхнуло и затрясло,
загудела тревога.

--- Какой утлый мальчик. Почти
попал, --- проворчал Мугас, вытягивая
штурвал, чтобы уйти от столкновения с
приближающимся утесом.

Один из истребителей разгадал наш
маневр и облетел нас с тыла.

--- Где же еще один? Где? --- бормотал
Бетанкор.

На нашей стороне была боевая мощь.
Боевая мощь и Мугас. Истребители
принадлежали к классу «Молния», это
были маленькие, быстрые и верткие
корабли, в четыре раза меньше нашего
судна. Но всем своим параметрам и
предназначению наш катер представлял

собой только транспорт, но его двигатели, улучшенный комплект оружия и способность к вертикальному взлету превращали его в грозное боевое судно, когда дело доходило до сражения на небольшом расстоянии от поверхности, особенно такой неровной, как поверхность Обола.

Наш катер еще раз вздрогнул и сорвался в головокружительное пикирование.

Мугас вырвался и стал выводить судно из штопора. В поле зрения размытой серебряной полосой скользнул имперский истребитель.

Мугас стабилизировал ход и встретился за ним. Перехватчик крутанулся и ушел в глубокое ущелье, в холодную тень которого приходилось лететь, ориентируясь только на показания приборов.

Датчики показали, что наши орудия близки к перегреву. Мугас лупил по истребителю.

Безрезультатно.

Перехватчик начал выполнять петлю, чтобы развернуться к нам. Мугас

выстрелил снова.

Еще один промах.

Устремитель летел прямо на нас. Я увидел сверкающие, словно драгоценные камни, следы трассирующих снарядов, взрывающихся в обшивку нашего корабля.

Лицом к лицу. В глубоком ущелье с отвесными стенами.

Не было места для маневра. Не было места для ошибки.

— Прощай, — сказал Мугас, вдавливая газетку.

Глубокое ущелье осветил взрыв. Мы пролетели прямо сквозь стену пламени.

— Ну как, достаточно? — спросил меня Мугас.

Я не ответил. Я был слишком занят тем, чтобы покрепче цепляться за подлокотники кресла.

— Лично мне хватит, — сказал он. — Пора начинать второй акт. Где-то поблизости ошивается еще один перехватчик. Те, что обходили нас с обратной стороны планеты, будут здесь через девяносто секунд. Пришло время для театра. Уклюд?

Главный сервитор выдал ответную
трель. Мы вошли в крутое пике. На
дальнее вывелось, что за нами остается
топливный след.

--- Повреждения? --- спросил я.

--- Прописано в сценарии, --- ответил
Бетанкор.

Нам навстречу тмчалось дно темного
каньона.

--- Сбрасывай, Уклиз, --- скотандовал
Мугас.

Раздались грохот и скрежет. Катер
затрясло. Позади него что-то вспыхнуло.

--- Что это было?

--- Две тонны запчастей, мусора и
расходных материалов. Ну и вдобавок все
гранаты из твоего оружейного склада.

Он резко развернул судно и направил
его в темноту широкой глубокой пещеры
на дне каньона. Мне казалось, что потолок
и стены проносятся слишком близко.

Углубившись в пещеру на шесть сотен
метров, Мугас развернул катер влево и
отключил турбины. Проекторы
разогнали трак, и стали видны неровные
края еще одного углубления.

Пролетев еще сотню метров, мы опустились на посадочные распорки. Мидас выключил двигатели и освещение, выключил все, кроме жизненно важных систем.

--- Всем ни звука, --- велел он.

Ожидание, продлившееся шестьдесят шесть часов, не было ни уютным, ни приятным. Мы влезли в теплую одежду и сидели во мраке, пока флотилия еретиков обыскивала Обол и его окрестности. За первые десять часов наши пассивные детекторы несколько раз регистрировали приближение кораблей, прочесывающих место нашего «крушения». Обман явно угдался.

Но мы ждали. Нельзя было с уверенностью сказать, насколько они окажутся настойчивы и терпеливы. Мидас предположил, что враги могут разыграть ту же карту --- затаиться и ждать, пока мы решим, что опасность миновала.

Через сорок часов Ловинк заявил, что подслушал астронавтический обмен сообщениями, где речь шла об отбытии флота. Вскоре последовало возмущение в

ткани Умтатериума. Но мы продолжали
ждать. Ждать единственного события,
которое я счел бы убедительным.

Это случилось, только когда миновал
шестьдесят шестой час. Пришел
астронавтический сигнал на глоссии:

--- Ныне отпускаеши...

Мы восстали из тьмы Обола,
омытые светом звезд. Все на судне и,
честно признаюсь, даже я неожиданно
начали разговаривать слишком громко и
слишком много, бродить по катеру,
наслаждаясь ярким светом и включенной
наконец обогревательной системой.
Безмолвное ожидание на холоде походило
на епитимию.

Навстречу нашему катеру медленно
и величественно выплыл «Уссин». Как
только флот еретиков покинул систему,
Максилла вышел из своего укрытия за
звездой и подал сигнал.

Как только мы состыковались, я
отправился прямо на мостик, где меня,
как брата, приветствовал Максилла.

--- Все наши живы? --- спросил он.

--- Целы и невредимы. Хотя нам

пришлось туго.

--- Прости, что пришлось покинуть вас, но ты сам видел размеры этой военной группировки.

Я кивнул:

--- Надеюсь, ты можешь сказать мне, куда они отправились?

--- Конечно, --- ответил он.

Его астронавигаторы не теряли времени даром. Их главный появился из помещения, пристроенного к куполообразному мостику, и загудел над черно-красным трактором пола, направляясь к нам. Как и весь остальной экипаж, он практически полностью состоял из механических частей. Его органическая, человеческая часть --- куда, по моему предположению, входил разве что мозг и какие-нибудь основные органы --- заключалась внутри отполированной серебристой машины, изваянной в виде грифона. Драконья шея выгнулась назад, и крючконосая морда обратилась к нам. В воздухе сервитор поддерживался пластинами антигравы, встроенными в орлиные крылья.

Он остановился перед нами, раскрыл
ключ и спроектировал голографическую
карту звездного неба. Карта была сложной
и непостижимой для необученного глаза, но
некоторые детали мне удалось разобрать.

--- Навигаторы проанализировали
возмущение варна, когда уходил флот, и
сделали кое-какие алгоритмические
вычисления. Еретики уходят из
Теликанского субсектора и Имперского
пространства к запретным территориям
расы, известной как сарүти.

--- Об этом я и сам догадался. Но это
слишком обширная территория. Там
больше дюжины систем. Нам нужны
точные данные.

--- Вот, --- сказал Максилла, отмечая
пальцем точку на мерцающей трехмерной
карте. --- Значится как КСХ-1288. При
оптимальных условиях туда можно дойти
за тридцать недель.

--- Насколько велика погрешность
вычислений?

--- Не более чем шесть сотых.
Возмущения в варне, оставленные
флотом, оказались весьма

значительными. Естественно, они могут прервать свой путь и сменить курс, но мы будем следить за изменениями следа. Конечно, --- добавил он, --- они предполагают, что их могут преследовать. Даже если они сочли тебя погибшим, все равно они знают, что тебе необходим был межзвездный корабль, чтобы попасть сюда. Корабль, который им не удалось обнаружить.

Эта мысль посещала и меня. Гло и его сообщники должны были ожидать преследования. Теперь они могли рассчитывать только на собственную осторожность, неталую боевую мощь и полученную фору.

Я уже заставил Ловинка заняться подготовкой срочного коммюнике, которое следовало отослать командованию Гудрун и Инквизиции.

--- Что тебе известно о сарүти и их территориях?

--- Ничего, --- сказал Максилла. --- Никогда не летал туда.

Этот ответ показался мне слишком лаконичным для столь разговорчивого

человека.

--- Утак, --- продолжил он, --- кроме того, что мы знаем, куда они направляются, есть ли у нас еще какие-нибудь преимущества?

--- Есть.

Я извлек из кармана плаща предмет, который покоился там с тех пор, как я вытащил его из дорожного чемодана Гло в Северном Квалме. Максилла посмотрел на предмет с явным недоумением.

--- Это, --- произнес я, --- Понтиус.

Мы воспользовались одним из огромных пустых трюмов «Уссина». Сервиторы Максиллы подвели проводку и организовали освещение. Мои сервиторы --- Мого и Нилквит --- принесли ларец на когтистых лапах и опустили его на холодный стальной пол.

Я наблюдал за процессом, спрятав ладони в рукава плаща, чтобы защитить их от стоящего в помещении холода. Это случилось над ларцом и с помощью Нилквита начал подключать кабели. Я взглянул на Биквин. Она стояла рядом с фишигом, укутавшись в тяжелую красную

накидку и серый платок. На ее лице застыло отвращение. Сначала ей все казалось игрой и продолжало казаться даже во время событий в Доме Гло. Но на Дамаске все переменилось. Чудовищный Мандрагор. Увидев его, Елизавета поняла, что игры кончились. Она увидела то, чего многие -- практически все -- граждане Империи никогда не видят. Большинство проводит жизнь на безопасных мирах, далеких от ужаса войны. Для них вся та мерзость, что бороздит самые темные уголки Вселенной, -- тиф, слух, страшная сказка.

Но теперь Елизавета знала наверняка. И могла не пожелать оставаться с нами. Могла пожалеть о том, что так поспешно согласилась на мое предложение.

Я не стал расспрашивать ее. Она сама должна сказать мне об этом. Нас теперь многое связывает.

-- Эйзенхорн? -- Эмос протянул руки, и я вложил в них холодную, твердую сферу Понтиуса.

С трогательной заботой и жреческой

торжественностью архивист установил
его в нишу.

Я приказал всем выйти из трюма,
даже сервиторам. Всем, кроме Биквин и
Эмоса. Фишиг закрыл за собой двери.

Эмос посмотрел на меня, и я кивнул.
Он произвел последнее подключение и
затем отпрянул от ларца настолько
быстро, насколько позволяли его старые,
напичканные аулметикой конечности.

Поначалу ничего не происходило.
Потом по краю ларца замигали крошечные
сигнальные огоньки, затерцали
оплетающие кристалл микросхемы.

И вот тогда я почувствовал, как
меняется давление воздуха. Биквин
бросила на меня резкий взгляд, тоже
заметив это.

Металлические стены трюма
начали потеть. Бусинки конденсата
собирались на обшивке стен и скатывались
вниз.

Раздалось слабое потрескивание,
похожее на то, которое издает бумага в
огне. Звук нарастал и ширился. Изморозь
покрыла ларец и пол вокруг него.

расползлась по полу и взобралась по стенам. Алмазно сверкающая морозная корка покрыла все помещение трюма менее чем за десять секунд. Наше дыхание превращалось в облака пара. Мы стахивали ледяное крошево с лиц и одежды.

--- Понтиус Гло, --- произнес я.

Ответа не было, но через несколько мгновений из динамиков, встроженных в палубу, раздалось звериное рычание и кашель.

--- Гло, --- повторил я.

--- Зачем... --- прозвучал искусственный голос. Биквин насторожилась. --- Зачем вы разбудили меня?

--- Назови последнее событие, которое ты помнишь, Гло.

--- Обещания... обещания... --- произнес голос, словно то отплывая от нас, то возвращаясь обратно. --- Где Уризель?

--- Какие обещания давали тебе, Гло?

--- Жизнь... --- пробормотал он, и в голосе зазвучали гнев и нетерпение. --- Где Уризель? Где он?

Я начал было задавать следующий

вопрос, но тут электронные синапсы, опутывающие поверхность кристаллической сферы, озарила вспышка неожиданной активности. Понтиус хлестнул по нам своим сознанием, своими могучими ментальными силами. Если бы рядом не было Биквин, нас с Эмосом можно было бы уже выносить вперед ногами.

--- Горячий температурент... --- сказал я, подходя к ларцу. --- Меня зовут Эйзенхорн, я имперский инквизитор. А ты мой пленник и наслаждаешься возможностью воспринимать окружающий мир только потому, что я позволяю это. Ты должен отвечать на мои вопросы.

--- Я... не... стану.

Я пожал плечами:

--- Эмос, отключай эту дрянь и подготовь к уничтожению.

--- Стой! Стой! --- В голосе послышались утешающие нотки, несмотря на всю его искусственность.

Я присел на корточки перед ларцом:

--- Как я понимаю, твоя жизнь и разум сохранены в этом устройстве, Понтиус Гло. Я знаю, что ты два столетия

отчаянно жаждал воскрешения, пребывая в своем бестелесном заточении. Не это ли обещала твоя семья?

--- Уриэль обещал... говорил, что может... что все уже готово...

--- Он собирался принести в жертву аристократию Снеси, чтобы перекачать их жизненные силы в тебя с помощью этого ларца. И ты смог бы сам воссоздать для себя тело.

--- Он обещал это! --- Мучительное ударение упало на второе слово.

--- И Уриэль, и все остальные оставили тебя, Понтиус. Они отменили свои планы на Снеси в последнюю минуту, ради кое-чего еще. Теперь все они в руках Инквизиции.

--- Не-е-ет... --- Слово свелось к затирающему шипению. --- Они не могли...

--- Я уверен, что они и не стали бы... если бы не случилось нечто столь жизненно важное, столь необходимое, что у них просто не оставалось выбора. Ты ведь и сам знаешь, что произошло?

Тишина.

--- Понтиус, что было для них важнее

тебя, а?

Тишина.

--- Понтиус?

--- Вы их не поймали.

--- Что? Кого не поймали?

--- Моих родичей. Мою семью... Будут они в ваших руках, ты не стал бы задавать эти вопросы. Все они на свободе, и ты доведен этим фактом до отчаяния.

--- Ты ошибаешься. Сам знаешь, как это бывает: много лжи, много противоречивых историй. Твои родственники закладывают друг друга наперебой, лишь бы сохранить жизнь и свободу. Я пришел к тебе за правдой.

--- Нет. Похоже на правду, но нет.

--- Ты знаешь, что это правда.

Понтиус.

--- Нет.

--- Ты знаешь, что это так. Они будили тебя время от времени, чтобы снабжать информацией. Вытаскивали тебя из забвения. Например, это происходило в той часовне, которую они построили специально для этой цели. Я видел тебя там. Ты оглушил меня.

--- Я могу сделать это снова, --- сказал он.

На золотой оправе и встроженных в кварцевую глыбу схемах снова затерцали огни.

--- Ты знаешь, что произошло. Они говорили тебе.

--- Нет.

Я протянул руку, схватив пучок проводов.

--- Лжешь, --- сказал я и дернул.

Из колонок раскатился угасающий стон. Огоньки на ларце угасли. Температура воздуха и давление снова стали приходить в норму. Утромозы начала таять.

--- Негусто, --- заметила Биквин.

--- Это только начало, --- ответил я. --- Впереди тридцать недель.

Глава семнадцатая

БЕСЕДЫ

РАССУЖДЕНИЯ НА

ТЕМУ АСИММЕТРИИ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Вместе с Биквин и Эмосом мы спускались в трюм и повторяли процедуру каждый день. Несколько дней Понтиус отказывался отвечать. Но прошествии недели он начал что-то требовать, обрушивая на нас угрозы и ругательства. Каждые несколько дней он пытался атаковать нас ментально, но всякий раз его попытки прерывались присутствием Биквин.

Все это время «Уссин» двигался в Ултатериуме, направляясь к далекому звездному скоплению.

На четвертую неделю я сменил тактику и стал обсуждать все, что только приходило на ум. Я не задавал Гло

ни единого вопроса, касающегося «истинной причины». Первые несколько дней он отказывался отвечать, но я оставался любезен и всякий раз терпеливо приветствовал его. Наконец разговор состоялся: мы беседовали о звездной навигации, прекрасной музыке эклезиархов, архитектуре, демографии, старинном оружии, дорогах винах...

Понтиус ничего не мог с собой поделать. Изоляция, сопровождавшая его существование, заставляла его жаждать соприкосновения с реальным, ярким миром. Он хотел снова обнять, осязать, видеть и жить. Две недели подряд его не приходилось подталкивать к диалогу. Я не был ему другом, и он оставался осторожен и являл при каждом удобном случае, но явно радовался нашему общению. Когда преднамеренно я пропустил один день, Понтиус принялся угрюмо сетовать, словно был серьезно обижен.

В то же время я понимал, насколько опасен Гло. Его разум был великолепен, очарователен, остроумен, хитер и весьма эрудирован. Я испытывал удовольствие от

общения с ним, от получения новых знаний. Это послужило полезным напоминанием о том, что даже такой блестящий ум Хаос может похитить. Даже величайший, умнейший, изысканнейший и образованнейший из нас может пасть его жертвой.

В один из дней десятой недели я, как обычно, вошел в трюм Понтиуса вместе с Биквин и Эмосом, и мы разбудили его. У него что-то мне показалось необычным.

--- Что такое? --- сказал я.

Ларец как будто стоял не совсем на том месте, где раньше.

--- Ты приходил сюда, Эмос? --- спросил я. --- Хотя бы ради обычной проверки?

--- Нет, --- заверил меня он.

После каждого посещения мы обязательно запирали трюм.

--- Наверное, просто воображение разыгралось, --- решил я.

Наши беседы длились, к обоюдному удовольствию, около часа каждое утро. Мы часто обсуждали политику и этику Империи, область, в которой Понтиус оказался удивительно сведущ. Он ни разу

не позволил себе высказывать концепции или верования, которые можно было бы считать критикой в адрес Империи, словно понимая, что подобное поведение грозит прекращением нашего с ним общения. Время от времени я допускал высказывания, предоставлявшие ему возможность покриковать или осудить методы Бога-Императора и Императорского правительства Терры. Понтиус не поддавался на провокации, хотя я ощущал, как сильно отчаянно хочется ему рассказать о собственных, обратных верованиях. Но слишком велика была его потребность в активности и общении. Понтиус не хотел портить сложившиеся отношения.

Гло с легкостью цитировал главы и стихи из Имперского Писания, философских работ и поэзии епископов. В своей образованности он мог поспорить с Эмосом. Однако, воздерживаясь в высказывании еретических воззрений, он также воздерживался и от демонстрации лояльности к Золотому Трону. Он не пытался прятаться и изображать из себя законопослушного гражданина. Я расценил

это как знак уважения ко мне. Он не стал оскорблять меня ложью.

Но чаще, чем о политике и этике, мы разговаривали об истории. И в этой области его познания оказались неизмеримыми, однако в беседах на эту тему ему тяжело было скрыть свою глубокую заинтересованность и голод. Он никогда не спрашивал прямо, но было ясно, что ему очень хочется узнать, какие события происходили в течение этих двухсот двенадцати лет, прошедших с его смерти. Родственники, похоже,

рассказывали ему недостаточно. Он пускался на разные ухищрения, чтобы вытянуть из меня ответы. Иногда я доставлял ему удовольствие, рассказывая об основных событиях, политических переменных и достижениях Империи. Я заранее решил не упоминать о поражениях или потерях Империи, избегать всего, что могло позволить ему злорадствовать. Картина, которую я нарисовал для Понтиуса Гло, демонстрировала, что Империя стала еще сильнее и здоровее, чем ранее.

Но даже это восхищало его. Он слишком долго был лишен драгоценного света галактики.

Остальную часть времени долгого перелета мы проводили готовясь и обучаясь, включив в режим ежедневные тренировки с оружием и без. Бетанкор каждый день давал уроки рукопашного боя, оттачивая природную ловкость и стремительность Биквин. Я занимался с гирями в импровизированном тренажерном зале и день за днем пробегал десятки километров по пустым залам и коридорам «Иссина», возвращая себе превосходную форму.

Я работал и над своим сознанием, подвергая себя строгой практике психических упражнений, некоторые из которых проводились с помощью Ловинка.

Мы с Эмосом старались подготовиться всесторонне. Мы перекопали всю архивную информацию, какую удалось собрать, касавшуюся сарүти. Это мало что добавило к тому, что уже было известно. Мы знали область их расселения, и это все. За последние две

тысячи лет официально
зарегистрированные контакты можно
было пересчитать на пальцах одной руки.
Мне стало интересно, что могут знать
про них владельцы каперских судов, люди
вроде Горгона Лока, путешествующие за
пределы Имперских территорий.

Все, что мы могли сказать о сарүти,
так это то, что они являлись древней
ксенотультурой — необщительной,
скрытной, лежащей за границами
Империи. Они были технически
развиты, но мы ничего не знали об их
культуре, верованиях, языке, не
представляли себе даже их внешнего
облика.

— По крайней мере, мы можем со
значительной долей уверенности
предполагать, что у них наличествуют
какие-то религиозные верования и
ценности, — сказал Эмос. — Или, как
минимум, они ценят некие реликвии
прошлого, оказывая им почтение как
предметам духовного культа. Наши враги
занимались добычей этих предметов на
Дамаске только потому, что

представляли себе, какую ценность они имеют для сарүти.

--- Священные реликвии? Иконы?

Этос пожал плечами:

--- Или знания предков... или просто желание найти и вернуть на родину культурные ценности своего прошлого.

--- И мы знаем, что когда-то их территория была больше. Она доходила до Дамаска как минимум, даже если там проходили только сторожевые рубежи, --- сказал Ловинк.

Мы сидели за инкрустированными столиком в одной из кают Максиллы. Полированная поверхность стола была завалена раскрытыми книгами, свитками, информационными планшетами и таблицами.

--- И до Бонавентуры, --- сказал я. --- Кладбища колес. Биквин говорила, что раскопки в Северном Квалме напомнили то, что она видела на родном мире.

--- Возможно, --- сказал Этос. --- Но я не эксперт в археоксенологии. Кладбища колес, найденные на Бонавентуре во всех текстах, которые мне удалось найти.

классифицируются как принадлежащие «неизвестной ксенокультуре». Они представляют собой всего лишь --- древние руины, которые могли принадлежать давно сгинувшей или пришедшей в упадок цивилизации сарути, а могут быть останками множества различных видов, населявших этот регион задолго до того, как человек обратил на него свое внимание.

Я опустил информационный планшет и взял обернутый в войлок предмет, лежавший в центре стола. Это была единственная табличка, отправившаяся с нами с Дамаска. Я вынул ее из ящика, когда ситуация зашла в тупик, и она так и осталась у меня в руке, когда мы запрыгнули в боевой катер. Она была выполнена из твердого бледного материала, блестевшего включениями слюды. Материал, как все мы согласились, не был характерен для Дамаска. Табличка имела форму неправильного восьмиугольника с двумя вытянутыми гранями. Лицевая сторона представляла собой барельефное изображение

пятиконечной звезды. Звезда тоже имела неправильную форму: лучи ее были разной длины и расходились под различными углами. С обратной стороны табличка была обожжена резакот.

--- Очень странно, --- сказал Эмос, рассматривая ее. --- Симметрия --- по крайней мере, базовая симметрия --- является константой галактики. Все формы жизни, и даже самые мерзительные ксеносы вроде тиранидов, обладают ею в какой-то мере.

--- Тут что-то не то с углами, --- согласился Ловинк, нахмурив свои редкие, покрытые родинками брови.

Я понял, что он имеет в виду. Казалось, что углы звезды в сумме составляют больше, чем триста шестьдесят градусов, хотя, конечно же, это невероятно.

--- Кто здесь был? --- спросил я в начале следующей беседы с Понтиусом.

Я оглядел покрытую изморозью комнату. Биквин пожала плечами, согревая руки дыханием. Эмос также выглядел озадаченным.

--- Ларец снова перемещали. Хотя и незначительно. Кто был здесь?

--- Никого, --- откликнулся Понтиус бесцветным искусственным голосом.

--- Я не тебя спрашиваю, Понтиус. Потому как сомневаюсь, что скажешь мне правду.

--- Ты обижаешь меня, Грегор, --- мягко ответил он.

--- Уверен, что это не игра твоего воображения? --- спросил Эмос. --- Ты сам уже говорил...

--- Возможно, --- нахмурился я. --- Но чувствую, что что-то... изменилось.

Во время долгого рейса я обычно ужинал с Максиллой, иногда вместе с остальными, иногда наедине. И однажды вечером, на двадцать пятой неделе, только я и Максилла сидели за столом, а золоченые сервиторы расставляли блюда.

--- Тобиус, --- произнес я через некоторое время, --- расскажи мне о сарүти.

Он только что подцепил вилкой кусочек кушанья и разочарованно положил ее обратно на тарелку.

--- Что ты хочешь, чтобы я рассказал?

--- Почему ты утверждал, что ничего не знаешь о них, когда я сообщил тебе, что ты направляется в их регион?

--- Потому, что полеты в такие места запрещены. Потому, что ты инквизитор, и не стоит лишний раз признаваться в преступлениях одному из вас.

Я провел пальцем по краю полупустого бокала.

--- До сих пор, Тобиус, ты помогал мне рьяно и великодушно. Поначалу я сомневался в твоих мотивах, но за эту оплошность уже извинился. Сейчас стало очевидно, что ты такой же верный слуга Бога-Императора, как и я. Меня беспокоит, что сейчас ты скрываешь от меня какую-то информацию.

Он обнажил в улыбке свои инкрустированные перламутром зубы и протокнул губы уголком салфетки:

--- Меня это беспокоит куда больше, Грегор. Меня терзают муки совести.

--- Значит, пришло время поговорить. --- Я снова наполнил наши бокалы из графина с тарочным вином. ---

Сведения о сарүти скүдны и, как ты үже
сказал, запретны. Я прекрасно знаю, что
канерал известно гораздо больше о
внешних системах и населяющих их
формах жизни, чем даже Унквизиции. Ты
не канер, но вступишь в состав торговой
элиты. Не дүтаю, что ты никогда не
натыкался на какую-либо информацию,
имеющую отношение к этой породе
ксеносов.

Он вздохнул:

— Еще молодым человеком, более
девяноста лет назад, я путешествовал в
регион сарүти. Я был тогда юнгой на
борту канерского сүдна под названием
«Прометеев огонь». Его хозяином был
Ваген Авл, ныне давно покойный, как я
полагаю. Он и в самом деле был канером.
Он верил, что сможет либо наладить
торговлю с этими неизвестными
ксеносами, либо разграбит подчистую их
сокровища.

— Получилось?

— Нет. Только вспомни, я ведь тогда
юнгой ходил. Никогда не покидал
корабельные недра и не сходил на

поверхность ни одного тира. Я знал одно: рейс длился слишком долго. Старшие члены экипажа словно язык проглотили. Как я догадываюсь, только чтобы найти сарүти, им потребовалось очень много времени и сил, и это их не слишком обнадеживало. Третий помощник капитана, человек, которого я довольно хорошо знал, поведал мне, что сарүти разыгрывали всякие шутки с торговыми посланцами Авла, прятались от них, издевались.

--- Каким образом издевались?

--- Офицер рассказывал, что их тирь оказались жуткими, непонятными и неуютными... и еще что-то насчет углов.

--- Углов?

Максилла невесело растеялся и пожал плечами:

--- Словно само их пространство поражено какой-то болезнью, искажено, изуродовано. Через год мы возвратились с пустыми руками. Но возвращении многие решили выйти из команды и оставить «Прометеев огонь». Особенно когда Авл, совершенно к тому времени свихнувшийся,

заявил, что намерен вернуться и попытаться еще раз. Тогда ушел и я, потому что не хотел провести еще один год на нижней палубе.

--- И что же Авл?

--- Он отправился обратно, насколько мне известно. Спустя несколько лет я услышал, что его судно было захвачено темными эльдарами в районе Предела Бореалис. Таков итог. Думаю, ты понимаешь теперь, почему я сразу не хотел рассказывать... мне просто нечего рассказать полезного. Разве что признаться в том, что уходил в недозволенные пределы.

Я кивнул:

--- На будущее -- не скрывай от меня информацию.

--- Не буду.

--- И если вспомнишь что-нибудь еще...

--- Тут же расскажу тебе.

--- Тобиус... -- Я выдержал паузу. -- Ты говоришь, что рейс «Протетеева огня» оказался глинным и бесплодным, а экипаж излучили существа, с которыми вы в конечном счете столкнулись. Разве у тебя

не вызывает гүрных предчувствий
возвращение туда?

--- Конечно. --- На его лице появилась тонкая улыбка. --- Но я обязан служить тебе, поскольку ты имперский инквизитор. И сделаю это без лишних вопросов. К тому же мне отчасти любопытно.

--- Любопытно?

--- Хочу увидеть этих сарүти собственными глазами.

* * *

Необходимо упомянуть про сны.

Они не слишком беспокоили меня во время рейса, но тем не менее приходили примерно раз в несколько дней. Мне редко снился красивый человек с пустыми глазами сам по себе, но его незримое и безмолвное присутствие ощущалось постоянно.

А вспышки молний становились все ближе с каждым сном.

На рассвете по корабельному времени

третьего дня двадцать девятой недели я тихо встал и, выйдя из своей каюты, направился к трюму, где мы держали Понтиуса. Пошел туда за добрых четыре часа до обычного времени нашей ежедневной беседы.

Я влез в притыкавшую к трюму трубу, предназначенную для обслуживания коммуникаций, и пополз по ней, пока не достиг вентиляционной решетки, выходившей внутрь самого трюма.

Решетку покрывала изморозь.

Над ларцом склонялась закутанная в мантию фигура, освещаемая только переносной лампой. Верхний свет был выключен.

Понтиус бодрствовал. Об этом свидетельствовала изморозь, и к тому же я видел крошечные огоньки синапсов Гло и слышал его тихий искусственный голос.

— Расскажи мне о Пограничных Войнах. Говоришь, Империя понесла большие потери?

— Я много тебе рассказываю, но ты мало даешь мне в ответ, — ответила фигура. — Мы так не договаривались.

Повторяю, я стану тайно помогать тебе, если ты поможешь мне. Могущество, Понтиус, и информация. Если хочешь видеть меня в качестве своего эmissара, ты должен доверять мне. Как я могу донести твою волю до твоих союзников, если мне до сих пор неизвестно об «истинной причине»?

--- Что это такое? --- спросила фигура. --- Что поставлено на карту, какая неимоверная ценность?

Опять пауза.

--- Тебе надо уйти прежде, чем тебя обнаружат. Эйзенхорн становится подозрительным.

--- Скажи мне, Понтиус. Мы уже почти на месте, всего в нескольких днях пути. Мне нужно знать, чтобы помочь тебе.

--- Я... скажу тебе. Это Некротек. Вот за чем ты гонимся, Елизавета.

Глава восемнадцатая КСХ-1288 В СВЕТЕ ПРОНЗЕННОЙ ЗВЕЗДЫ ПУТЬ В РАНУ НЕПРАВИЛЬНОСТЬ

В первый день тридцать первой недели, выбившись только на одни сутки из графика Максиллы, «Уссин» вырвался в реальное пространство глубоко внутри системы, обозначенной как КСХ-1288. У практически тут же мы оказались в опасности.

Местная звезда оказалась огромным пульсирующим огненным сгустком, докашливающим свои последние несколько миллионов лет жизни. Раздутый и утративший сферическую форму, этот сгусток пылал зловещим розовым светом, вырывавшимся из-под черной корки

остывающих областей. Меж тропных
пятен остывающей поверхности кружили
и вспучивались протуберанцы,
срывающиеся брызгами звездной материи
и отлетающие к внешним границам
системы. Из чудовищной звезды выходила
огромная колонна исторгаемого ею
раскаленного газа. Длинной она была
практически в световой год. Казалось, что
в тяжкий сгусток светила кто-то воткнул
огромную сверкающую иглу.

Как только мы вышли в заданной
точке, на мостике завизжали сирены.
Уровень излучения за бортом зашкаливал,
а наш корабль дрожал и покачивался в
волнах раскаленного звездного мусора. Вся
система кишела грейфующими
радиоактивными осколками, магнитными
аномалиями и пылевыми облаками,
исторгающими из себя огонь и обломки
материи. Вакuumные щиты были
включены, но они не могли уберечь от
всего этого бардака.

Максилла ничего не говорил, но
напряженно морщил лоб, проводя
содрогающийся «Уссин» по ненадежному

фарватеру, уворачиваясь от
гравитационных ловушек и
радиоактивных стержей.

--- Здесь все разваливается на части, ---
произнес перепуганный Эмос, взглядывываясь
в главный проекционный экран и
стремительно проносящиеся по нему
цепочки информации. --- Вся эта
проклятая система на грани краха.

--- Есть какие-нибудь следы? ---
прокричал я Максилле.

--- Мы должны сидеть прямо на их
хвосте. Они прошли тут только полдня
назад, не больше. Проклятые помехи.
Подожди...

--- Что?

Мне не удалось расслышать его
ответ --- снова завыла сирена..

--- Повтори!

Максилла выключил аварийное
оповещение. Тряска и грохот продолжались,
и теперь мы могли слышать, как стонет
и скрипит корпус «Уссина». Капитан
указал на экран, отражавший сенсорные
операции судна.

--- Я собираю вместе следы их

двигателей и гравитационное смещение, но в этих условиях действительно сложно их считать с точностью. Там... -- он постучал по экрану пальцем затянутой в перчатку руки, -- это, без сомнения, след двигателей, но как бы ты объяснил это?

Я покачал головой:

-- Я не настолько разбираюсь в навигации.

-- Они разделились, -- сказал Мугас, заглядывая мне через плечо. -- Большая часть отошла назад, возможно удалась от системы на безопасное расстояние, а меньшая, главная группа продолжила свой путь. Пять кораблей... самое большее -- шесть.

-- Мне тоже так показалось, -- согласился Максилла. -- Разделение флота. Думаю, что они просто не хотели рисковать своими тяжелыми кораблями.

-- Даже догадываюсь почему, -- пробормотала Биквин, вглядываясь в бурлящее неистовство на главном дисплее.

-- Забудь о тех, что отошли. Следуй за ведущей группой, -- сказал я.

-- Я бы советовал... -- начал

Максилла.

--- Сделай это!

При помощи навигационных сервиторов он выверил курс «Уссина» и отправился по следу двигателей меньшей группы, углубляясь внутрь системы.

--- Там! Там, смотри! --- внезапно закричал Тобиус, подрегулировав дублирующий дисплей, чтобы увеличить и улучшить изображение.

Несмотря на расстояние, нам удалось рассмотреть пробитый корпус имперского крейсера, дрейфующего в ореоле медленно рассеивающейся энергии.

--- Определенно, это один из кораблей Эстрёма. Пробило метеоритным дождем. Они оказались в беде в тот же миг, как вошли в систему.

«Уссин» снова согрознулся.

--- А что насчет нас? --- спросил я.

Максилла посоветовался с Бетанкором. Судно еще раз сильно трянуло, и основное освещение на мгновение погасло.

--- Нам необходимо убежище, --- искренне произнес Максилла.

Судя по показаниям сбившихся,
работающих в чрезмерно тяжелых
условиях датчиков «Уссина», система
включала в себя пятнадцать планет и
миллионы обломков того, что некогда
было планетам. След двигателей нашей
«дичи» вел к третьей по величине
планете. Это был паршивый, изрытый,
полуразрушенный шар с жалкими
остатками окружающей его синеватой
атмосферы. Северное полушарие
покрывали чудовищные воронки ---
следствие падения метеоритов.
Некоторые удары оказались столь
сильными, что прорвали даже мантию и
обнажили бледно-красное ядро, из-за чего
планета стала напоянать проломленный
череп. Прямо на наших глазах над
выжженными континентами растекались
пятна рассеянного света, когда по
поверхности били новые метеориты.

Мы продвигались сквозь
содрогющуюся ткань пространства, мимо
кровавых лун и кудрявых пылевых облаков.
Нас задело широким потоком пылающей
звездной материи, сбивая корабль с курса и

кидая в его щиты серебристые глыбы из
катня и льда.

--- Это безумие! --- закричал Фишиг. ---
Они не могли лететь сюда! Это верная
смерть!

Максилла посмотрел на меня, как
будто надеясь, что я соглашусь с
исполнителем и прерву полет ради
спасения «Уссина».

--- Уверен относительно их следов?

Максилла, вцепившись в
подлокотники, сглотнул и кивнул.

--- Спускайся вниз и ищи на теле
планеты любое укрытие, какое она может
нам предоставить. Прежде чем убираться
отсюда, мы должны хотя бы убедиться,
что они мертвы.

Спуск занял двадцать минут, ни одна
из которых не гарантировала наступления
следующей. Я собирался воспользоваться
этим временем, чтобы заставить
Ловинку или астронавтов Максиллы
проверить, приближается ли оперативная
группа с Гудрун, отправившаяся по моему
запросу, чтобы встретиться с нами здесь.

Но это оказалось невозможно.

Пространственные помехи заглушали астронавтические сигналы.

Я выругался.

Мы круто спустились к темной стороне израненной планеты. Под нами, на беспощадной кратерами земле, распускались огненные цветы, а в океанах бушевали алмазные бури. Полет оставался трудным и неприятным, несмотря на то что теперь между нами и бушующим в конвульсиях солнцем оказалась планета. Через секунду после начала спуска мы увидели останки еще одного расколотого и уничтоженного корабля из флота Эструма. Мир смерти. Система смерти.

--- Наши враги, должно быть, совершили ошибку, --- сказал Эмос, держась за край пульты, чтобы сохранять равновесие. --- Не может здесь быть сарути. Если они когда-либо и населяли эту систему, то должны были давно покинуть ее.

--- И тем не менее, --- возразил я, --- передовая группа флота еретиков продолжает свой путь с великим

упорством и целеустремленностью.

«Уссин» продолжал спуск, подходя к телу планеты ближе, чем когда-либо. От атмосферы оставались только жалкие остатки, и Максилла смог подойти почти вплотную к неровной поверхности, сдвигаясь едва ли не в десяти километрах над голыми камнями. Мимо нас промчался табун метеоритов.

— А это еще что? — спросил я.

Максилла подрегулировал сенсоры и разрешение дисплея. Перед нами в коре планеты открывался зев огромной раны, в тысячу километров шириной. Глубокий разлом обрамлялся скалистым отвалом.

— Датчики не могут определить. Подобное могло образоваться от столкновения с метеором?

— Возможно, если метеор шел по касательной, — сказал Эмос.

— Они прошли мимо или внутрь? — спросил я.

— Внутрь? — недоверчиво переспросил Максилла.

— Внутрь! Они отправились внутрь?

Эмос заглянул через сервитора на

показания сенсоров:

--- След двигателей здесь угасает и пропадает. Либо они просто испарились в этом месте, либо действительно отправились внутрь.

Я посмотрел на Максиллу. «Уссин» еще раз дернулся, угодив в гравитационную яму, и на мостике опять на секунду погас свет.

--- Это судно предназначено для полетов в межзвездном пространстве, --- мягко ответил кораблевладелец, --- но никак не для посадки на планету.

--- Знаю, --- ответил я. --- Но то же самое можно сказать и про их корабли. Ум известно больше нашего, и они отправились внутрь.

Покачивая головой, Максилла направил «Уссин» в огромную рану на теле планеты.

Разлом внутри был темным и безграничным, если верить сенсорам, хотя, на мой взгляд, сенсоры стали просто бесполезны. Далеко внизу под нами тьму разгоняло тусклое красное свечение. Дикая тряска прекратилась, но корпус все равно

продолжал громко жаловаться на перегрузки.

Нам показалось, что мимо нас пронеслась какая-то конструкция, а за ней вторая и третья. Четвертая успела отразиться на дисплее прежде, чем мы проскочили под ней: угловатые ворота и арка, восемьдесят километров в поперечнике. За ней на нашем пути вырастало все больше и больше таких же, словно мы летели внутри чьей-то огромной грудной клетки.

--- Восьмиугольники, --- произнес Эмос.

--- И к тому же неправильные, --- добавил я.

Среди арок-ребер не было ни одной идентичной пары, но все они демонстрировали схожую форму и отсутствие симметрии, что немедленно заставило подумать о сарюти.

--- Они не могут быть естественного происхождения, --- сказал Максилла.

Мы проходили сквозь циклопические ворота. Их было там многие дюжины.

--- Источник света прямо по курсу, --- объявил сервитор.

В чередѣ восьмиугольных арок далеко
впереди появилось тускло-зеленое,
туманное свечение.

--- Продолжаем? --- спросил Максилла.
Я кивнул:

--- Отправь на поверхность
сигнальный дрон.

Через мгновение на дисплее заднего
вида показался маленький дрон-сервитор,
пробивающийся по широкому туннелю
обратно к поверхности и потигивающий
сигнальными огоньками.

Мы прошли мимо последней арки.
Корабль снова затрясло.

А потом мы влетели прямо в свет,
мягкий, бледный, зеленый свет.

Казалось, что вокруг нет ничего.
Только туманный зеленый свет и ковер
тонких облаков под нами.

Тряска прекратилась. Корабль
остановился.

Атмосфера в этом месте --- логика
не хотела вспоминать, что мы находимся
под корой планеты, --- была разреженной и
недвижной и скорее всего представляла
собой аттиачный газ. Никому из нас не

удавалось понять, откуда исходит люминесценция и почему «Уссин» мягко встал на гравитационный якорь в этой безмятежной тишине. Как и говорил уже Максилла, наше судно не предназначалось для трансатмосферных полетов, и его невозможно было стабилизировать в такой близости от поверхности без риска получить серьезные повреждения.

Но, судя по показаниям систем, «Уссин» чувствовал себя вполне счастливым, после того как выдержал суровый звездный шторм КСХ-1288 и добрался до этой безопасной гавани.

Ущерб следовало признать незначительным, из строя вышли всего две бортовые системы. Многие сенсоры словно ослепли и передавали только странное, мертвое эхо. На судне остановились все хронометры, кроме двух, пошедших в обратную сторону.

Бетанкор и Максилла изучили искаженные показания приборов и пришли к выводу, что за облачным покровом лежит некая твердь. По приблизительным оценкам, она находилась в шести

километрах под нами, хотя в этом странном, туманном месте оказалось трудно сказать что-нибудь с определенностью.

Если еретики Гло и отправились сюда, то не оставили никаких следов. Но если учесть, в каком ужасном состоянии находились наши сенсоры, их корабли могли поджигать прямо за облачной завесой.

Вскоре наш боевой катер отделился от «Уссина» и спустился в облака. Все мы оделись в вакуумные костюмы, позаимствованные из запасников Максиллы. Ловинк, Фишиг, Эмос и я неуклюже шаркали по кают-компании, привыкая к ним.

Биквин сидела рядом с Бетанкором в кабине, наблюдая, как он заходит на посадку. Они тоже влезли в позаимствованные скафандры, а Елизавета заколола волосы, чтобы они не мешали обзору.

--- Доброй охоты, инквизитор, --- проотрещал вокс голосом Максиллы.

--- Он ведь тоже будет там, внизу? ---

спросила Биквин, и я понял, что она имеет в виду Мандрагора.

--- Скорее всего. И он... и всякое прочее.

--- Ну ты же слышал, что сказал Понтиус, --- ответила она.

Еще бы я не слышал. Некротек. Такие слова не забываются.

У Елизаветы ушли недели, чтобы втереться в доверие к нашему бестелесному пленнику и разыграть роль разочаровавшегося в нас предателя. Я не был уверен, что у нее получится, но она выполнила эту работу с блеском, прекрасно разыграв свою роль. Мы рисковали, позволяя ей в одиночку встречаться с Понтиусом. Но Биквин уверила меня, что может сделать это, и не ошиблась.

Некротек... Если Понтиус Гло говорил правду, то наше дело приобретало еще большую безотлагательность. Мне хотелось знать, какая великая ценность так активизировала деятельность наших врагов, заставила их идти на серьезный риск и многочисленные жертвы. Теперь у меня был ответ. Легенды гласили, что

последняя копия этой жуткой книги была уничтожена несколько тысячелетий назад. Но похоже, каким-то образом в стародавние времена одна из копий попала в руки сарүти. И теперь ее собирались выкупить еретики Гло.

Мы прошли сквозь облака и увидели внизу землю. Обширное, холмистое и покрытое пылью пространство огибало то, что казалось морем. Наполнявшая его жидкость пенилась и обрывалась у изогнутого берега в сотню километров длиной. Все вокруг имело бледно-зеленый оттенок, купаясь в сиянии, проходящем сквозь дымку облаков. Все выглядело слегка размытым, словно в тумане, и не имело резких очертаний. Это место казалось бесконечным, одноцветным, замедленным. Возникало утиротворенное, воздушное чувство, которое одновременно и успокаивало, и нервировало. Казалось, что даже волны моря катятся как-то вяло. Мне вспомнилось побережье в Тралито, на Кэйлүн-Н, где я провел лето, оправляясь от травм, полученных в прежние годы. Бесконечные лиги слюдяных дюн,

спокойного моря и ароматного туманного воздуха.

--- Каковы размеры? --- обратился я к Мидасу.

--- Чего именно? --- спросил он в ответ.

--- Этого... места.

Он указал на приборы:

--- Не могу сказать. Сотня километров, может две-три... тысяча.

--- Ну должны же у тебя быть хотя бы приблизительные данные!

Он оглянулся на меня с немого нервной улыбкой:

--- Системы говорят, что окружающее нас пространство бесконечно. И никаких предметов поблизости. Что, конечно, невозможно. Так что я думаю, приборы вышли из строя. Впрочем, я им все равно не доверяю.

--- Как же ты тогда летаешь?

--- Полагаясь на собственное зрение... ну и на показания той части тела, на которой сижу. Решай сам, чему верить больше.

Мы следовали вдоль плавного изгиба бесконечного залива около десяти минут.

Наконец, однообразный и безликий пейзаж освежили новые детали.

В нескольких сотнях метров от линии прибоя вырастал из песка и бежал параллельно воде ряд восьмиугольных арок. Каждая была шириной приблизительно пятьдесят метров, но в остальном они являлись близнецами тех арок, сквозь которые Максилла вел «Уссин». Арки уходили в зеленый туман, насколько хватало глаз.

--- Сажай здесь.

Когда боевой катер опустился на мягкий мелкий песок в полукилометре от берега, мы загерметизировали шлемы и высадились.

Свет оказался ярче, чем я ожидал, --- иллюминаторы катера были затонированы, --- и нам пришлось надвинуть на лицевые щитки еще и световые фильтры из коричневого стекла.

Ненавижу вакуумные костюмы. Это постоянное чувство глухоты и скованности, это затрудненные движения, это звук собственного дыхания в ушах, это спорадическое пощелкивание вокса.

Скафандр загляшал все наружные звуки, кроме хруста моих шагов по тонкому сухому песку.

Рассредоточившись, ты пошаркали к воде. Все, кроме Эмоса, были вооружены.

Перед нами возникло нечто, что напоминало море. Зеленая вода с белыми барашками на волнах.

--- Жидкий аттиак, --- сказал Эмос.

Его голос сопровождало тихое потрескивание вокса.

Было что-то странное в этом месте.

--- Ты видишь это? --- спросил он.

--- Что именно?

--- Волны отходят от берега.

Я посмотрел снова. Это было настолько же невозможно, насколько и очевидно. Жидкость не накатывалась и разбивалась о берег, она вытягивалась из него и убежала в море.

Это пугало. Так просто. Так неправильно. Моя самоуверенность трещала по швам. Захотелось скинуть с себя вызывающий клаустрофобию скафандр и закричать. Что я обязательно и сделал бы, если бы не ярко-красный огонек

атмосферного анализатора на левом
рукаве.

Что там рассказывал Максилла? Сарүти изводили экипаж «Прометеева огня»? На какое-то мгновение я заподозрил, что такое ненормальное поведение моря было результатом работы этих ксеносов, — хотя как такое может быть? Но я понял, насколько тревожное состояние должны были испытывать здесь люди.

Фишиг и Бетанкор приблизились к первой из арок. На фоне несимметричного строения они казались карликами. Следующая арка в ряду находилась от первой на расстоянии около трехсот метров, и на первый взгляд расстояние между всеми ими везде было одинаковым. Насколько я мог судить, каждая из арок была асимметричной как-то по-своему, хотя размеры и пропорции оставались идентичными.

Биквин опустилась на колени рядом с берегом, осторожно раскапывая песок рукавицей. И нашла там деталь, весьма обеспокоившую нас в тот момент.

Под несколькими сантиметрами

песка землю покрывали плитки. Мозаика из неправильных восьмиугольников, точно таких же, как и те, что мы видели в шахте Северного Квалма. И опять, несмотря на свою асимметричность, они каким-то непостижимым образом были идеально подогнаны друг к другу.

И чем больше песка отбрасывала Биквин, тем больше плиток представало нашим глазам.

— Остановись, — сказал я. — Не думаю, что для нашего рассудка полезно выяснять, покрывают ли они все побережье.

— Неужели все это... искусственное? — спросила она.

— Этого не может быть, — сказал Эмос. — Возможно, что плитки и арки — просто часть некоего давно оставленного строения, которое потом поглыло и занесло пылью... из-за... из-за...

Звучало не слишком убедительно.

Подойдя к Фишигу и Бетанкору, я встал рядом с ними, разглядывая первую арку. Она была изготовлена из того же странного, неведомого металла, который мы встречали на Дамаске.

--- Так что же мы знаем об их предназначении? --- спросил Фишиг.

--- Ну, мне крайне неприятно объяснять очевидное, --- откликнулся Эмос с берега, --- но последний виденный нами ряд указывал на хорошо выверенную дорогу, которая привела сюда «Уссин». Может быть, стоит предположить, что и у этих арков то же предназначение?

Я шагнул под сень гигантской арки и скомандовал:

--- Пошли.

По моей оценке, мы шли приблизительно двадцать минут. Определить точнее было невозможно --- наши хронометры вышли из строя. Вскоре мы стали слышать галеккий повторяющийся шум --- низкие, почти инфразвуковые раскаты, похожие на удары грома. Доносились они издалека, из-за моря. Во всяком случае, нам так казалось. Гул раздавался каждые полминуты, или около того. Наступали долгие промежутки тишины, и, когда нам уже начинало казаться, что звук уже не повторится, он раздавался вновь. Так же

как и хруст собственных шагов, мы слышали его сквозь скафандры даже при выключенных переговорниках.

Я связался по воксу с Максиллой:

--- Ты это слышишь?

Ответ пришел не сразу. И весьма удивил меня. Сквозь потрескивания помех вдруг отчетливо прорвался голос Максиллы:

--- ... как скажешь, Грегор, но это будет нелегко. Повтори, что ты говорил о фишиге?

--- Максилла! Повторя... --- начал я, но его голос продолжал звучать поверх моего.

Это не был ответ. Я просто перехватил разговор. Я почувствовал, как по моей спине побежали мурашки.

Шум статики.

--- Передай Елизавете, что я с ней солидарен! Ха! Все стихло.

Я оглянулся на остальных. Плохо различимые лица, смотревшие сквозь тонированные коричневые панели шлемов, сделали их похожими на призраков.

--- Что за дьявольщина? --- пробормотал я.

--- Эхо? --- прошептал Эмос. --- Какая-то аномалия в эфире, вызванная атмосферными помехами или...

--- Этого разговора никогда не было.

Над мягко освещенным берегом разнесся очередной раскат грома.

Еще примерно через двадцать минуты мы прошли под аркой, неожиданно оказавшейся последней. Остановились. Земля перед нами поднималась теперь более круто, образуя холмы и невысокие горы. Ландшафт стал более мрачным и неприветливым. Вездесущее сияние притупилось, и небо окрасилось в темно-зеленый цвет, переходящий в черноту над холмами.

--- Ух... было больше! --- воскликнул Фишиг. --- Больше арок!

Он был прав. Большая часть восьмиугольной анфилады исчезла, как только мы прошли через последнюю арку. Я шагнул назад, надеясь, что недостающие арки появятся снова, когда я окажусь с другой стороны. Этого не произошло. Раскаты грома стали слышны отчетливее.

Мы двинулись к холмам. В наших
воксах время от времени свистели
статические разряды.

--- Передачи, --- произнес Ловинк,
поиграв с частотами. --- Настроить не
получается, но кто-то переговаривается.
Армия. Общение двустороннее.

Возможно, это были наши беглецы.

--- Смотрите! --- воскликнул
Бетанкор.

Между берегом и ребрами
восьмиугольных арок под облаками зависли
зловещие, темные очертания трех
кораблей. Два имперских фрегата и
старое, нестандартное торговое судно
покоились на антигравитационном якоре.

--- Почему мы не увидели их, когда
проходили мимо?

--- Не знаю, Мидас. Я больше ни в чем
не уверен.

Я обернулся к остальной группе и
увидел, что мой архивист отстегивает
шлем.

--- Эмос!

--- Не беспокойся, --- ответил он,
снятая шлем.

Широкий металлический ворот скафандра делал Эмоса похожим на черепаху, высунувшую шишковатую голову из панциря. Он поднял левую руку, демонстрируя атмосферный анализатор. Огонек стал зеленым.

--- Атмосфера идеально подходит для человека, --- сказал архивист. --- Немного прохладно и слишком стерильно, но совершенно безопасно.

Все сняли шлемы. Лицо пощипывал холодный воздух, но освободиться от этой кастрюли на голове оказалось приятно. В воздухе не было запахов. Вообще не было. Ни соли, ни аммиака, ни даже пыли.

Мы помогли друг другу приторочить шлемы к рюкзакам. Раскаты грома, которые теперь не резонировали в шлеме, стали более глухими и отдаленными. Мы могли слышать шаги и дыхание друг друга, плеск океана. Неожиданно я почувствовал запах духов Биквин. Это привело меня в себя.

Мы зашагали дальше, медленно поднимаясь по склону. Освободившись от шлема, я понял, что причиной столь

небыстрого продвижения являлись не только скафандры. Почему-то трудно было оценивать расстояние и размеры предметов. Почти постоянно кто-нибудь спотыкался. Все вокруг было в корне неправильным.

Мы наткнулись на них внезапно. Единственным предупреждением стал резко оживший вокс. Динамики, встроенные в наши вакуумные костюмы, заработали одновременно.

--- Безом! Пошевеливайтесь! Второй сектор!

--- Где вы? Где вы?

--- Укрыться слева! Это приказ! Укрыться слева!

--- Они сели мне на хвост! Они сзади, и я с...

Резкое шипение статики.

Впереди с темных холмов и склонов бежали солдаты. Имперские гвардейцы, облаченные в красную с золотом броню. Гудрунские стрелки.

--- В укрытие! --- приказал я, и мы спрятались среди высоких дюн, вытаскивая оружие.

Их было человек шестьдесят или даже больше, они торопливо спускались с верхних склонов, рассредоточившись. Если быть точным, в их передвижениях не было никакого порядка. Они спасались бегством. Офицер, бегущий примерно посредине группы, что-то выкрикивал и размахивал руками, но люди игнорировали его. Многие были без шлемов и безоружны.

Еще через секунду на вершине холма появились и их преследователи, и сразу же повели огонь по беглецам. Три черных бронированных «спидера» с эмблематикой военно-костической службы безопасности и следующая за ними цепочка из тридцати солдат, одетых в черные доспехи и дисциплинированнодвигающихся в строгом порядке широкой цепью. Они стреляли из хеллганов в спину убегающим новобранцам. «Лэндспидеры» шли на малой высоте, заливая склон огнем тяжелых орудий. В местах попаданий вырастали столбы пыли и, падали искалеченные тела людей. Еще секунда, и все три «Лэндспидера» пролетели мимо нас на высоте человеческого роста, проскочив до

тора, а потом развернулись, чтобы совершить еще один заход.

Некоторые гугруниты пытались отстреливаться, и я увидел, как один из солдат преследователей споткнулся и упал. Но в действиях бегущих не было согласованности, не было контроля.

--- Какого черта! Мы что, так и будем прятаться? --- прошипела Биквин.

--- Они скоро обнаружат нас, --- заявил Фишиг, передергивая затвор своего тяжелого стаббера.

Шансы наши были, мягко говоря, невысоки, а я после инцидента на «Уссине» испытывал болезненное отвращение при виде черных солдат.

Но тем не менее...

Я извлек тяжелый автоматический пистолет и бросил его Эмосу, отстегивая от рюкзака лазерный карабин. Биквин вытащила свою пару лазерных пистолетов. Ловинк и Мугас уже сжимали в руках оружие --- лазер и главианский угольный карабин соответственно.

--- На вас пехота, --- сказал я Фишигу.

Ловинку и Биквин. — Эмос... Ну, что сможешь, то и сделай. Мугас, ты с тобой займется летунати.

Мы переползли через дюну попластунски, а затем встали и открыли огонь. Огромная и дуроломная пушка фишига вспорола ближайший холм и подняла тучу пыли, прежде чем ему удалось ее уравновесить. Следующей очередью он стал трех солдат преследователей.

Равкнул лазган Ловинка, а следом раздалась нерешительные одиночные выстрелы — Эмос применил-таки пистолет по назначению.

Биквин же была бесподобна. По виду тому, она с большой пользой провела эти тридцать недель перелета, и Мугас, судя по всему, ответственно подошел к ее тренировкам. Сжатая по лазерному пистолету в каждой руке, она проорала какой-то боевой клич и меткими выстрелами уложила двоих противников.

Солдаты еретиков поняли, что ситуация переменилась, и их безжалостное наступление

приостановилось. Безство гудрунитов тоже затеделилось, и некоторые из них, включая офицера, развернулись и вступили в бой с предателями. Я рассчитывал на это. В одиночку нам было бы не справиться. Я очень надеялся, что наше неожиданное вмешательство воодушевит верноподданных гвардейцев.

Однако многие продолжили бежать.

На каменной гряде началась яростная перестрелка между чернопанцирными предателями и остелевшими новобранцами-гудрунитами. Ловинк, Фишиг, Эмос и Биквин двинулись к ним на помощь.

«Лэндспидеры» заскользили обратно, толкая по окрестностям оружийным огнем.

Бетанкор опустился на одно колено, поднял свое экзотическое оружие и выстрелил. Длинный ствол карабина вздрогнул и издал приглушенный визг. В ближайший, пронесившийся мимо нас «спидер» вонзились разрывные иглы, и машина разлетелась на части.

На песок посыпались пылающие

обломки.

Я взял второго летуна в прицел лазгана. «Лэнгспидер» разворачивался, натереваясь атаковать нас, и был вынужден сбросить скорость. Я выпустил очередь лазерных росчерков. Некоторые прошли мимо, некоторые попали в цель, но серьезного вреда броне не причинили. Враг ответил очередями из тяжелых орудий. В мою сторону устремились фонтанчики песка. Но когда «Лэнгспидер» почти полностью развернулся, мне удалось застрелить пилота через лобовое стекло.

Все еще продолжая стрелять, «спидер» клюнул носом и ударился о берег в пятидесяти метрах за моей спиной. Потом он подпрыгнул, разваливаясь на куски, ударился снова и врезался в волны.

Третий «спидер» развернулся и сумел совершить еще один налет, убив шестерых бегущих гудрунитов, которые на песке представляли собой легкие мишени. Мидас снова навел свой карабин и выстрелил, когда «спидер» проносился рядом. Но промахнулся. Он выстрелил снова, и задняя часть машины загорелась.

«Спидер» продолжал идти прежним курсом — к морю. Я понятия не имею, что Мидасу удалось поразить — людей, систему управления, — но только машина продолжала лететь вперед и вперед, пока не скрылась из виду.

Мы погнались на склон, к тому времени уже захваченный гугрунитам. Люди были грязны и устали, и среди них не оказалось никого старше двадцати пяти. Они взбодрились, увидев нас и тот урон, который мы причинили, решив, вероятно, что мы только часть большого спасательного отряда.

Вершину гряды продолжали удерживать последние солдаты противника. На них наступал Фишиг в сопровождении дюжины гугрунитов, стремившихся прикончить своих недавних преследователей.

Сражение на гряде продолжалось пару минут. Фишиг потерял двоих отправившихся с ним гугрунитов, но сделал все возможное, чтобы никто из чернопанцирников не выжил. Мне подумалось, что в тот день, когда Фишиг

вступил в правоохранительные органы, армия лишилась превосходного солдата.

Я искал глазами офицера гудрунских стрелков, пока его люди опускались на землю, утомленные преследованием и неожиданно пришедшим спасением. Некоторые плакали. Все выглядели испуганными. Дым сражения медленно скатывался со склона в безветренном воздухе.

Офицер, сержант, оказался не старше, чем его люди. Похоже, он пытался отрастить бороду, но его мальчишеская физиономия совершенно не была к этому готова. Он отсалютовал мне раньше, чем я показал инсигнию. А когда я сделал это, он упал на колени.

--- Встать!

Он подчинился.

--- Я инквизитор Эйзенхорн. А ты?

--- Сержант Энил Джерүсс, второй батальон Пятидесятого Гудрунского стрелкового полка. Сэр, флот здесь? Они нашли нас?

Я поднял руку, пресекая вопросы:

--- Докладывай. Быстро и кратко.

--- Мы не хотели становиться частью происходящего. Нас приписали к фрегату «Страстный», и на его борту мы ожидали отправления. Когда наши корабли бежали с орбиты Гудрун, капитан сказал, что планета пала и нам надо передислоцироваться.

--- Капитан?

--- Капитан Эструт, сэр.

--- А потом?

--- Тридцать недель полета до этого места. Уже в момент прибытия мы поняли, тут что-то не так. Мы стали возмущаться и потребовали объяснений. Офицеры назвали это нарушением присяги, и несколько дюжин людей отправились в руки расстрельных бригад. Нам было предложено подчиняться приказам или умереть.

--- Небогатый выбор.

Он покачал головой:

--- Это правда, сэр. Именно поэтому я и решил вывести своих людей. Мы постарались незаметно отойти, пока они были заняты, и побежали, как только оказались там. Но они бросились в погоню.

--- А «там» --- это где?

Он махнул в сторону каменной гряды:

--- В темноте.

--- Расскажи мне, что ты видел, ---
сказал я.

Глава девятнадцатая

ДОКЛАД ДЖЕРУССА НА ПЛАТО

ИСТИННАЯ ПРИЧИНА

--- Я даже не знаю, на какой планете мы находимся, --- сказал сержант Джерусс. --- Нам этого не говорили. Впрочем, нам вообще мало что объясняли.

--- Насколько я знаю, у нее вообще нет названия. Продолжай.

--- Они высадили нас из кораблей на побережье в качестве сопровождения основной группы.

--- Сколько человек?

--- Более сотни солдат военно-полицейских сил безопасности и примерно три сотни гвардейцев.

--- Техника?

--- «Спидеры» вроде тех, что вы уже видели, и пара более тяжелых транспортных, предназначенных для

перевозки груза и основной группы.

--- Что тебе известно о них? Джерусс пожал плечами:

--- О грузе ничего. В основной группе были капитан Эструм и лорд Гло Гудрунский. Последний является известным аристократом с моего родного мира.

--- Я знаком с ним. Кто еще?

--- Еще несколько человек: торговец, экклезиарх и огромный, ужасный воин, которого они старались держать подальше от нас, простых солдат.

Это, без сомнения, был Мандрагор. А еще Даззо и Лок. Центральное звено клики Оберона Гло.

--- И что потом?

Джерусс указал на склоны темного, кажущегося неприступным нагорья:

--- Мы отправились туда. Мне показалось, что они знали, куда идти. Пока мы шли туда, все вокруг начало меняться. Стало темнее и теплее. Трудно было прокладывать путь, словно...

--- Словно что?

--- Никкак не получалось определить

расстояние. Иногда мы словно пробирались
через расплавленный воск, иногда с трудом
замедляли шаг. Некоторые запаниковали.
Потом мы нашли такие же
многоугольники, как и те, что здесь, на
пляже.

Он шел в виду арки, похожие на
ворота.

--- Таких рядов в горах было
множество. Они выглядели настолько
неправильными, что смущали сознание. У
казалось, что они меняют очертания.

--- Что ты имеешь в виду под
«неправильностью»?

--- Я не оканчивал офицерской школы,
но имею образование. И знаком с основами
геометрии. Углы этих многоугольников не
должны позволять сходиться сторонам, но
они сходятся.

Похолодев, я вспомнил, как Максилла
упоминал о «плохих» углах, а также
вспомнил о маркировке на табличке из
Дамаска.

--- Мы следовали по этим рядам,
проходя сквозь многоугольники. Экклезиарх
и торговец вели нас. С нами был и еще

...один человек, напоминающий техножреца.

--- Худощавый? С голубыми глазами?

--- Да.

--- Его зовут Малахит. Он принимал участие в выборе дороги?

--- Да, они подчинились ему несколько раз. Наконец мы вышли на плато. Очень высокое, просторное место, окруженное неровными каменными глыбами. Это плато явно искусственное. Оно выложено гладкими камнями, которые...

Он попытался передать их форму с помощью указательных и больших пальцев, но потом пожал плечами и оставил это занятие.

--- Другими невозможными многоугольниками?

Он нервно растеялся:

--- Да. Плато было огромным. Мы ждали там. Солдаты сгруппировались по краю, а главная группа и техника в центре.

--- А потом?

--- Мы прождали несколько часов. Точнее сказать не смогу, потому что все наши хронометры остановились. Затем

между нити завязалась какая-то ссора. Лорг Гло спорил с остальными. Мне показалось, что появился шанс. Я приказал своим людям готовиться. Нас было почти девяносто человек, все собрались и ждали возможности убежать. Все следили за переругивающимися руководителями. А когда тот огромный воин -- да спасет меня Бог-Император! -- начал орать, мы решили не медлить. Его рев нас окончательно достал. Мы ускользали с плато парами и тройками и убежали тем путем, которым пришли туда.

-- Они быстро обнаружили ваш побег?

-- Довольно быстро. И отправили за нами погоню. Остальное вам уже известно.

Я немного подождал, пока он приведет себя в порядок и соберет остатки своего отряда. В живых осталось около тридцати стрелков, все они были напуганы, а четверо еще и ранены. Это он оказывал им посильную помощь.

Я обратился к солдатам:

-- Отказавшись подчиняться приказам предателей, вы хорошо послужили Императору. Люди, которые

привели вас сюда, — еретики, и вся их
затея преступна. Я здесь, чтобы
остановить их. Мне необходимо
немедленно продолжить свою
миссию. Не стану обещать безопасности
никому, кто пойдет за мной, но если вы
так поступите, то окажете должное
почтение Императору. Ему нужна наша
служба здесь и сейчас. Если вы верны
присяге, которую приносили Империи,
вступая в ряды Гвардии, то не станете
колебаться. Не найти более важной битвы,
в которой вы можете отдать свои жизни.

В ответ я получил десятки
снисходительных, испуганных взглядов и
несколько одобрительных шепотков. Но они
ведь были всего лишь новобранцами, а
некоторые и вовсе просто мальчишками,
которых первый же поход забросил в самое
настоящее безумие.

— Соберитесь с духом и помните, что
в этом деле на вашей стороне сам
Император. Не будет преувеличением
сказать, что будущее Империи
находится в наших руках.

Одобрительный ропот усилился. Эти

люди не были трусами. Они просто нуждались в цели и понимании того, что сражаются за благое дело.

Я кратко прошептал кое-что Фишигу, и тот немедленно поднялся на холм и запел «Умперское кредо», песню преданности, гимн, известный каждому ребенку в Умперии. Гудруниты с радостью подхватили слова. Это сплачивало и воодушевляло их.

Однако гул разрывов продолжал прокатываться над побережьем.

С помощью Бетанкора я снимал с оставших оружие и оборудование. Вокруг валялось достаточно стволов, чтобы снабдить всех оставшихся лазганати и хеллганати. А заодно нам удалось добыть три неповрежденных комплекта униформы военно-костических сил безопасности.

Я вылез из своего тяжелого скафандра и начал натягивать полированную черную броню. Мугас попытался последовать моему примеру, но оказался слишком худощав для тяжелого обмундирования.

В броню мы засунули Фишига, а

чтобы не пропадал третий комплект, переодели крепкого гудрунита из группы Джерусса — капрала по имени Тван.

— По какому каналу передаются команды у гудрунитов? — спросил я Джерусса, настраивая вокс в своем шлеме.

— Бета-фи-бета.

— Если учесть тех, кто остался на плато, сколько еще может встать на нашу сторону?

— Могу поручиться за всех гудрунских стрелков. Без сомнения, подразделение сержанта Креддона.

— Тогда твоя задача — сплотить их вокруг нас, когда мы проникнем внутрь. Я дам сигнал.

Он кивнул.

Мы оставили раненых на берегу, постаравшись устроить их как можно удобнее, и стали подниматься в горы.

Как и рассказывал Джерусс, вокруг быстро становилось теплее и темнее. В гладкий черный госпех была встроена система охлаждения, но и она не помогала. К тому же на нас давила «неправильность» окружающего. Трудно было сделать и шаг.

не споткнувшись.

Мы добрались до первой арки, и Джерусс повел нас под ней. Правильность выбранного пути подтверждали следы ног и колеи, оставленные транспортерами в тугой пыли.

Мы поднимались на темные и неприступные холмы, вздымавшиеся под трагичными небесами. Впереди виднелись несколько анфилад, иногда они пересекались. Мы были сбиты с толку. Иногда казалось, что мы входим под одну арку, а выходим из-под другой в соседнем ряду. Следы никогда не петляли и не прерывались, но казалось, что мы перепрыгиваем из одного ряда проходов в другой. Углы арок, как и рассказывали Джерусс, оказались геометрически невозможными.

--- Думаю, --- спокойно сообщил Эмос, пока мы продвигались по следу, --- асимметричность наблюдается во всех деталях и измерениях.

--- В смысле?

--- В трех измерениях, которые можно увидеть, и в четвертом --- времени.

Измерения растянуты и исковерканы. Возможно, случайно. Возможно, чтобы поиздеваться над нами. Возможно, с какой-то другой целью. Но полагаю, именно поэтому все вокруг и кажется перекрученным и неправильным.

Наконец мы добрались до места, которое Джерусс называл «плато». Это оказалась насыпь с плоской вершиной, примерно километр в поперечнике, выложенная все той же ненормальной восьмиугольной плиткой. Склоны насыпи уходили в пыль, а площадку окружали неровные коричневые пики и утесы. Небо над ней было темным и звездным.

С нашей стороны плато у самого края в ожидании сидели несколько сотен человек. Я мог чувствовать их напряжение. Больше половины составляли гудрунские стрелки; все остальные были из сил безопасности. Группки солдат поменьше стояли упорядоченными рядами в центре плато, охраняя два транспорта военно-костических сил, в которых находились пассажиры, и пару пустых «Лэндспидеров». Ящики сгрузили с

транспортёров и поставили горой на мозаичной поверхности.

В дальней стороне плато в окружавшие его скалы уходила анфилада арок.

Мы залегли в укрытии, ожидая и наблюдая.

После бесконечного ожидания в дальней части плато наметилось какое-то шевеление, и из анфилады восьмиугольников отделились шесть человеческих силуэтов. Даже с такого расстояния я мог сказать, что это Даззо и Малахит, с четырьмя солдатами военноконтинентальных сил безопасности в качестве сопровождения. Они шли быстро, подавая какие-то сигналы основной группе, стоявшей у машин. Все солдаты, располагавшиеся у края, поднялись на ноги.

Из-под арок вышли и другие существа. Поначалу их не удавалось рассмотреть — просто серые пятна, не обладающие человеческим обликом и совершающие непонятные движения.

Я вынул подзорную трубу и направил на них, осторожно подгоняя увеличение.

Так я и увидел сарүти впервые.

Насчитать удалось девятиерых. Они
напоминали то ли пауков, то ли
ракообразных, -- впрочем, любое сравнение
было весьма условным. От их плоских
серых тел исходило по пять опорных
конечностей, чьи центральные суставы
поднимались выше горизонтально
расположенного туловища. Ни в
расположении, ни в движении конечностей
не наблюдалось какой-либо симметрии. Их
торопливые шаги выглядели странно, не
позволяя обнаружить какую-либо
последовательность или закономерность.
От одного их вида становилось тревожно.
Каждая конечность завершалась посохом
из полированного серебристого металла.
Жезл, сжатый в пальцах каждой лапы,
поднимал тварей еще примерно на метр.
Металлические шины жезлов так звонко
клацали по твердой плитке, что я мог
слышать этот звук, несмотря на
приличное расстояние. Сплюснутые головы
сарүти покоились на толстых гибких
колоннах, выпирающих из тел. На
вытянутых черепах не было ни глаз, ни

ртов, хотя что-то вроде ноздрей можно было разглядеть. Ноздри тоже располагались несимметрично.

Короче, это были омерзительные твари, слишком продолжительное созерцание которых вызывало приступ морской болезни. Каждое из этих созданий, покрытых блестящей серой шкурой, оказалось в два раза крупнее человека.

Со стороны дождающихся людей слышались встревоженные крики. У некоторых солдат сдали нервы, и они побежали с плато прочь, оскальзываясь и воя.

Девять сарүти зацокали, выходя из под арок на открытое пространство и располагаясь полукругом перед Даззо и Малахитом. Я увидел, как Оберон Гло, Горгон Лок, Эстрүт и чүдовищный Мандрагор вылезают из машин и присоединяются к своим товарищам.

Должен признаться, что к тому времени и у меня нервы были на пределе и страх колючим комком ворочался у меня в груди. Мне не раз приходилось сталкиваться с настоящим ужасом, и сам

по себе он меня не пугает. Да и не было, если разобратся, в этих существах ничего по-настоящему страшного. Только необычность, едва ли большая, чем испуганный инквизитор-пуританин. Если оставаться объективным, то они были потрясающими, удивительными созданиями, спокойными и почти величественными.

Мой страх произрастал из какого-то более глубокого внутреннего инстинкта. Так же как и в окружающем нас мире, в каждой детали их внешнего облика, в каждом движении сквозила «неправильность». Каждая цокающая конечность, каждая колеблющаяся голова выдавала их нечестивую природу. Мне только сейчас стало понятно, насколько необходима нам симметрия и насколько пугает ее отсутствие. Твари выглядели деформированными с точки зрения любой эстетической концепции. Их тела и конечности казались такими же невозможными, как и плитка, и арки, углы которых не должны были позволять сходиться сторонам.

Меня трясло от страха. Я посмотрел на своих спутников и увидел страх и на их лицах. Ужас, отвращение, неверие.

Мою жизнь и рассудок спас Эмос. Он, и только он один в изумлении смотрел на сарүти, и на его старческом лице светилась озадаченная улыбка интеллектүального восторга.

— Очень странно, — услышал я его бормотание.

Эта простая реплика заставила меня рассмеяться.

Стех никак не мог отразиться на моем лице, но вытеснил собою колющий ком в груди. Ко мне вернулись уверенность в своих силах и решимость. Жестом я велел Фишигү и капралү Тванү подойти ко мне и проверил, что Биквин, Мугас и Джерүсс в должной мере контролируют себя, чтобы оставить под их командованием остальных. Джерүсса и Твана пришлось довольно резко одернуть. Биквин уже пришла в себя и держала в руках оружие. Виг Мандрагора подстегнул ее волю.

--- Жди моего сигнала, --- сказал я Мугасу, а потом повернулся к Фишигу и добавил: --- Пристатривай за нашим приятелем.

Я шел в виду Твана.

Мы втроем выползли из укрытия и подобрались к краю плато. Солдаты были на ногах, возбужденно переговариваясь и глядя на группу в центре платформы. Офицеры войск безопасности рывками нагрудников и пытались сдерживать их в узде, но я видел, что и им самим приходится нелегко.

Мы поднялись по склону и влились в толпу, скрытые непроницаемыми щитками шлемов и с хеллганатами наперевес. Грудники просто убирались с нашей дороги. Мы беспрятственно прошли в передние ряды толпы.

--- На это я не пописывался! --- пробурчал оказавшийся возле меня солдат сил безопасности, глядя на сарути в губастых тетрах от нас.

--- Сплотить ряды! --- бросил я, и он окинул меня взглядом, не обещающим ничего хорошего.

--- Все здесь не так! --- пробормотал он.

--- Ничего, мы еще стоим постоять за себя, не так ли? --- сказал я, поглаживая хеллган. --- Если Эстрүт и прочие просто завели нас в западню, они узнают, что солдаты флота Скарүса могут постоять за себя!

Он кивнул и взял на изготовку свое оружие.

Мы с Тваном и Фишигом пошли дальше. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания. Я не сводил глаз с группы зачинщиков всего этого безобразия. Оберон Гло поднял руки и обратился к сарүти со словами, которые мне не удалось расслышать. Речь оказалась довольно длительной.

Наконец он встал вполоборота имахнул в сторону ящиков. Теперь его голос долетел и до меня:

--- И в доказательство наших честных намерений мы отдаем это вам, как и обещано.

Лок отделился от группы в центре.

--- Удите за мной! --- приказал он.

погодюдя к первой шеренге.

Мы с Фишигом тут же шагнули вперед. Через секунду мы уже оказались частью команды из более чем дюжины солдат, потащивших первые ящики. Я оказался в паре с Локм, и мои руки, скрытые черными латными перчатками, сжимали перекладину ящика рядом с его мускулистыми кулаками.

Мы опустили свой груз перед сарүти, и я отступил на несколько шагов. Локм остался на месте и снял крышку, когда один из сарүти процокал вперед.

Теперь я мог рассмотреть их вблизи. Лучшее не стало. Их серую кожу покрывали извилистые поры, а ноздри на моргах то расширялись, то съеживались. Каждая из конечностей завершалась серой лапкой, похожей на человеческую, и сжимала рукоять серебряного жезла.

Тот сарүти, который вышел навстречу, положил два передних жезла на мощную поверхность и потянулся к открытому ящику своими извивающимися пальцами. Какое-то мгновение он шарил внутри, а затем убрал руки, ничего не

взяв. Его безглазый череп слегка покачивался на шее. Потом существо подняло свободные руки и крепко сжало их вместе — так человек может поднять руки над головой в жесте победы.

Длинные, гибкие пальцы этих рук (не могу сказать наверняка, сколько их было на каждой лапони и было ли их количество одинаковым) переплетались, образуя некую форму. Облик. Человеческое лицо. Глаза, нос, широкий рот. Великолепно выполненное и жутко пугающее.

Это лицо, казалось, изучало нас. А потом его губы начали шевелиться.

— Вы достойно выполнили свои обещания, человеческие существа.

В толпе за мной раздался тревожный шепот. Голос твари был лишен окраски, телодичности и эмоциональности, но «пальцегубы» воспроизводили человеческую речь с безупречной точностью.

— Значит, ты заключили сделку? — с расстановкой произнес Гло.

Пальцы расплелись, и лицо исчезло.

Существо подняло свои посохи и отошло. Его сородичи тоже разошлись, освобождая проход к арке.

Оттуда вышла еще одна группа существ. Несколько сарүти, идентичных тем, что уже находились здесь, сопровождали гругих тварей. Мне кажется, что последних было четверо. Их тела походили на тела сарүти, но выглядели раздутыми и покалеченными. Морщинистая, нездорово бледная плоть была покрыта пятнами, похожими на лишай или проказу. У них не было жезлов, их конечности заканчивались «копытами» из твердого металла, скрепленными между собой какой-то проволокой и действующими подобно кандалам. Эти бледные, несчастные существа — у меня не возникло сомнений в том, что это рабы сарүти, — стонали на каждом шагу, наполняя воздух болезненным поскливанием. Сарүти тыкали в них остриями своих жезлов.

Рабы несли трапецевидный ящик из черного металла, покрытый бородавчатыми выпуклостями. Наконец

они остановились и опустились на животы.

Даззо и Малахит вышли вперед и приблизились к носильщикам. Тот сарүти, что разговаривал с Гло, торопливо обошел их с другой стороны, вытянул свою лану с железом и нажал им на огнү из вынуклостей.

Крышка ларца распахнулась на невидимых петлях, подобно лепесткам какого-то уродливого цветка. Кажется, в этот момент я ожидал, что из ларца засияет свет или свершится еще какое-нибудь доказательство могущества.

Но ничего подобного не произошло. Малахит прошел между лежащими рабати и протянул руку, но Даззо с ругательством отпихнул его в сторону, добавив для вящей убедительности еще и ментальный удар, заставивший курильщика растянуться на полу.

Волна от этого удара прокатилась по сарүти, заставив их затоптаться на месте.

Теперь к ларцу потянулся Даззо. Он вынул продолговатый крошечный предмет.

по размерам не больше обойты для
болтера, и сжал его в трясущихся руках.

Книга. Древняя рукопись, заключенная
в оклад из черного металла,
закрывающийся на защелки.

--- Что там, экклезиарх? --- прорычал
Гло. --- Нам нужно подтверждение.

Даззо растегнул оклад и перевернул
первую древнюю страницу.

--- Истинная причина у нас, ---
проговорил он. И упал на колени.

Некротек. Они получили Некротек.
«Сейчас или никогда», --- подумал я.

Глава двадцатая СОЮЗНИКИ И ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО ТНЕВ МАНДРАГОРА ПРОТИВ ОБЕРОНА

Они атакуют! — взревел я и с силой
врезался в стоящих рядом со мной солдат.
Когда мы повалились неуклюжей,
дергающейся кучей, я выпустил наугад
основательную очередь из хеллгана.

Люди, собравшиеся на плато, все как
один были готовы к нервному срыву. Я
почти уверен, что сарүти преднамеренно
использовали какие-то свои устройства и
окружающую среду, чтобы держать их в
напряжении. Возможно, просто для того,
чтобы запугать людей, с которыми вели
дела, и обезопасить себя. Если так, то они
оказали себе плохую услугу. Как гүдрүнские
стрелки, так и солдаты сил безопасности
находились на грани умопомешательства.

их души и умы пребывали в смятении от увиденного. Тревожного крика и нескольких выстрелов хватило, чтобы перенапряжение вылилось в действия.

Теперь повсюду вокруг орали люди и рывкало оружие. Решив, что на их высокородных лидеров совершено нападение, солдаты, сохранившие верность Гло и Эстрүмү, устремились вперед, стреляя из штурмовых хеллганов. Остальные чуть поколебались и набросились на первых. Гүдрүниты, стоявшие на краю плато, либо направили оружие на своих угнетателей, либо стреляли по машинам.

Мугас и Биквин вели от края плато наш арьергард, сверкаящий оружием.

На плато царило всеобщее смятение.

Но воксү я услышал, как Джерүсс плачет своих товарищей, призывает их повернуть оружие против чернопанцирников. Канал связи сил безопасности кишел противоречащими друг другу приказами и отменами приказов, воплями боли и яростной руганью. Отчетливее всего мне были слышны крики Оберона Гло, пытающегося

навести порядок, и забывания Мандрагора.

--- Фишиз! Тван! Сейте беспорядок!

Замаскированные, как и я, они начали действовать. Бойня была настолько всеобщей и бешеной, что у сражающихся не оставалось времени на размышления. Гвардейцы бились с солдатами сил безопасности и даже друг с другом. Беспорядочная пальба наполнила воздух оглушительным грохотом.

Я застрелил пробежавшего мимо черного солдата, а потом еще одного. Внезапно я увидел высокого худощавого капитана. Предатель Эструм недоверчиво смотрел на меня, и его глаза лезли из орбит.

--- Солдат, что, черт возьми, ты творишь? --- успел он пролаять, неистово дергая кадыком.

--- Исполняю поручение Священной Инквизиции, --- ответил я и выстрелил ему в голову.

Сарүти пришли в жуткое волнение. Не могу знать, какие эмоции они испытывали, да и испытывали ли их вообще. Но они отреагировали так, как

были напуганы поворотом событий, поставлены или в затруднительное положение и стущены. Двоих из них поразила огонь из хеллганов, который открыли солдаты, решившие, что угроза исходит со стороны чужаков. Одного изрешетило, и он рухнул в растекающуюся под ним лужу крови и слизи. Второму оторвало лапу, и он захромал к аркам, стуча оставшимися жезлами.

Вой сарүти перекрыв канонаду и человеческие крики. Был ли этот вопль угрозой, предупреждением, выражением отчаяния или приказом к отступлению, я не могу сказать. Но твари предприняли стремительное бегство, сотрясая воздух своими диссонансными воплями.

Но двое из них неожиданно встретились на солдат. Вокруг покачивающихся голов сарүти зашипели голубоватые электрические разряды, а затем твари с шипением плюнули в людей лучами, сверкающими, точно лед. Двое солдат испарились в ослепительных вспышках света, разлетелись радужными брызгами.

Я заметил Мандрагора. Гигант уже убил одного из солдат сил безопасности, пытаясь остановить бессмысленную пальбу, но теперь сарүти тоже предприняли атаку, и солдаты, получив подтверждение враждебных намерений ксеносов, усвоили свои старания. Выплюнутый тварью луч пропорол руку Мандрагора, и тот взбесился. Он напал на сарүти, размахивая огромным цепным топором.

Я надеялся, что его убьют.

Протолкавшись сквозь окружающее меня безумие к припаркованным машинам, я увидел Даззо, по-прежнему стоящего на коленях перед ужасным ларцом. Похоже, он находился в трансе, не выпуская из рук свою нечестивую добычу.

Я побежал к нему.

Рядом со мной появился фишиг, потерявший шлем. Его черную броню заливала кровь.

— Тван! — прокричал он через плечо, и замаскированный гүдрүнит побежал следом за нами, стреляя от бедра.

В сражающейся толпе стали

взрываться гранаты. В воздух полетели расчлененные тела и осколки восьмиугольной плитки. Пламя охватило один из транспортеров.

Мы втроем оказались ближе всех остальных к «истинной причине». Один из сарүти пробивался к ней же и уже распахивал сгрудившихся вокруг ларца рабов, пытаясь добраться шипастым жезлом до Даззо.

Судорожным ударом тварь опрокинула коленопреклоненного человека и выбила из его рук Некротек.

Малахит, до этого прятавшийся за «Лэндспидером», неожиданно вскочил и метнулся за книгой. Сарүти нервно развернулся, пытаясь перехватить его, но Фишиг и Тван разнесли тварь на куски залпami из хеллганов. По мозаичной плитке расплескалась клейкая серая жидкость.

Второй сарүти обрушился на убийцу своего сородича, потрескивая электрическими разрядами. Тван затрясся и разлетелся дождем разноцветных брызг. Стоявшего рядом Фишига отбросило

ослепительным взрывом.

Времени, чтобы помочь ему, не оставалось. Малахит вцепился в книгу и убежал по плато, подальше от ожесточенных боевых действий. Выстрелом из хеллгана я оторвал ему ногу в колене, и он рухнул ничком. Когда я добежал до него, он полз вперед, оставляя за собой кровавую полосу и пытаясь дотянуться до книги.

--- Не трогай ее! --- бросил я, стягивая с головы шлем и наводя хеллган свободной рукой.

Он увидел мое лицо и выругался. Я опустился на колени и подобрал таленький томик. Даже сквозь латные перчатки я ощущал источаемый им жар. И некоторое время, словно загипнотизированный, я не мог думать ни о чем, кроме него. Стало понятно, почему Даззо застыл коленопреклоненным, после того как взял книгу. Содержащиеся в ней древние знания каким-то образом обрели собственную жизнь. Они волновались, шелестели, взывали ко мне.

Они звали меня по имени.

Эта книга знала меня. Она обращалась ко мне, просила открыть ее и познать содержащиеся в ней чудеса. Я и не думал сопротивляться. То, что она показывала мне, оказалось настолько невиданным, настолько возвышенным, настолько красивым... Там открывалась природа звезд... А за звездами --- удивительные механизмы, приводящие в действие сложную и восхитительную силу, которую мы слепо и ошибочно называем Хаосом...

Я растегнул металлические зажимы, не позволявшие открыть книгу...

Неожиданно в мое сознание вторглась чужая, грубая ментальная энергия, разрушившая действие чар. Я начал поворачиваться и отвел глаза от раскрывшейся книги. Этого полуборотамне хватило, чтобы избежать смерти.

Могучий удар опрокинул меня. В падении книга вывалилась из моих рук. На плитку хлынула кровь. Моя кровь.

Я откатился, чтобы уйти от следующего удара. Визжащие зубья цепного топора разминулись со мной буквально на

толщину волоса и раскрошили
окровавленную плитку.

Мандрагор, ублюдочное Дитя
Императора.

В слепой панике я отползал назад.
Источающий зловоние воитель Хаоса
стоял прямо надо мной. Его древний
силовой доспех был залит человеческой
кровью и ихорот ксеносов. Следующий его
удар практически полностью оторвал мне
левый наплечник. Рана под ним выглядела
серьезной. Кровь стала образовывать лужу,
стекая по моей левой руке. Когда я
судорожно попытался отползти подальше,
то понял, что поскользываюсь в
собственной крови.

Я хлестнул по Мандрагору своей
Волей. Это не было серьезным ударом,
если учесть его пугающую ментальную
мощь, но хотя бы заставило его
пошатнуться.

Ценной монор с визгом рассек воздух
над моей головой.

Хеллган оказался вне зоны
досыгаемости... Впрочем, я сомневался,
что подобное оружие сможет оставить на

броню монстра хотя бы вмятину. Я не мог отвести глаз от маски на его лице, сшитой из кусков кожи и обтягивающей зияющую дыру рта.

Моя левая рука потеряла чувствительность и повисла. Но мне удалось встать на ноги и вытянуть из ножен меч.

Это было прекрасное оружие, еще старого образца. Он не обладал материальным клинком, как другие, более грубые модели. Меч состоял из инкрустированной рукояти двадцати сантиметров глиной, прошитой серебряной нитью и завершающейся энергетическим элементом. Сам Ректор Уинкса благословил этот меч для меня, призвав его «защищать всегда брата нашего, Эйзенхорна, от порождений зла».

Теперь мне оставалось только надеяться, что он не впустую тратил свое красноречие.

Я включил меч и отразил следующий удар топора. При столкновении клинков во все стороны полетели искры и металлические осколки. Неимоверная,

звериная сила удара чуть не вырвала меч из моих рук. Я отскочил на шаг или два, уходя от следующего выпада. В голове у меня плыло. Было это результатом кровопотери или следствие чар Некротека, я не мог сказать.

Мандрагор дошел в своей ярости до белого каления. Меня все-таки было чертовски трудно убить. Однако я не мог избавиться от пугающего чувства, что долго так продолжаться не может.

Он снова бросился вперед, возвышаясь надо мной, словно башня, и мне опять удалось отклонить удар цепного топора. Но он немедленно возвратным движением ударил меня рукоятью топора в грудь. Меня даже оторвало от земли и отбросило на несколько метров.

Я неудачно приземлился на раненое плечо. Вспышка боли на секунду лишила меня чувств. Большшего Десантнику Хаоса и не требовалось.

Он приблизился ко мне в два шага по залитой кровью мозаике и с рычанием занес топор. Извернувшись, я пинком отправил в него Некротек. Книга

стукнулась о тыс огромного сапога.

--- Не забывай, зачет пришел, выродок! --- прохрипел я.

Мандрагор Гнилостный --- сын Фүлгрита, достойный слуга Слаанеша, воитель Детей Императора, убийца живущих, осквернитель мертвых и хранитель тайн --- остановился. Разразившись хриплым смехом, он склонился над книгой, не отводя от меня своих жестоких глаз.

--- Ты, инквизитор, даешь неплохие советы гля...

Его закованные в сталь пальцы коснулись Некротека. Книга полностью утонула в исполинской ладони. Голос монстра замер. С его отвратительного лица ушло триумфальное выражение, выветрился гнев, угасла жажда крови. Безжизненная маска его лица словно повисла на удерживающих ее швах. В глазах Десантника Хаоса потускнел кровавый блеск.

В каждой клетке, в каждой частичке его развращенного существа пел Некротек, похищая у монстра возможность

адекватно воспринимать окружающий мир.

Пошатываясь, я поднялся на ноги, сжал рукоять энергетического меча и отсек противнику голову.

Не успев еще даже удариться о землю, голова раскололась и запылала белым пламенем, капая жидким огнем на восьмиугольные плитки. Пылающий шар ударился оземь, подпрыгнул и разлетелся яростным, нечистым огнем, от которого вскоре остались только почерневшие осколки кости и дымящееся, выжженное пятно на металле.

Туловище, запаренное в силовой доспех, оставалось стоять, выгорая изнутри. Из дыры, где раньше была шея, взметались языки отвратительного зеленоватого огня. В воздух поднимался столб мерзкого черного дыма. Огонь быстро перекинулся на мерцающий плащ, и яркое пламя окружило безголовый металлический остов.

В последний момент я отсек мечом кулак Мандрагора, и зажатый в нем Некротек выпал. И я снова услышал зов.

Книга утोलяла меня поднять ее, погрузиться в заключенные в ней чюдеса.

О, какие это были чюдеса! Меня просто разрывало между этим дьявольским зовом и долгом. Этот предмет необходимо было уничтожить, но ведь он обещал такое великое знание! Разве не могла Инквизиция, да и весь Империя в целом, использовать это знание с благой целью? Умел ли я право уничтожать нечто столь бесценное?

Отчасти, как пуританин, я не сомневался в этом. Но другой части меня было ненавистно такое отношение. Ведь знания — это только знания? Зло прорастает в делах, а не в знаниях. А тут такой кладезь...

Может быть, стоило прочитать хотя бы одну или две странички, чтобы принять правильное решение...

Я потряс головой, чтобы избавиться от морока. На меня тут же снова обрушился шум сражения. Я посмотрел на плато, посреди которого дымилось тело Мандрагора и лежал, истекая кровью, Малахит. Сражение распалось на

несколько локальных стычек, и всю мозаичную площадку сплошь устилали труны и мусор. Оба транспортера пылали. Сарүти ушли, забрав с собой тела сородичей. Гүдрүнские стрелки, на мой взгляд, явно превосходили числом чернопанцирников. На ногах оставалось не так уж много людей, и мне никак не удавалось увидеть кого-нибудь из своей команды.

Зато ко мне направлялся Оберон Гло, сжатая в правой руке лазерный пистолет. Его великолепный плащ был изорван, а на лице запекалась кровь.

--- Брось оружие, Гло. Все кончено.

--- Для тебя -- да. -- Он поднял пистолет.

На одном из полыхающих транспортеров детонировали боеприпасы, и ошеломительным взрывом разметали бронемашину в клочья. Осколки брони и сегменты траков загудели в воздухе, словно ракеты. Кусок оси вонзился в затылок лорда Гло. Он упал без звука.

Я подобрал обломок черного панциря и подцепил им Некротек. Мне больше не

хотелось слушать его увещевания. С помощью этого самодельного совка я скинул книгу прямо в топку пылающего гостевого костра.

Языки пламени стали красными, а потом потемнели. Огонь стал сильнее. Раздался чей-то безмолвный крик.

Я похромал прочь от этого погребального костра. Малахит еще был жив и уже пришел в себя.

— Лок, помоги! Пожалуйста! — кричал он хриплым голосом.

Один из армейских «спикеров», стоявших на палубе, взмыл в воздух. За рулем сидел Гордон Лок, а рядом с ним вжимался в кресло Даззо. Через мгновение разогнавшийся «спидер» скрылся за острыми пиками, направляясь сквозь анфиладу арок к бесконечному пляжу.

И Мугас, и Биквин, и Этос, и Ловинк выжили в этой жуткой битве, хотя все получили легкие ранения. В живых также остались две дюжины гудрунигов, включая Джерусса.

Этос собрался осмотреть мою рану, но я потребовал просто перевязать ее.

чтобы остановить кровотечение. Мне не хотелось терять время.

--- Думаю, благоразумнее будет вначале выбраться отсюда, --- сказал я.

Фишига положили на кустарные носилки. Оружие сарүти, уничтожившее Твана, лишило его руки и половины лица. К счастью, он потерял сознание. Его несли гва гүдрүнских стрелка.

--- Очень неприятно об этом говорить, но нам надо взять и его, --- сказал я Мигасү и Джерүссү, указывая на корчащегося Малахита.

--- Уверен? --- спросил Бетанкор.

--- Инквизицию может заинтересовать то, что хранится в его голове.

Наше изрядно побитое и обогранное войско покинуло темное нагорье и вернулось той же дорогой к туманному пляжү. Громкость и частота громовых разрядов увеличились, а небо начинало темнеть.

--- Такое ощущение, --- зловеще проговорил Эмос, --- как будто этому месту приходит конец.

— У не хотел бы я находиться здесь, когда это случится.

Оказавшись на берегу, мы увидели, как отчаливают два имперских фрегата и торговое судно. Поднявшийся ветер нес с собой аттиачную вонь. Мидас и Ловинк, чьи вакуумные костюмы остались в относительной целостности, отправились за нашим боевым катером.

В моем воксе раздался треск. А потом неожиданно прорезался голос Максиллы:

— Эйзенхорн? Во имя всего святого, ты там? Ты там? Только что улетели три корабля, они прошли прямо мимо меня! Условия становятся хуже. Я не смогу долго здесь удерживаться. Отвечай! Пожалуйста, отвечай!

— Максилла! Это Эйзенхорн! Ты меня слышишь? Необходимо, чтобы ты подошел ближе и подобрал нас. У нас раненые... Фишиг и еще несколько. Тут все вокруг разрушается. Повторяю, необходимо, чтобы ты подвел к нам «Иссин» и подобрал нас!

Несколько мгновений я слышал

только шипение статики. А потом он ответил:

--- Как скажешь, Грегор, но это будет нелезко. Повтори, что ты говорил о фишиге?

--- Он ранен, Максилла! Быстрее сюда и подбери нас!

--- Поспеши! --- закричала через мое плечо Биквин. --- Мы не хотим здесь больше оставаться!

Опять шум статики.

--- Передай Елизавете, что я с ней солидарен!

Ха! Эхо больше не обгоняло звук, аномалии нормализовывались. Но от этого наши дела лучше не становились.

Глава двадцать первая СОВРАНИЕ ЗНАТУ РАЗМЫШЛЕНИЯ ЛОРДА РОРКЕНА ТАЙНЫ МАЛАХУТА

Спустя два дня, уже на борту «Уссина», ставшего на якорь вне опасных пределов системы КСХ-1288, мы встретились с Имперской оперативной группой, высланной нам в помощь с Гудрун.

На то, чтобы сбежать с готовой расколоться планеты, нам потребовалось менее двух часов. Как Эмос и предсказывал, окружающее нас пространство растворялось, словно бесконечное царство моря, пляжа и нагорья было только гениальной иллюзией, спроектированной сарүти специально для проведения встречи с человеческими «гостями». Пока мы летели на боевом катере к дождавшемуся нас «Уссину», зеленоватый туман стал

таять, а атмосферное давление падать. Нас окружила буря, и снова вернулось воздействие естественной гравитации. У планета стала разваливаться. К тому времени, как Максилла со всей возможной скоростью выводил «Уссин» по анфиладе арков, от тех глубин, где мы встретились с представителями чуждой расы, остался только темный водоворот атланика. Наши хронометры вновь шли как положено.

Мы покинули гибнущую планету, сражаясь со звездным огнем и гравитационными штормами, вырываясь за пределы системы. Спустя сорок минут после нашего отлета сенсоры, установленные на корме корабля, уже не находили и следа разлома, сквозь который мы вошли в то странное место, словно рана сожмнулась или вообще никогда не существовала.

Как сарүти добрались до этого места и каким образом ушли, я не имел ни малейшего понятия, и даже Эмос не в силах был предложить ни одной вразумительной гипотезы. Мы не обнаружили никаких признаков других

кораблей или других точек выхода в коры
планеты.

--- Они живут внутри планеты? ---
спросил я архивиста, когда мы стояли на
смотровой площадке и разглядывали
угдающуюся звезду в иллюминаторы,
защищенные светофильтраты.

--- Вряд ли. Их технологии находятся
за пределами моих знаний, но чувствую,
что они могли прийти на плато через те
сводчатые проходы из другого мира. Это
было место, которое они построили
специально для встреч.

Эта мысль находилась за пределами
моего воображения. Эмос говорил о
межзвездной телепортации.

За пределами системы КСХ-1288
обнаружился короткий след кораблей
еретиков. Насколько Максилла мог
определить по следам двигателей и
возмущению в варне, три судна, которые,
без сомнения, несли Даззо и Лока,
объединились со стоявшей там флотилией
и практически тут же ушли в
Ултатериум.

Другие варн-индикаторы доложили,

что оперативная группа приблизится не более чем через два дня. Мы выпустили гравитационный якорь и стали ждать, занявшись зализыванием ран.

* * *

Тридцатью неделями ранее, еще когда мы только отбывали с Дамаска, я отправил на Гудрун с помощью Ловинка астропатический запрос о помощи. Я постарался расписать события настолько подробно, насколько мог, и надеялся, что морг главнокомандующий пришлет подмогу в виде военной экспедиции. Я не стал требовать, как обычно поступали люди вроде Коммодуса Вока. Мне казалось, что безотлагательность и важность информации, содержащейся в моем сообщении, должны говорить сами за себя.

Из Умтатериума в боевом порядке вышли одиннадцать кораблей: в авангарде шли шесть имперских фрегатов,

выпустивших перед собой звенья истребителей. За этой передовой группой шли линейные корабли «Вульпекүла» и «Святой Скифус» — могучие, ужасные гиганты, каждый из которых в три раза превышал размерами фрегат. В арьергарде следовало злобщее трио крейсеров — черные суда Священной Инквизиции. Это был не военный отряд. Это была ударная группа Инквизиции.

Мы обменялись приветствиями и опознавательными кодами и отправились в тыл флота под почетным караулом «Громоых Ястребов». Шаттлы переправили раненых, включая все еще не пришедшего в сознание Фишига и плененного Малахита, в медицинский отсек на борту «Святого Скифуса». Час спустя по требованию адмирала Спатиана я также был переправлен челноком на линкор. Там ждали моего доклада.

Надев черную униформу и кожаный плащ, я закрепил под горлом инквизиторскую инсигнию. Моя левая рука была туго притянута к телу хирургическим лубком. Меня сопровождал

Этос, облачившийся в скромные зеленые одеяния.

В гүлком стыковочном отсеке «Святого Скифуса» нас встречал прокуратор Ольм Магортин, сопровождаемый отрядом имперских штурмовиков. На Магортине была та же белая униформа, что и при первой нашей встрече. Синие панцири его солдат украшали золоченые эмблемы и знаки отличия.

Магортин отсалютовал мне, и мы вместе зашагали к лифтам, которые должны были поднять нас на командную палубу.

--- Как идет подавление мятежа? --- спросил я.

--- Довольно успешно, инквизитор. Лорд главнокомандующий объявил Геликанский Раскол подавленным, но на Трациане все еще неспокойно.

--- Потери?

--- Изрядные. По большей части среди населения зараженных ересью планет. Но есть жертвы и среди флота, и среди гвардейских полков. Предательство лорда

Гло дорого обошлось Империяту.

--- Измена лорда Гло стоила ему самому жизни. Тело его гниет на безымянной планете в покинутой нами системе.

--- Ваш повелитель будет доволен.

--- Повелитель?

Верховный Инквизитор Филебас Алессандро Роркен восседал на траторном троне в дальнем конце аудитории, похожей на часовню и расположенной двутяпалубами ниже мостика «Святого Скифуса». Я дважды встречался с ним прежде, но не чувствовал себя от этого более уверенно. Он носил простую темнокрасную мантию, накинутую поверх черной униформы, и перчатки. На нем не было никаких украшений, если не считать должностного золотого кольца с печатью. Строгая простота одеяний, казалось, только подчеркивала его властность. Он брил голову наголо и носил небольшую раздвоенную бородку. Глубоко посаженные глаза Роркена светились интеллектом и твердостью.

Его окружала свита. За треном
расположились десять инквизиторов-
послушников в чине дознавателей и ниже,
они держали знамена, священные
огнеметы, шкатулки со свитками и
планшетами, сверкающие инструменты
для пыток на красных атласных подушках
и открытые псалтыри. По бокам стояли
четыре телохранителя в красных плащах,
удерживая вертикально двуручные мечи.
Забрала их шлемов, выполненные в виде
масок, придавали им сходство с четырьмя
святыми апостолами: Олиосом, Джеридо,
Манеззером и Кагмоном. Маски были
невыразительными и наивными, почти как
на иллюстрированных манускриптах
древности. Неподдалеку ожидала толпа
архивистов, облаченных в темные одеяния,
наг которых, визжа и перестеиваясь,
кружила на антигравитационных золотых
крылышках дюжина херувимов-сервиторов,
с телами трехлетних детей и лицами
злых горгулий.

--- Подойди, Эйзенхорн, --- произнес лорд
Роркен тихим голосом, который тем не
менее легко можно было слышать в

любом конце зала. — Все подойдите.

При этих словах из боковых нефов вышли и другие люди, занявшие свои места по обе стороны трона. Среди них был адмирал Спатиан, древний тощий гигант в белой униформе, сопровождаемый несколькими старшими офицерами. Практически все остальные были инквизиторами. Тимус Эндор, в своем красно-коричневом плаще, шел без сопровождения, если не считать женщины-архивиста. Он ободряюще кивнул мне, когда я проходил мимо. Шаркающему сухарю Колмогусу Воксу помогал занять свое место высокий мужчина, одетый в черное. Голова человека была лысой, если не считать нескольких хилых прядей. Его затылок, шею и лицо покрывали мертвенно-бледные коллоидные рубцы — последствия ран и хирургической операции. Это был Хелган. Встреча с карнодоном не пошла на пользу его внешности. Так же как и Эндор, Вокс кивнул мне, хотя и не слишком дружелюбно.

Рядом с ним шел коренастый и

полный инквизитор Шонгард, чья черная
металлическая маска оставляла
видимыми только воспаленные глаза.
Когда он занял свое место, по бокам от
него встали две стройные, гибкие
женщины. Судя по их внешнему виду, они
являлись членами какого-то из культов
Смерти. Женщины были практически
обнажены, если не считать за одежду
обильные татуировки, шипастые шлемы и
ремни, на которых крепились мечи.

Напротив Шонгарда сел Конрад
Молитор, ультрарадикальный член
нашего Оргоса, и к этому человеку я не
испытывал ни любви, ни уважения.
Молитор был плотно сложенным,
атлетичным мужчиной, одетым в
бронекостюм, расписанный черными и
желтыми клетками. А поверх он надел
отполированную серебряную кирасу.
Волосы радикала были коротко
подстрижены, тонзура выбрита. Он
производил впечатление
монашествующего воина эпохи Первого
Крестового Похода. Позади Молитора
стояли три закутанных в мантии

помощника, один из которых нес богато украшенный энергетический меч Инквизитора, другой -- серебряную чашу и металлический поднос, а третий -- реликварий и курящееся кадило. Ультрарадикал не сводил с меня своих ярко-желтых глаз.

Последним вошел и занял свое место по правую руку от лорда Роркена гигант в черном силовом доспехе, Космический Десантник из ордена Караула Смерти, верный воин Ордо Ксенос. Караул Смерти является одним из Орденос Космического Десанта, созданных специально для нужд Инквизиции. Они были скрытны и таинственны даже по стандартам благословенных Агентос Астартес. При моем приближении воин снял шлем и водрузил его на свое бронированное колено, открывая бледное лицо с могучей челюстью и седыми, коротко подстриженными волосами. Его тонкие губы хмуро скривились.

Слуги принесли для меня кресло, и я занял свое место напротив Верховного Инквизитора. Рядом встал Эмос.

--- Мы читали твой предварительный рапорт, брат Эйзенхорн. Интересная история. И весьма важная. --- Лорд Поркен поставил последнее слово. --- Вы преследовали флот еретиков Гло до этого забытого Богом-Императором внешнего мира в уверенности, что они запланировали некую торговую сделку с расой ксеносов. И, как ты заявил, целью этой сделки было обретение некоего предмета, чья природа угрожает безопасности и праведности нашего общества.

--- Я сообщил истинную правду, Верховный брат.

--- Брат, мы всегда знали тебя как серьезного и честного человека. Поэтому и не сомневается в твоих словах. В конце концов, разве не прибыли мы сюда несколько... необычно большими силами? --- Он обвел рукой зал, и в ответ зазвучал стех, но большей части принужденный и исходящий в основном от Молитора и Вока. --- Так что же это был за предмет?

--- Чужие обладали одной из копий богохульной и запрещенной работы,

известной нам под названием «Некротек».

Реакция не заставила себя ждать. Послышались удивленные, тревожные и недоверчивые возгласы. Вок, Молитор и Шонгарг выкрикивали какие-то нагнетательные вопросы. Собравшиеся в зале слуги, послушники и ассистенты начали активно перешептываться.

Херувимы заверещали и скрылись позади трона лорда Роркена. Сам Верховный Инквизитор с сомнением поглядел на меня. И даже угрюмый Космический Десантник скептически поднял бровь.

Лорд Роркен совершил легкое мановение, и гвалт стих.

--- Это подтвердилось, брат Эйзенхорн?

--- Да, лорд. Я видел книгу собственными глазами и чувствовал исходящее от нее зло. Это был Некротек. Как мне удалось выяснить, ксеносы --- известные как сарүти --- наткнулись на утерянную копию тысячи лет назад, а недавно установили связь с кликой Гло, согласившись обменять книгу на

определенные артефакты, принадлежащие
их культуре.

--- Неленость! --- плюнул Котмогус
Вок. --- Некротек всего лишь глупый миф!
Эти свихнувшиеся грязные чужаки
сфабриковали какую-то чуху в качестве
приманки для легковверных еретиков!

Я посмотрел на Вока и повторил:
--- Я видел его собственными глазами
и чувствовал его зло. Это был Некротек.

Адмирал Спатиан посмотрел на
лорда Поркена:

--- А эта вещь... эта книга
действительно настолько ценна, что
еретики бросили бы ради нее весь
субсектор в открытое восстание?

--- Она бесценна! --- крикнул Молитор
на весь зал. --- Ей нет цены! Если легенды,
рассказывающие о ней, хоть капельку
верны, то в книге содержатся знания,
превосходящие наши самые смелые
фантазии! Ради получения ее еретики не
стали бы долго раздумывать над
уничтожением целых миров, над
принесением в жертву всего, чем
обладают... Столь велико могущество,

которое может дать книга.

--- С самого начала было понятно, --- тихо произнес Эндор, --- что ставки в этом деле невероятно высоки. Хотя я и потрясен новостями брата Грегора, но не удивлен. Только такая реликвия, как Некротек, могла лежать в основании всей этой бойни.

--- Но Некротек... это ведь такая вещь! --- зашипел Шонгард.

--- Удалось ли еретикам совершить сделку, инквизитор Эйзенхорн? --- внезапно спросил Космический Десантник, глядя мне прямо в глаза.

--- Нет, брат-капитан, не удалось. Нам пришлось действовать отчаянно и довольно рискованно, но мы смогли сорвать встречу с ксеносати сарүти. Чужие убежали, а большая часть авангарда еретиков, включая лорда Гло и помогавшее ему нечестивое Дитя Императора, была убита.

--- Я читал о Мандрагоре в вашем рапорте, --- сказал Десантник. --- Упоминание о нем стало ключевым пунктом, оправдывавшим присоединение

моего отряда к этим войскам.

--- Дети Императора, да будут их души прокляты Террой, очевидно, сами хотели заполучить книгу. Они послали Мандрагора, чтобы помочь Гло в заключении сделки. То, что подобные существа отнеслись к происходящему серьезно, подтверждает правдивость моих слов.

Благородный Десантник кивнул:

--- И говоришь, Мандрагор мертв?

--- Я лично прикончил его.

Воитель Караула Смерти слегка откинулся назад, удивленно приподняв брови.

--- Кому-нибудь из еретиков удалось пережить проведенную вами зачистку? --- спросил Шонгард.

--- Двум ключевым членам этого преступного сговора, брат. Торговцу Горгону Локу, который, как я понимаю, заключал первоначальное соглашение между сарүти и шайкой Гло. И вместе с ним сбежал экклезиарх по имени Даззо, обеспечивавший духовную поддержку всего их предприятия. Они сумели сбежать в

ходе сражения, воссоединиться с остатками доживающегося их флота и покинуть систему.

--- Место назначения? --- спросил Спатиан.

--- Все еще вычисляем, адмирал.

--- Сколько у них кораблей? Проклятый предатель Эструт сбежал с пятнадцатью судами.

--- Он потерял по меньшей мере два фрегата в системе КСХ-1288. Но к ним присоединилось нестандартное торговое судно, принадлежащее Локу.

--- Так они просто взяли ноги в руки и сбежали побежденными или же у них намечены еще какие-либо дела? --- поинтересовался лорд Роркен.

--- Прежде чем ответить на этот вопрос, мой лорд, мне необходимо провести еще кое-какие исследования.

Спатиан поднялся с кресла и посмотрел на Верховного Инквизитора:

--- Даже если они просто убегают, мы не можем позволить им скрыться. Им необходимо выследить и уничтожить. Прошу разрешения переформулировать

задачу, поставленную перед военной группировкой, и подготовиться к преследованию.

--- Разрешаю, адмирал.

Тогда заговорил Молистор:

--- Никто не задал самого важного вопроса нашему героическому брату Эйзенхорну, --- произнес он, придав слову «героический» весьма нелестный оттенок. --- Что случилось с Некротеком?

Я повернулся к нему лицом:

--- Я сделал то, что должен был бы сделать любой из нас, брат Молистор, --- сжег его.

В зале опять поднялся шум. Молистор вскочил на ноги, обвиняя меня не в чем ином, как в ереси. Шонгард зашипел в поддержку этих обвинений, в то время как Эндор и Вок пытались их отклонить. По всему залу спорили и орали люди, входящие в свиты. Молчали только мы с Эмосом и капитан Караула Смерти.

Лорд Поркен встал с трона:

--- Хватит! --- Он повернулся к негодующему Молистору. --- Озвучь свои претензии, брат Молистор. Кратко и

простыми словами.

Молитор кивнул и облизнул губы, шаря желтыми глазами по зале:

--- Эйзенхорн должен понести самое строгое осуждение за этот акт вандализма! Некротек может быть сколько угодно нечистой и запретной работой, но мы же Инквизиция, мой лорд! По какому праву он вот так запросто уничтожил книгу? Подобный предмет необходимо было изолировать и предоставить для изучения наиболее сведущим из наших ученых! Уничтожить ее значило безвозвратно утратить знания, мудрость и тайны, выходящие за пределы нашего воображения! То, что содержалось в Некротекке, могло предоставить нам новую информацию о заклятом враге человечества! Неоценимую информацию! Только представьте, как это могло укрепить нас и вооружить в этой бесконечной войне! Эйзенхорн опозорил самое сердце нашей Священной Инквизиции!

--- Брат Шонгард?

--- Мой лорд, я соглашусь с прозвучавшим обвинением. Эйзенхорн

совершил ужасный и необдуманный поступок. Тщательное изучение Некротека могло предоставить нам массу полезных данных. Содержащиеся в книге тайны послужили бы оружием против наших врагов. Я аплодирую его решительным действиям по уничтожению Гло и их клики, но уничтожение этих оккультных знаний заслуживает только осуждения.

--- Брат Вок? Что с... --- начал говорить лорд Роркен, но тут я не выдержал и перебил его:

--- Это суд, мой лорд? Меня судят?

--- Нет, брат, тебя не судят. Но необходимо проанализировать и оценить значимость твоих действий. Брат Вок?

Вок поднялся:

--- Эйзенхорн прав. Некротек был мерзостью. Ересью стало бы позволить ему существовать дальше!

--- Брат Эндор?

Тимус не стал вставать. Он повернулся в своем кресле и посмотрел на Конрада Молитора:

--- Грегор Эйзенхорн может

рассчитывать на полную поддержку с моей стороны. Выслушав твои забывания, Молистор, мне стало интересно, кого же я вижу перед собой? Радикала? Несомненно. Инквизитора? Сомневаюсь.

Молистор в ярости снова вскочил на ноги:

--- Мальчишка! Ублюдочный сын блудницы! Да как ты смеешь?

--- Запросто, --- хмыкнул Эндор, откидываясь назад и складывая руки на груди. --- И ты, Шонгард, не лучше. Позор вам! Каким тайнам, на ваш взгляд, мы могли научиться, кроме тех, что помогут осквернить наши умы и подорвать нашу праведность? Некротек некогда уже был запрещен нашей организацией. Нам нет необходимости знать его содержание, чтобы принять этот запрет! Все, что нам нужно, так это драгоценное знание, что грязную книгу необходимо уничтожить, не читая и не спуская с нее глаз. Скажите мне, неужели вам и в самом деле необходимо самим подцепить сифилис Угтрина, чтобы понять, что он смертелен?

Лорд Роркен улыбнулся при этих словах и посмотрел на Костицкого Десантника:

--- Брат-капитан Куанвольф?

Капитан скромно пожал плечами:

--- Лорд, я командую ликвидационными бригадами, занимающимися истреблением чужаков, мутантов и еретиков. Этику, просвещение и книжные познания обычно оставляю ученым. Впрочем, какова бы ни была ценность этой книги, я бы сжег ее без малейших размышлений.

Наступило долгое молчание. Иногда мне приходится радоваться, что никто больше не увидит, как я улыбаюсь.

Лорд Роркен сел на место.

--- Возражения моих братьев учтены. Сам я поддерживаю Эйзенхорна. Учитывая экстремальность условий, в которых ему пришлось действовать, он выбрал наилучшее решение.

--- Благодарю, мой лорд.

--- Предлагаю разойтись и обдумать сложившуюся ситуацию. Мне бы хотелось услышать предложения по дальнейшим действиям в течение четырех часов.

--- И что дальше? --- спросил Тимус Энгор, когда мы сидели в его каюте на борту «Святого Скифуса».

Сервитор в виде женщины принес нам превосходного атасека, вызревавшего в бочках из дерева нал.

--- Наго произвести зачистку оставшихся в живых, --- сказал я. --- Я говорю про Даззо, Лока и тех, кто припкнүл к ним. Возможно, они отказались от своей цели и бегут. Возможно, они будут бегать от нас годами. В их распоряжении эскадра боевых кораблей, и они захотят этим воспользоваться. Я буду настаивать на том, чтобы выследить их и покончить с этим печальным делом раз и навсегда.

Этос вошел в комнату, почтительно поклонился Энгору и вручил мне информационный планшет.

--- Астронавигаторы адмирала закончили высчитывать курс флота еретиков. Их расчеты совпадают с теми данными, которые только что передал мастер Максилла.

Я просмотрел данные.

--- Тутус, у тебя есть карта?

Он кивнул и включил вычислитель, прикрытый стеклом. Поверхность устройства засветилась, и Эндор ввел коды с планшета.

--- Итак... они бегут за пределы Империи. Что неудивительно. Но и не в беззаконные территории Мутных Звезд.

--- Их курс лежит сюда. 56-Узар. Расстояние в десять недель.

--- Территория сарути.

--- Самое сердце территории сарути.

Верховный Инквизитор Поркен серьезно кивнул:

--- Похоже, как ты и говоришь, брат, наши дела оказались более далеки от завершения, чем мы думали.

--- Они не могут больше рассчитывать на сарути как на союзников или полагать, что те предоставят им безопасную гавань. Союз между кликой Гло и ксеносами был хрупким и поверхностным. И мир, существовавший между ними, уничтожен стычкой. У Даззо должны быть какие-то другие причины

отправляться туда.

Лорд Роркен задумчиво мерил шагами свои апартаменты, покручивая перстень-печатку на безымянном пальце. Сонм херувимов тревожно попискивал, рассевшись по спинкам кресел и диванов. Дергая своими уродливыми головами из стороны в сторону, они внимательно следили за мной, пока я дожигался ответа.

— Мое воображение слишком сильно разыгрывается, Эйзенхорн, — наконец произнес он.

— Я настаиваю на том, чтобы лично допросить археоксенолога Малахита. Уверен, что он может предоставить нам дополнительные сведения. И еще я уверен в том, что он не будет столь стоек, как спесивый аристократ Уризель.

Роркен остановился и решительно хлопнул в ладоши. Испуганные херувимы вспорхнули в воздух и закружили под потолком.

— Мы немедленно отправляется к 56-Узар, — сказал лорд Роркен, игнорируя их верещание. — Все, что удастся выяснить, ты должен сообщать мне без промедления.

Служба военно-костической
безопасности поместила Джиролато
Малахита под охрану в медицинском
отсеке корабля. Нанесенные мною раны
исцелили, но не стали угрождать себя
созданием протеза для его ноги. Мне не
терпелось вызнать его тайны.

Я прошел мимо освещенного
холодным светом лазарета и навестил
Фишига. Исполнитель еще не приходил в
сознание, но врач сказал мне, что его
состояние стабильно. Годвин лежал на
кровати, закрытой пластиковым тентом.
Он был подключен к похрипывающим
искусственным легким и булькающим
рециркулятором крови. Его израненное
тело скрывалось под бинтами,
синтеплотью и металлическими
зажимами.

От лазарета я отправился по
холодному коридору, показал инсигнию
караульным и вошел в тюремный отсек. Я
уже проходил второй пост охраны,
расположенный прямо у трапных камер,
когда вдруг услышал крик.

Я отпихнул охранников и, с ними по
пятам, бросился к грязным дверям катеры.

--- Открывайте! --- проорал я, и один из
охранников завозился со связкой ключей. ---
Быстрее, солдат!

Двери катеры с треском
распахнулись и явили моим глазам
находящееся за ними помещение. Конрад
Молитор и три его закутанных в мантии
помощника обернулись на меня,
возмущенные вмешательством.
Хирургические перчатки на их руках были
открыты, покрыты розовой пеной.

За их спинами, на горизонтальной
металлической решетке, подвешенной на
цепях к потолку, лежал стонущий
Джиролато Малахит. Он был более чем
обнажен --- с него содрали практически
каждый сантиметр кожи.

--- Вызови хирургов. И терапевтов. И
сообщи лорду Роркену. Сейчас же! ---
приказал я охраннику и обернулся к
Молитору. --- Может быть, объяснишь,
что ты здесь делаешь?

Думаю, он предпочел бы не отвечать
мне, а его слуги явно приготовились

броситься на меня и вышвырнуть из
камеры.

Но дуло моего автоматического
пистолета уставилось прямо между
потных бровей Конрада Молитора, и
никто из них не посмел пошевелиться.

--- Я провожу вопрос заключенного... ---
начал он.

--- Малахит мой заключенный!

--- Он находится в ведении
Инквизиции, брат Эйзенхорн...

--- Это мой заключенный, Молитор!
Мое право спросить его первым
подтверждено инквизиционными
протоколами!

Молитор попытался отойти, но я
твердо продолжал держать его череп в
прицеле. Его глаза отчетливо отражали
ярость радикала, вызванную таким
обращением, но он старался сдерживаться,
понимая, что меньше всего ему сейчас
нужно провоцировать меня.

--- Я... я беспокоился за твое здоровье,
брат. --- Молитор попытался успокоить
меня. --- Ты был ранен, устал, а Малахита
необходимо было спросить со всей

поспешностью. И я решил, что смогу
облегчить твою задачу, если приступлю
к...

--- Приступишь? Да ты уже почти
убил его! Я не верю твоим оправданиям,
Молитор. Если бы ты и в самом деле
хотел мне помочь, то спросил бы
разрешения. Тебе захотелось единолично
завладеть его секретами.

--- Ничтожная ложь! --- плюнул он.

Большим пальцем я снял пистолет с
предохранителя. В узкой камере с
металлическими стенами щелчок
прозвучал очень громко и угрожающе.

--- Да неужели? Ну так расскажи мне,
что вам удалось узнать.

Молитор колебался.

--- Он упорствовал. Нам практически
ничего не удалось добиться от него.

По тюремному коридору застучали
сапоги. Охранники вернулись с двумя
корабельными хирургами, облаченными в
зеленые халаты, и четверкой санитаров.

--- Во имя Трона Терры! --- воскликнул
один из врачей, увидев изувеченного
человека, лежащего на решетке.

--- Доктор, сделайте все, что сможете. Стабилизируйте его состояние.

Врачи поспешно приступили к работе, выкрикивая санитарам названия инструментов, приборов и запрашивая время от времени свежие перевязочные материалы. Малахит снова застонал.

--- Угрожать смертью имперскому инквизитору --- это очень серьезное преступление, --- произнес один из закутанных помощников, делая шаг вперед.

--- Лорд Роркен будет недоволен, --- сказал второй.

--- Уберите оружие, и наш господин будет сотрудничать с вами, --- добавил третий.

--- Прикажи своим прихвостням заткнуться, --- сказал я Молитору.

--- Пожалуйста, инквизитор Эйзенхорн, --- снова донесся из-под темного капюшона тихий голос третьего помощника. --- Произошла глупая ошибка. Мы постараемся загладить свою вину. Уберите оружие.

Голос казался странно уверенным и, говоря за Молитора, проявлял

удивительную властность. Впрочем, покажись я на месте радикала, так же могли бы действовать Эмос или Мугас.

--- Забирай своих помощников и уходи, Молигор. Мы продолжим этот разговор сразу же после того, как я встречу с лордом Роркеном.

Все четверо быстро ушли, и я убрал пистолет в кобур.

Хирург подошел ко мне, покачивая головой:

--- Этот человек скончался, сэр.

* * *

По запросу лорда Роркена старший эффеузурх суда предоставил в наше распоряжение огромную корабельную часовню. На судовых клириков ярость Верховного Инквизитора произвела очень сильное впечатление.

И хотя медики поместили изувеченное тело Малахита в стазис-поле, у нас оставалось мало времени,

чтобы исправить вред, нанесенный вмешательством Молитора.

Лорд Роркен хотел было сам провести допрос, но вспомнил, что долг обязывает его вначале предложить это право мне. Отвергать мою кандидатуру значило бы поощрять нанесенное Молитором оскорбление, хоть бы Роркен и был Верховным Инквизитором.

Я ответил, что с благодарностью возьмусь за это поручение, и добавил, что знание всех аспектов дела превращает меня в наилучшего кандидата.

Мы собрались в часовне. Она представляла собой глиняный зал с резными колоннами и мозаичным полом. Вихрь Императора, бьющий за бортом корабля, подсвечивал витражи, изображавшие победы Императора. В зале стоял гул от вибрирующих двигателей «Святого Скифуса».

Ряды скамей и поднятые над залом ложи были заполнены до отказа. Присутствовали все мои братья, включая Молитора, который просто не мог оставаться в стороне.

Вместе с Ловинком я прошел мимо нефов к приподнятому постаменту, на котором лежал погруженный в стазис Малахит. Вокруг постота собралось почти тридцать астронастов, привлеченных из личного состава корабля и инквизиторских делегаций. Они о чем-то перешептывались, пряча свои бледные, оплывающие лица под капюшонами. Некоторые из них перемещались с помощью механических каркасов, снабженных колесами, некоторые восседали на носилках, несомых сервиторами. Ловинк отправился инструктировать их. Казалось, что он наслаждается возможностью покомандовать астронастами, которые в обычных условиях были куда выше его по званию. Ловинк не обладал должной силой, чтобы в одиночку проводить этот обряд; его возможностей хватало только для обычных психометрических острофов. Но его познания в области своих способностей и опыта делали его ключевой фигурой в процессе объединения усилий многих астронастов.

Я посмотрел на жалкие, обогранные останки Малахита в мерцающем стазисном поле. Каким-то гротескным образом он наполнил мне о самом Богем-Императоре, вечно покоящемся в мощном стазисном поле Золотого Трона и укрытом до конца времен от смерти, уготованной ему Хорусом.

Ловинк кивнул мне. Астронавтический хор был готов.

Я осмотрелся и нашел в толпе лицо Эндора. Он занял место возле Молитора, исполняя обещание внимательно следить за мной за этим вырожденком. Шонгард сидел почти в самом конце, пытаясь дистанцироваться от проступка своего собрата-радикала.

Брат-капитан Куанвольф вместе с парой своих внушающих ужас Космогесантников занял место позади алтарного экрана. Все они были облачены в силовые доспехи и вооружены штурм-болтерами. Они пришли не покрасоваться. Их присутствие было гарантией безопасности.

— Приступай, брат, — произнес лорд

Роркен из своей ложи.

Хор принялся раскачивать изгибы варна своей молитвой. Но залу пополнил ментальный холод, и люди в толпе застонали -- кто-то от страха, кто-то от непроизвольного всплеска эмоций.

Комтогус Вок поднялся со своего места с помощью трачного Хелгана и прошаркал ко мне. В качестве уступки лорду Роркену за разрешение провести этот обряд я согласился, чтобы тоноготинант тоже принял участие в аутосеансе. К тому же риск и в самом деле был значительным. А два ума всегда лучше, чем один. А если по правде, то было здорово, что ментальная мощь этой старой рептилии оказалась на моей стороне.

-- Убрать стазис-поле, -- сказал я.

Стенание астронавов стало громче. Когда призрачное поле угасло, мы с Вокот сняли перчатки и прикоснулись к липкому, лишенному кожи лицу еретика.

... Завеса варна раздвинулась. Вокруг меня клубился призрачный белый дым.

похожий на пух. В ушах звенели вопли
бесконечности... вопли миллиардов и
миллиардов душ, брошенных там...

... Вспыхнул синий свет, подобный
грозовым молниям. Обрушился звук, в
котором стесались грохот землетрясения
и григорианский хорал давно сгинувших
храмов. Донеслись запахи дровесного дыма,
лагана, морской воды, крови...

... Меня обступила вселенская
пустота, столь полная и бесконечная, что
мой разум оцепенел. Впрочем, это
наваждение отступило практически
мгновенно-достаточно быстро, чтобы не
унести с собой мой рассудок...

... Еще одно мгновение. Красные
вспышки. Столкновение галактик,
колеблющееся пламя. Души пронзали
Ультариум подобно кометам. Из-за
непрочной завесы пространства неслись
голоса богоподобных чудищ...

... Мгновение. Океаническая тгла.

Снова григорианский хорал...

... Мгновение. Зарождение галактик, заполненных зародышами будущих солнц...

... Мгновение. Холодный свет, древние эры... Мгновение...

--- Грегор?

Я огляделся и увидел Котмогуса Вока. Я не узнал сразу его голос. Он казался более мягким, словно происшедшее устирило дух престарелого инквизитора. Мы стояли на зеленом сланцевом склоне, под двойным солнцем, нагнетающим неимоверную жару. Хребты иссушенных гор вздымались на горизонте.

Мы пошли по гүлкому сланцу в том направлении, откуда доносился шум экскаватора. Древняя монозадачная машина, с гүсто смазанными поршнями, зарывалась в склон скалы с помощью навесных лап, заканчивающихся совками. Из ее котла вырывался пар и дым, а извлеченный зеленоватый камень скидывался на ленту транспортера.

Мы прошли мимо этого и других

экскаваторов туга, где сервиторы
отряхивали и отчищали предметы,
вытащенные из разрытого слоя, и
осторожно укладывали их на подносы
рядом с остальными находками.

За их работой приставлял
Малахит. Здесь он был моложе, почти
мальчишка, загорелый и крепкий от
работы и постоянного пребывания на
солнце. Он носил бангану, шорты и
свободную рабочую рубашку. И вытирал
пот со лба, оставляя грязные разводы.

— Я догадывался, что вы придете, —
сказал он.

— Будешь сотрудничать? — спросил я.

— У меня мало времени на разговоры, —
ответил он, наклоняясь, чтобы
осмотреть предметы, только что
положенные сервитором на поднос. — Надо
работать. Через неделю, или около того,
пойдут дожди, а здесь еще многое
предстоит отрыть.

Он знал, кто мы такие, но тем не
менее не мог полностью
дистанцироваться от окружающей его
реальности.

--- На самом деле, у нас масса времени на разговоры.

Малахит распрятился:

--- Полагаю, ты прав. Знаешь, где мы находимся?

--- Нет.

Он помолчал.

--- Это один из периферийных миров. Похоже, что я и сам забыл его название. Но здесь я был счастливее, чем где-либо еще. Здесь все и начинается. Первые мои крупные находки. Эти раскопки сделали меня известным и создали мне репутацию археоксенолога.

--- Это последнее, о чем нам хотелось бы сейчас беседовать, -- сказал Вок.

Малахит кивнул, снял бандану и еще раз вытер пот с лица.

--- Но здесь все и начинается. Меня прославят эти находки, меня станут считать членом в самых высоких кругах. Пригласят на ужин в прославленный, благородный Дом Гло, где сделают предложение стать их старателем. Сам Уригель Гло примет меня на работу и предложит крупную стипендию.

--- Ну и к чему это приведет? ---
спросил я. --- Расскажи нам о сарүти.

Он разозлился и отвернулся:

--- Зачем? Что вы можете предложить мне? Ничего! Вы убили меня!

--- Мы можем помочь, Малахит. Облегчить твою участь. Дом Гло обрек тебя на жуткую судьбу.

Заинтересовавшись, он встретился со мной взглядом:

--- Вы можете спасти меня? Даже сейчас?

--- Да.

Он задумался, а затем поднял один из подносов. Его неожиданно наполнили восьмиугольные таблички с Дамаска.

--- Знаете, у них когда-то была империя, --- сказал он, вороша плитки и показывая некоторые из них нам. --- Обломки были бы бесполезны. Здесь пиктографически записана их история. Впрочем, нашим глазам она недоступна. У сарүти нет ни глаз, ни ушей. Их первичными чувствами стали обоняние и вкус. Они чувствуют ароматы реальности, включая даже запахи изтерений. Углов

времени.

--- Как?

Он пожал плечами:

--- Некротек. Это он исказил их. Империя была маленькой, не больше сорока миров, но очень древней к тому моменту, как к ним попала эта книга. Ее принесли с собой люди, бежавшие от преследования на Терре, в очень давние времена. Благодаря своему восприятию, основанному на осязании, сарүти удалось получить от Некротек больше, чем мог прочесть обычный человеческий глаз. С первой же пробы вкус и запах глубинных тайн Некротек стали распространяться в их культуре, подобно лесному пожару, словно вирус, изменяя и искажая сарүти, даря им невероятное могущество. Но распространение этих знаний привело к войне... гражданской войне, уничтожившей их империю, оставившей за собой сгоревшие и заброшенные миры. Теперь их территория, какой мы ее знаем, раздроблена на далеко разбросанные фрагменты.

--- Они извращены? Я имею в виду как в виду? --- спросил Вок.

Малахит кивнул:

--- О, для них нет спасения, Инквизитор. Это тот тип грязных ксеносов, которых такие, как вы, учат бояться и презирать. За свою карьеру я встречался с несколькими иными расами и понял, что в большинстве случаев они не заслуживают ненависти, которую Инквизиция и Экклезиархия сеют по отношению ко всему нечеловеческому. Вы непробиваемые дураки. Вы готовы уничтожить все, что не походит на вас... Но в данном случае вы оказались правы. Зараза Некротека овладела сарүти. Не стоит считать их только ксеносами, это порождение Хаоса.

Он поежился, словно на холодном ветру, хотя оба солнца палили неустанно.

--- А что насчет их ресурсов, военных возможностей?

--- Понятия не имею, --- сказал он, снова загрохав. --- Они отказались от кустических технологий века назад. Им они больше не нужны. Как я уже и сказал, Некротек деформировал их чувства. Они обрели способность изменять углы

пространства и времени, двигаться сквозь измерения. От одного мира до другого. Они научились искусству строительства в четырех измерениях, созданию пространств, существующих только в определенных временных точках.

--- Как то, где должна была состояться сделка?

--- Да. КСХ-1288 когда-то входил в состав их империи и был уничтожен во время гражданской войны. Они выбрали этот мир, потому что он отдален от основных их населенных центров. Внутри планеты специально для нас был выстроен тетраскейн.

--- Тетраскейн?

--- Прошу прощения. Я ввел этот термин. Думал, что когда-нибудь смогу изложить все на бумаге. Означает он искусственно спроектированное, четырехмерное окружение. В этом конкретном случае оно было сконструировано с климатом, пригодным для людей. Понимаете, мы ведь были их гостями.

--- Как заключалась сделка?

— Это все канер Лок. Он служил Дому Гло в течение многих лет. Наемник, бороздящий космос по воле Гло. Он рискнул отправиться в пределы сарүти и в конечном счете вступил с ними в контакт. Затем ему удалось узнать про существование Некротека и выяснить, чего будет стоить книга его хозяевам.

— И сарүти согласились на сделку? — Я начинал терять терпение.

Время, без сомнения, уходило. Малахит снова угрожал.

— Холодно, — сказал он. — Вам так не кажется? Становится холоднее.

— Они согласились торговать? Ну давай же, Малахит! Мы не стоим поточь тебе, если ты будешь молчать.

— Да... да, они согласились. Согласились за возвращение ил артефактов и ценностей из миров, которые они покинули и к которым больше не имели доступа.

— Разве Некротек не был драгоценен для них?

— К тому времени он уже был в их руках, в их утах... впелся в их

генетический код. Сама книга уже не имела значения.

--- У тебя наняли, чтобы ты добывал материалы, необходимые Гло для сделки?

--- Конечно. Они пообещали мне такое могущество... да вы и сами знаете...

Его голос затих. За далекими горами небо начинало темнеть. Усиливающийся ветер разносил сухую глину под нашими ногами.

--- Дожди? --- произнес Малахит. --- Они не должны начинаться так рано.

--- Сосредоточься, Малахит, или тебя унесет! Некротек уничтожен, сделка сорвана, а Дом Гло рассеян и побежден! Так почему Лок и Даззо ведут свой флот в глубины территории сарүти?

--- Что такое? --- резко спросил он, поднимая руку в требовании тишины.

Действительно, становилось холоднее, солнца заслонили бегущие облака. Издалека доносилось едва слышимое заунывное погребальное пение.

--- Так зачем они это делают? --- сплюнул Вок.

Малахит посмотрел на нас как на

диготов:

--- Пытаются исправить ущерб, который вы причинили их работе! Над высокогородными и могущественными повелителями Гло стоят и другие повелители! Владыки, чей гнев непредставим! И за потерю Некротека предстоит отчитываться!

Я оглянулся на Вока.

--- Ты говоришь о Детях Императора? --- спросил я Малахита.

--- О ком же еще! Гло не смогли бы проделать все это в одиночку, при всем своем могуществе и влиянии. Они заключили с этими монстрами договор о поддержке и защите, взятен пообещав поделиться с ними Некротеком. Теперь, когда книга потеряна, Дети Императора будут весьма недовольны.

--- Так каким же образом они надеются избежать их недовольства и возместить ущерб? --- спросил Вок, которого, так же как и меня, начинали беспокоить цвет неба и звуки, доносимые ветром.

--- Заполучив еще один Некротек, ---

догадавшись, ответил я за Малахита.

Археоксенолог похлопал в ладоши и улыбнулся:

--- Наконец-то умная мысль! А я уж было утратил всякую надежду. Отлично!

--- Есть еще одна копия?! --- запинаясь спросил Бок.

--- Сарүти ничего не стоило прогнать человеческую копию Некротека по той простой причине, что у них есть собственная, --- сказал я, проклиная себя за то, что не понял столь очевидную вещь с самого начала.

--- И снова в точку! Она действительно у них имеется! --- Малахит ликующе улыбался, хотя теперь его не отпускал озноб, ему необходимо было срочно согреться. --- Конечно, она написана в транскрипции ксеносов, составлена на их... можно было бы сказать «языке», но мне кажется, что больше подойдет слово «аромат». Однако содержащиеся в ней тайные знания те же самые. Даззо и его повелители заполучат Некротек, несмотря на вызванную тобой задержку.

Сверкнула молния, ветер стал

поднимать вокруг нас стены пыли и ураганчики сланцевой крошки.

--- Время вышло! --- закричал мне Вок.

--- Как точно сказано, --- заметил Малахит. --- А теперь выполняйте обещание. Я ответил на ваши вопросы. Или вы не люги слова?

--- Мы не в силах спасти тебя от смерти, Малахит, --- ответил ему Вок. --- Но мерзость, с которой ты собирался связать свою жизнь, приближается, чтобы пожрать твою душу. Мы можем проявить милосердие и изгнать твой дух прежде, чем это случится.

Малахит устехнулся, сланцевые частички отскакивали от его обнажившихся зубов.

--- Будь ты проклят, Комтогус Вок. Будьте вы оба прокляты.

--- Шевелись, Вок! --- закричал я.

Малахит просто тянул время, рассказывая свою историю. Он чертовски хорошо знал, что мы не сможем предложить ему ничего, кроме быстрого конца. Но не это интересовало его. Ему хотелось отомстить. Такова была его

цена за наш разговор. Он хотел удостовериться, что мы все еще будем там, когда придет конец, и утрет вместе с ним.

Песок пустыни позади него взорвался стерчем из камня и пыли. И словно гейзер, из-под земли ударила колонна крови, достигавшая дюжины километров в высоту и метров пятисот в ширину. Она вздымалась над нами, точно гигантское дерево, покрытое гнойной плотью, сухожилиями, мускулами, порванными органами и миллионатами уставившихся на нас глаз.

Из полужидкого, бурлящего чудища высунулись похожие на ветви отростки из костей и связок, разогравшие Малахита на части.

Это была самая тотальная, самая гибельная судьба, которая на моих глазах когда-либо постигала человека. Но когда это случилось, археоксенолог продолжал триумфально улыбаться.

Глава двадцать вторая В НАСТУ ВАРНА МАНДАТ НА ЗАЧУСТКУ 56-УЗАР

Психометрически воссозданные воспоминания об окраинном мире и археологических раскопках на нем раскололись, словно отражение в разбитом зеркале. Но возвышающаяся над нами монструозная башня осталась, резко вырисовываясь на фоне смертельной мглы и готовясь обрушить нас в бездну страданий.

Я почувствовал, как Вок хлестнул ментальным выплеском по твари, но по осмысленности его поступок был сродни действиям человека, пытающегося сдуть свечу.

--- Назад! --- забормотал я, но мне самому той голос показался пропагандирующим и

далеки.

Я увидел, как Вок проваливается в бездну, пытаясь дотянуться до меня. Я прокричал его имя и поймал за руку. Он заорал что-то в ответ, но мне не удалось его расслышать.

Вместо ответа я услышал вопли, крики и грохот огнестрельного оружия.

Я был распластан на холодном мозаичном полу часовни, с ног до головы покрытый кровью, слизью и ошметками какой-то органики. Мое дыхание было сбито, и никак не удавалось удержать бешено бьющееся сердце. Вокруг стоял отчетливый и оглушительный шум.

Я откатился в сторону.

Паника опустошала часовню. Священники и послушники, помощники и слуги с воплями разбежались, опрокидывая скамьи. Лорд Роркен с побледневшим лицом вскочил на ноги. Его верные телохранители, скрывающиеся под масками святых апостолов, описывали восьмерки обоюдоострыми мечами.

Я увидел Вока, лежащего неподалеку без сознания. Так же как и меня, его

покрывала нечеловеческая кровь и вязкий сок Умлатериума.

Мне никак не удавалось обрести равновесие, рассудок притупился. Я откашлялся кровью. Стало ясно, что я проклят. Проклят варпом, опустошен им и осквернен. Слишком близко и слишком долго мы соприкасались с ним.

С жуткими воплями валялись астронавты. Многие из них были уже мертвы, а остальные либо бились в конвульсиях, либо истекали кровью. Двое прямо на моих глазах одновременно взорвались, лопнули, словно переполненные кровью пузыри. Между ними сверкали дуги разрядов энергии варпа, выжигая мозги, плавя кости и кипятя жидкие ткани.

Труп Малахита исчез. На постаменте, где он лежал, теперь сидел извивающийся, визжащий ужас, состоящий из дыма и гниющих костей. Астронавты дождались, пока мы с Воком сбежим, и только тогда разорвали связь. Но какая-то тварь сумела вылезти вслед за нами.

Точных собственных очертаний у монстра не было, но в то же время

существовал напек на множество других. Так тень на стене или облако в небесах могут напекать одновременно несколько разных предметов. Под плащом, сотканным из дыма, засиял свет звезд и сверкнули зубы.

Первый из телохранителей Роркена уже оказался рядом с чубовищем и ударил его мечом. Бритвенно-острый клинок, с выгравированными на нем благословениями и святыми символами, беспрепятственно прошел сквозь тонкий, эфирный дым.

В ответ существо взмахнуло оружием, состоящим из глинного, острого когтя, присоединенного, словно лезвие косы, к костяной рукояти, и рассекло пополам человека, и святой меч.

Я принялся шарить в поисках оружия... любого, черт возьми, но оружия.

Раздался грохот канонады.

Три Десантника Караула Смерти наступали на исчадие варна, стреляя из тяжелых болтеров. Их черные силовые доспехи покрывала псионическая изморозь. Было слышно, как Кианвольф выкрикивает

проклятия порождению тьмы и
тактические команды своим боевым
братьям.

Болтеры, украшенные гербом их
Ордена, продолжали грохотать в унисон до
тех пор, пока их неустанный огонь не
опрокинул тварь варпа, превратив ее в
размазанный, визжащий ком черноты и
костлявых отростков. Существо упало с
постамента на не успевших прийти в себя
астронавтов, раздирая на куски и живых, и
мертвых.

Брат-капитан Куанвольф выбежал
вперед, быстрее, чем, на мой взгляд, было
возможно для человека в столь тяжелой
бронь. Отбросив в сторону опустевший
болтер, он выхватил цепной меч и
полоснул им по корчащейся массе,
отбрасывая тварь к исповедальным
кабинкам, распавшимся от удара, подобно
карточным домикам.

Лорд Роркен прошел мимо меня,
сжимая церемониальный серебряный
огнемет, который выхватил у одного из
своих помощников. Следом за ним бежал
служка, с трудом удерживая

инкрустированный золотом бак с горючим
и пытаюсь шагнуть в ногу со своим
повелителем.

Над канонадой возвысился распевный
голос Роркена:

— Дух пагубного Улматериута,
изгоняю тебя именем Императора
Человечества, да будут обильны его
благословения, да хранит он меня от
страха перед тенью варна...

Священное пламя омыло порождение
варна. Лорд Роркен распевал ритуальные
слова изгнания на пределе своих голосовых
связок.

Эндор помог мне подняться на ноги, и
мы присоединили свои голоса к
речитативу.

Часовню затрясло. Казалось, что
завибрировало все сүдно.

А потом от мерзостного создания не
осталось ничего, кроме горстки пепла и
тех разрушений, которые оно причинило.

В качестве епитимий за проступок,
приведший к вторжению исчадия варна,
Конрад Молитор должен был взять на себя
все хлопоты по очищению и переосвящению

оскверненной часовни. Эта работа, за которой приставляли первосвященники курии и техножрецы Бога-Машины, заняла первые шесть недель нашего десятинедельного путешествия к 56-Узар. Молитор отнесся к своим обязанностям серьезно, переодевшись в покаянную рубашку, сшитую из грязной мешковины, и заставляя своих слуг между ритуалами бичевать его розгами и ментальными плетями.

Я решил, что он легко отделался.

* * *

Месяц я прожил в отведенных мне апартаментах на линкоре, оправляясь от физических травм, причиненных аутосеансом. На лечение психологического ущерба, полученного тогда, ушло еще много лет. Мне все еще снится тысячеглазый гейзер вздымающийся в небо крови. Такое не забывается. Говорят, что воспоминания со временем тускнеют, но

Вот это воспоминание не потеряло ни на йоту. До конца жизни мне придется утешать себя тем, что потерять память об этом было бы хуже. Ведь в таком случае это стало бы отрицанием, а отрицание открывает двери безумию.

Весь месяц я провел на широкой кровати, обложенный подушками и валиками. Доктора регулярно навещали меня, так же как и приближенные лорда Поркена. Они проверяли мое здоровье, мой рассудок и скорость, с которой я поправляюсь. Но я знаю, что они искали на самом деле. Инфекцию варна. Я был абсолютно уверен в ее отсутствии, но они не могли положиться на мое честное слово. И я, и Вок оказались слишком близко к бездне, слишком близко к краю необратимого проклятия. Всего лишь еще несколько мгновений -- и...

Это все время оставался рядом, приносил мне книги и планшеты, пытаясь отвлечь меня. Иногда он читал вслух истории, проповеди или легенды. Иногда проигрывал кассеты с музыкой, вручную, вращая рукоятку старенького целиафона.

Мы слұшали легкие оркестровые прелюдии Даминиаса Бармелатю, возвышенные симфонии Ганза Сольвейга, религиозный хор Онгреса Клойстерхуда. Эмос погневал опереттам Гүингласа, пока я не взмолился о пощаде, а потом, когда играл «Реквием» Махариуса, исполнял пантомимой роль проводника, танцүя по комнате на своих аугметических ногах в столь нелепой и бодрой манере, что заставил меня расстелиться вслұх.

— Рад слышать это, Грегор, — сказал он, сдүвая пыль с очередной кассеты, прежде чем вставить ее в целиафон.

Я собрался было ответить, но меня перебили резкие военные марши Мордуанского полкового хора.

Навещал меня и Мугас, коротая время за игрой в регидис или пощипывая свою главианскую лиру. Последнее я воспринял как своеобразный комплимент. Он таскал эту лиру за собой много лет, она была с ним и в нашу первую встречу, но он никогда не играл в моем присутствии, несмотря на просьбы.

Он оказался мастером в этом деле. Его инкрустированные биосхематичные пальцы читали и играли на кодированных струнах столь же виртуозно, как и управляли всем, что способно летать.

В третье свое посещение, после нескольких лихих главианских мелодий, он опустил свой пугающий инструмент и сказал:

--- Ловинк умер.

Я прикрыл глаза и кивнул. Я подозревал это.

--- Эмос не хотел пока говорить, учитывая твоё состояние, но мне показалось, что будет неправильно дальше скрывать это от тебя.

--- Он умер быстро?

--- Его тело пережило вторжение во время сеанса, но не мозг. Тело скончалось через неделю. Просто угасло.

--- Спасибо, Мугас. Хорошо, что ты рассказал. Сыграй ещё раз, чтобы я смог забыть в твоей музыке.

Это странно, но больше всего я наслаждался визитами Биквин. Она суетилась, наводила вокруг меня порядок.

возмущаясь состоянием кувшина с водой или тем, как разбросаны подушки. Потом она читала вслух оставленные Эмосом книги и планшеты, многие из которых он задекларировал как обязательные для моего просвещения. Но Елизавета читала их лучше, эмоциональнее и выразительнее. Голос, которым она наделила Себастиана Тора, заставил меня смеяться до боли в ребрах. А когда она приступила к чтению «Вести о боевых горнах» Керлова, ее олицетворение Императора надо было бы посчитать еретическим.

Я обучал ее режиссуре. Она проиграла несколько первых партий, замороженная фигурами, запутанностью игрового поля и сложностью ходов и стратегий. Она заявила, что игра для нее слишком «абстрактная». Что у нее, Елизаветы, не возникает «стимула». То есть мы начали играть на деньги. Тогда она обрела стимул и стала побеждать. Каждый раз.

В следующий свой визит Мугас печально спросил:

— Это ты ее научил играть?

К концу третьей недели месяца, проведенного мною на линкоре, в мою комнату вошла Биквин и объявила:

--- Я привела посетителя.

Травмированную сторону лица Гогвина фишиг восстановили с помощью аулметики и имплантатов и закрыли белой полумаской из синтешлоти. Потерянную руку также заменили, поставив вместо нее мощный серебристый протез. Исполнитель был одет в простую черную куртку и бриджи.

Он присел на край кровати и пожелал мне скорейшего выздоровления.

--- Мы не забудем твою отвагу, Гогвин, --- сказал я. --- Когда все кончится, ты можешь вернуться к исполнению своих обязанностей на Спеси, но, если захочешь, я с радостью возьму тебя в команду.

--- Ниссемай Карпел, будь он нелажен, --- сказал фишиг. --- Верховный Хранитель может вызвать меня, но я знаю, где сам хочу находиться. Мне хотелось бы остаться с вами. У такой жизни есть смысл.

Фишиг просидел рядом со мной

долгие часы и ушел только за полночь по корабельному времени. Мы разговаривали, перешучивались, а потом, под взглядом Биквин, играли в рэгициг. Поначалу нам доставляли массу развлечений его проблемы с манипулированием фигурами с помощью непривычной новой конечности. У него только побив меня в трех играх подряд, он признался, что Биквин, в своей бесконечной мудрости, тренировала его несколько последних недель.

Был еще один посетитель, появившийся за день или два до того, как я наконец смог подняться на ноги и отправиться по своим делам, не прерываясь на то, чтобы отдышаться. Этого посетителя вкатил на инвалидном кресле Хелган.

Вок выглядел съезжившимся и совершенно разбитым. Разговаривать он мог только с помощью имплантированного голосового аппарата. Я был абсолютно уверен, что жить ему оставалось несколько месяцев.

--- Ты спас меня, Эйзенхорн, --- запинаясь, прохрипел он сквозь

аугментические связи.

--- Астронавты дали нам шанс выжить, --- поправил его я.

Вок покачал шишковатой, бессильно опущенной головой:

--- Нет... Я потерялся в том проклятом царстве, но ты удержал меня. Твой голос. Я услышал, как ты позвал меня по имени, и этого оказалось достаточно. Без этого... без твоего голоса я бы отдался варну.

Я пожал плечами. Да и что тут можно было сказать?

--- Мы не похожи, Грегор Эйзенхорн, --- продолжал он дребезжащим голосом. --- Наше понимание долга инквизитора серьезно различается. Но тем не менее я преклоняюсь перед твоей отвагой и самоотдачей. Ты заслужил мое уважение. Различные методы, различные средства --- разве не это истинная суть нашей организации? Я умру спокойно --- и думаю, что это случится скоро, --- зная, что такие люди, как ты, продолжат борьбу.

Мне была оказана очень высокая честь. Что бы я ни думал о его методах,

но цели наши совпадали.

Слабым жестом он велел Хелгану выйти вперед. Обглоданная карнодоном физиономия его помощника не стала краше с нашей последней встречи.

— Мне бы хотелось, чтобы ты доверял Хелгану. Он лучший из моих стажеров. Я намереваюсь рекомендовать его к повышению до чина старшего дознавателя, а отсюда лежит дорога к инквизиторскому сану. Если я утру, пожалуйста, пристотри за ним. Не сомневаюсь, что Инквизиция только выиграет от его присутствия.

Я пообещал Вок, что так и сделаю, и Хелган явно обрадовался. Мне не слишком нравился этот человек, но он сохранял мужество и жизнерадостность перед лицом жуткой смерти и не оставил сомнений в своих навыках и преданности.

Вок сжал мою руку в своих потных кулаках и прохрипел:

— Спасибо, брат.

Коммодус Вок прожил еще сто три года. Эту старую перечницу оказалось практически невозможно убить. И когда

Голеш Константин Фенно Хелдан бы
наконец удостоен сана инквизитора, это
произошло исключительно благодаря Вок.

* * *

Отработка вторжения началась за
три недели до погрома к 56-Цар.
Первоначально в планы адмирала
Спатиана входило банальное уничтожение
цели с орбиты. Но лорд Поркен и Орген
Караула Смерти настояли на
необходимости наземной операции.
Обнаружение и ликвидация Некромена
ксеносов нуждались в подтверждении.
Лишь после выполнения этой цели можно
было дать разрешение на тотальное
разрушение 56-Цар.

Бритном, почтенный библиарий и
стратег Караула Смерти, вместе с
армейскими тактиками провел серию
опросов, вытягивая из своих помощников и
выживших гугрунитов всю доступную
информацию по тетраскейнам (забавно,

мы стали использовать термин, введенный Малахитом).

Собранную информацию загрузили в корабельные вычислители, чтобы те создали симуляцию подобных условий для акклиматизации войск. Но на мой взгляд, симуляция совершенно не давала представления о той «неправильности», с которой нам пришлось столкнуться на плато.

Сам Бритном разговаривал со мной в присутствии Ольга Магортина. Бритноголовый воин, казавшийся гигантом даже без силового доспеха, Бритном оставался при этом сердечен и чуток, обращаясь ко мне с уважением и выслушивая ответы с полным интересом. Я постарался придать пережитому и увиденному нами в КСХ-1288 словесную форму, а заодно выложил и мои теории, рассказанные Малахитом во время рокового аутосеанса.

Сторонясь такой роскоши, как сервитор-секретарь или клерк, Бритном самостоятельно записывал примечания к услышанному. Меня завораживало то, как

огромная лапища воина ловко управляет
с крохотным стилем, бегающим по
планшету.

Подобные беседы, которые иногда
длились по несколько часов, мы вели в
тех апартаментах. Биквин регулярно
поносила нам поносы с горячим медом и
травяными настоями. Бритном, поднимая
кружку за ручку, отставлял мизинчик.
Мне библиарий казался аллегорией войны в
тирное время. Он лакировал свою
чудовищную мощь утонченными
манерами, не позволяя пугающим силам
вырваться на свободу. Он поднимал кружку,
отставлял мизинец, сверялся со своими
записями и задавал очередной вопрос,
прежде чем сделать еще один глоток.

А то, что мизинец размерами и
формой напоминает булаву арбитра, его
не заботило.

— Что я пытаюсь установить, брат
инквизитор, так это то, будет ли
окружающая среда сарути создавать
помехи нашим войскам, лишая их
оптимальной боевой эффективности?

— В этом, брат библиарий, ты

можешь быть абсолютно уверен. -- Я
налил себе еще нетного олисетского чая из
серебряного чайничка. -- Мои люди
оставались дезориентированными в
течение всей миссии, и причиной потери
среди гугрунских стрелков в первую
очередь стали окружающие условия. Там
существует некая «неправильность»,
сбивающая с толку все органы чувств.
Были высказаны предположения, что
сарүти специально подрывали наше
восприятие трехмерного пространства,
но, на мой взгляд, мнение Малахита
отражает истинное положение.
«Неправильность» -- это побочный эффект
окружающей среды, предпочтительной для
сарүти. Следует ожидать подобного от
любой из их родных планет.

Бритном кивнул и снова что-то
записал.

-- Я уверен, что опыт вашего Оргена
и специализированные системы
восприятия подготовлены для этого, --
вставил Мадортин. -- Я же беспокоюсь о
гвардейцах. Они ведь играют ключевую
роль в операции.

--- Все они ознакомились с предварительной тренировочной моделью, --- пробормотал Бритном.

--- При всем моем уважении, но я тоже ознакомился с симуляторами. Они едва ли воссоздают в должной мере условия, в которых мы окажемся, --- посмотрел я через стол на Бритнота.

Его скуластое лицо было словно обесцвеченным --- обычное дело для человека, который проводит большую часть своей жизни запертым в силовой доспех. Его немного воспаленные глаза с интересом уставились на меня. Я задумался над тем, каких войн, каких побед стали свидетелями эти глаза. Каких поражений?

--- И что ты предлагаешь? --- спросил Бритном.

--- Внести в тренировку дополнительные пассивные элементы. --- Я долго и усердно раздумывал над этой идеей. --- Олм знает, брат библиарий, что я не военный, но вот, как мне кажется, надо поступить: пусть солдаты тренируются в условиях перегрузки и

отсутствия равновесия. В одних упражнениях завязывайте им глаза, сковывайте им руки, в других -- изменяйте гравитацию в тренировочных отсеках. Выдайте им тяжелые, неудобные рюкзаки со смещенным центром тяжести. Без предупреждения меняйте уровень освещенности. Заставляйте скакать под давлением и температуру воздуха. Просто сделайте тренировки сложными. Учите их бегать, прятаться, стрелять и перезаряжать оружие в противоречивых условиях.

Заставьте их вызубрить все основные боевые навыки так, чтобы они могли применить их где угодно, при любых обстоятельствах. Когда они окажутся на поверхности 56-Узар, их мысли должны занимать только сражение. Чтобы все остальное производилось на уровне инстинктов.

Мадортин уверенно улыбнулся:

-- Пехотные войска, находящиеся в нашем распоряжении, по большей части состоят из опытных солдат Военно-космического флота и легкой элитной

Циперской Гвардии Мдиренца, сильно отличающихся от бедных гудрунских новобранцев, с которыми вам приходилось нянчиться. Мы прогоним их по полному кругу, так чтобы они могли отвесить ксеносам хорошего пинка. Они проверены боями, и у них есть шарики в штанах.

--- Не стоит преуменьшать проблему, --- предупредил я Мадортина. --- Кстати, насчет этих, как ты выразился, новобранцев... Я говорю о сержанте Джеруссе и его людях. Мне бы хотелось, чтобы они сопровождали меня во время высадки.

--- Грегор! Мы можем предоставить тебе первоклассный отряд Мдиренца, который...

--- А я хочу выживших гудрунитов!

--- Почему? --- спросил Бритнот.

--- Потому что как бы ни были они неопытны, но они видели тетраскейн. Именно их мне хотелось бы видеть рядом.

Мадортин и Бритнот переглянулись, и прокуратор пожал плечами:

--- Как пожелаешь.

--- И насчет остальных, как я уже и

сказал, не давайте им поблажек на тренировках.

--- Не будем! --- засмеялся он. --- Инструкторы так обработают эти полки, что они еще начнут тосковать по настоящей битве.

--- Я говорю серьезно, --- сказал я. --- Всякий человек, высаживающийся на 56-й Узар, должен быть готов к тому, что потеряет контроль над всеми своими чувствами, способностью адекватно мыслить, утратит силу духа и даже простейшие умственные способности. Это касается и воинов из почтенного Ордена Караула Смерти, да благословит их Император. Сражение будет не только тяжелым, но и неожиданным. Мне плевать, позабывают ли они, как зовут их родных там или их самих, но они должны полнить, как держать строй, стрелять и перезаряжать, а еще обожать Императора и выполнять приказы.

--- Очень образно, --- произнес Бритном. --- Но мне, конечно, придется немного утерять пыл твоих фраз, прежде чем передать их моим боевым братьям.

--- Мне все равно, что ты будешь или
рассказывать, --- застелся я, --- только не
говори до их сведения, от кого исходят
эти предложения.

--- Можешь быть уверен в своей
анонимности, --- улыбнулся он.

Это стало настоящим чудом. Мне
кажется, что я один из немногих
смертных, кому удалось выжать улыбку
из библиария Агентус Астартес.

Бритном отложил планшет и стуло
и с любопытством уставился на меня.

--- Мандрагор, --- произнес он.

--- Это ублюбочное Дитя
Императора? А что с ним?

--- Мне рассказывали, что ты
самолучно убил его. В поединке. Это
настоящий подвиг для такого, как ты...
только не сочти это за оскорбление.

--- Не сочту.

--- Так как тебе это удалось? --- с
живым интересом спросил он.

Пришлось рассказать. Бритном
старался не выказывать эмоций, я
пытался быть скромным, а Мадортин
пришел в сильное волнение.

--- Брат-капитан Кюанвольф будет восхищен, --- по окончании моего рассказа произнес Бритнот. --- Я обещал ему, что развѣзнаю подробности. Он утирал от любопытства и хотел сам спросить тебя, но постеснялся.

Это и вовсе прозвучало забавно.

Мы готовились к предстоящему сражению. Оно обещало быть тяжелым и, в отличие от большинства кампаний, не имело четкого разделения на две стороны. Я наблюдал за тренировками, восхищаясь прилежанием и дисциплиной солдат. Также мне удалось получить истинное удовольствие от лицезрения того, как убойная бригада капитана Кюанвольфа преследует учебную цель.

Мы были готовы. Готовы настолько, насколько это вообще возможно.

На девятой неделе пути Верховный Инквизитор Поркен и адмирал Спатиан составили совместную декларацию, официально одобренную печатью Экклезиархии, --- «Мандат На Зачистку

56-Узар», в полном соответствии с
терминами и определениями, принятыми
в законодательстве Улперула. Этот
документ ставил точку в принятии
решения. Обратного пути не было. Мы
шли сквозь Улматериул, чтобы
вторгнуться в мир сарути и, если
возникнет такая необходимость,
уничтожить его.

Все это время мне практически не
снилось снов. Но в последнюю ночь перед
прибытием к 56-Узар в пейзаж моих грез
снова пробрался красавец с пустыми
глазами.

Он разговаривал со мной, но я не
слышал слов и не понимал его намерений.
Он вел меня холодными коридорами по
разрушенному дворцу, а затем тихо отбыл
куда-то за пределы сна, оставив меня в
одиночестве, голого, посреди шатающихся
и готовых обрушиться на меня руин.

Во сне были и сарути. Они легко
пробирались через каменные лабиринты
разваливающегося дворца, находя углы и
тропы, которых я не мог видеть.

Многочисленные ноздри на их покачивающихся головах засверкали, когда они уловили мой запах. По их черепам побежали энергетические разряды...

Проснулся я насквозь вымокшим в поту и практически вывалившимся из своей широкой кровати. Валики, выскользнувшие из-под подушек, скатились на пол.

На тумбочке попискивал вокс.

--- Инквизитор Эйзенхорн слушает.

--- Извини, что разбудил, --- произнес

Мадортин. --- Но мне показалось, что тебе захочется это узнать. Флот вышел из Улматериума двадцать шесть минут назад. Мы выходим на орбиту вторжения в 56-Узар.

Глава двадцать третья

НАЧАЛО

ВТОРЖЕНИЯ

ИСКАЖЕННЫЕ УГЛЫ

В САДАХ САРУТИ

Война уже разгулялась не на шутку. Планета 56-Узар казалась подвешенной в космосе желчужиной, настолько молочно-белой и блестящей она была. Полупрозрачный облачный покров подсвечивали яркие вспышки и взрывы. Флот еретиков прибыл на два дня раньше нас и успел приступить к штурму.

Я продолжал воспринимать эти корабли еретиков как флот Эструта, хотя капитана-предателя уже не было в живых. В этом вопросе я мог быть уверен. Без всяких сомнений, теперь это был военный флот Лока.

Тринадцать судов взяли 56-Узар в осаду, расположившись нестандартно, но

эффективно. Последовательные волны их истребителей, бомбардировщиков, перехватчиков и десантных шлюпок накатывали на планеты, в то время как тяжелые корабли, остававшиеся на орбите, обрушивали на поверхность мира всю мощь своих огневых батарей.

Они заметили нашу ударную группу в тот же миг, как мы вышли из варпа. Угрозные суда, тяжелые эсминцы «Навуходносор» и «Фурнье», развернулись, чтобы прикрыть тылы. Адмирал Спатиан отвел ударную группу в сторону и вывел вперед фрегаты «Оборона Сталинваста», «Молот Императора» и «Стальная воля», чтобы те расчистили путь.

Следом за ними отправились крупные эскадроны истребителей и линейный корабль «Вульпенула», которому была поставлена задача разобратся с тяжелым вражеским флагманским крейсером «Леонкур».

«Молот Императора» и «Стальная воля» зажали в тиски «Навуходносор» и после краткой, но яростной перестрелки подожгли его. Взрыв осветил космос.

«Оборона Сталинваста» и «Фүрнье» сцепились в долгом, медленном танце боевых кораблей. Время от времени они сталкивались, перебрасывая друг на друга штурмовые группы и отряды сил безопасности.

Сцепившиеся в смертельных объятиях корабли отплывали в сторону.

«Вүльпекүла» встретила впереди, но неправильно оценила маневр «Леонкүра», получив от трех попаданий серьезные повреждения. Имперский линкор, от которого разлетались обломки, навел свои пушки и столь яростно ударил по «Леонкүру», что тот развалился и взорвался утирающим солнцем.

«Вүльпекүла» медленно и трудно развернулась, уходя от вражеских кораблей, находящихся ближе к атмосфере планеты. Тогда Спатиан отдал приказ всей остальной группе выдвигаться вперед тремя звеньями, центральное и крупнейшее из которых возглавил величественный «Святой Скифус».

Дистанция сокращалась. Ближнее космическое пространство 56-Узар

заполняли огненные росчерки и лчащиеся кометы снарядов. Началась фаза яростного сражения малых высокоскоростных кораблей; звенья перехватчиков и легких бомбардировщиков двух флотов встретились, словно два роя шершней. В пүстоте и безмолвии плясали крошечные огоньки, они носились так быстро и их было так много, что невооруженный глаз не мог разобратъся в этом мельтешении. Даже тактические экраны стүщали чувства: на мониторах мерцали тысячи разнообразных значков, вокруг которых вспыхивали, кружились, исчезали и вновь появлялись курсоры.

Еретики затинировали бұферное пространство между своими рядами, и «Молот Императора», вырвавшийся вперед, получил тяжелые повреждения и был вынужден выйти из боя. Перехватчики еретиков тут же набросились на раненое судно, словно трупные мухи на умирающего зверя.

«Стальная воля» прошла мимо «Молота Императора» и приступила к расчистке пүти с помощью специального

оборудования. Дрейфующие минны
взрывались тысячами, когда к ним
прикасались силовые щупы.

В планы Спатиана входило
разорвать ряды противника клином,
чтобы хотя бы часть кораблей оказалась в
пределах атмосферы. По завершении этой
«стыковки» адмирал тут же мог
приступить к штурму поверхности
планеты, сбрасывать десантные шлюпки,
обеспечив их огнем прикрытия.

Первым на позицию вышел «Святой
Скифус». Его главное оружие беспощадно
расстреляло крейсер еретиков «Скутум» и
принудило броситься в отчаянное бегство
«Славу Алгола».

Со «Святого Скифуса», а также с двух
фрегатов и черного корабля Унквизиции,
погошедших следом, градом посыпались
сотни шаттлов.

Большую часть из них составляли
серые десантные шлюпки Улперской
Гвардии, которые обрушивались на
планету, грея реактивными
двигателями. Но среди них двигались и
изящные черные скарабеи Унквизиции, и

спускаемые модули Караула Смерти.

Штурм начался.

За первый час сражения нам удалось
высадить на поверхность 56-Узар более
двух третей нашего
стотридцатитысячного войска легкой
элитной пехоты Мдиренуа, почти половину
моторизованных тяжелых бригад и все
шесть десятков Космогесантников из
Караула Смерти.

Сенсоры показывали, что под
тяжелым саваном атмосферы 56-Узар
раскидывался ровный пейзаж, лишенный
каких бы то ни было
достопримечательностей. Широкие,
низкие континенты, состоящие из
неорганической грязи, кое-где прокалывали
твердые нагорья и окружали океаны,
состоящие из инертных химических
соединений. Единственным признаком
разумной жизни (и жизни вообще) служила
цепочка строений, огромных, словно города,
протянувшаяся вдоль экваториальной
линии крупнейшего континента.
Составляющие этих построек оказалось
практически невозможно сканировать с

орбиты. Еретики сосредоточили все свои силы на трех наибольших конструкциях. Адмирал Спатиан решил штурмовать эти же точки, логично рассудив, что еретики не стали бы тратить время и силы, атакуя посторонние цели.

Потери были высоки. Подходы перекрывали вражеские истребители, минные поля и огонь размещенных на земле систем противовоздушной обороны. Это было сражение людей. На участие в нем сарүти ничто даже не намекало.

Следом за основной группой высадились отряды Унквизиции, пять специализированных штурмовых подразделений, которым предстояло двигаться за войсками по расчищенному пути и выполнять основные цели операции — захват или устранение верхушки еретиков и уничтожение материалов, связанных с Некротеком. Одну из таких групп получил под командование я, остальные возглавили Эндор, Шонгард, Молитор и сам Верховный Унквизитор Роркен. Вок был слишком плох, чтобы командовать отрядом, и его этаксар

Хелдан прилкнул к группе Эндора.

Мое собственное воинство, обозначенное как «Зачистка-Два», состояло из двадцати гугрунских стрелков, Биквин, Мугаса и Костодесантника из Караула Смерти по имени Гвилар. К каждому инквизитору было приставлено по человеку из Агентус Астартес. Фишиг также хотел сопровождать меня, но все еще не до конца оправился от ран и последствий операции, и мне пришлось скрепя сердце вычеркнуть его. Он остался на линкоре вместе с Эмосом, который не годился в бойцы ни по каким стандартам.

Наш транспорт, представлявший собой десантную шлюпку Имперской Гвардии, оставил «Святой Скифус» сразу же вслед за отрядом, обозначенным «Зачистка-Один», высаживавшимся в личном спускаемом модуле лорда Роркена. Когда наша шлюпка отчалила и загрожала в стремительном спуске, мы затряслись в десантном отсеке, сидя в креслах, защищающих от перегрузки.

Когда мы полетели вниз, люди Джерусса запели. Их стандартную

гудрунскую униформу дополняли теперь новехонькие бронежилеты, полученные с флотских складов. На рукавах рядом с эмблемой Пятидесятого Гудрунского стрелкового полка у них красовались знаки Инквизиции. Люди пребывали в хорошем настроении, были уверены в своих силах и спокойны и, как мне кажется, чувствовали себя польщенными доверием, которое я проявил, выбрав именно их. Мадортин поведал мне, что во время подготовки они во всех испытаниях показали результаты выше среднего уровня. Они, словно ветераны, перешучивались, похвалялись и распевали имперские военные гимны. Впрочем, и в самом деле после основания полка в Дорсае они очень быстро прошли свое боевое крещение.

Биквин также очень сильно изменился. Опыт, полученный ею за месяцы, прошедшие с момента нашей первой встречи на Спеси. Чокнутую, эгоистичную девочку для удовольствий из-под Купола Солнца заменила серьезная, уверенная в своих силах женщина. Елизавета, похоже, все-таки нашла свое призвание и бросилась

В эту новую жизнь с энтузиазмом и энергией. Мне происшедшие с ней перемены показались великолепным достижением. На службу нашему возлюбленному Императору призывают много людей, и куда больше мечтает об этом. Все испытания, выпавшие на ее долю, Елизавета Биквин выдержала. И если определить точный момент, когда в ней произошел окончательный перелом, то это будет сражение на плато. Зрелище мертвого Мандрагора истребило ее страх.

Она была одета в черный облегающий доспех, глиняный, черный же бархатный плащ и сидела рядом со мной, скрупулезно проверяя свой лазган. Исполнитель фишиг здорово поднатаскал ее в плане обращения с оружием. Руки девушки совершали быстрые, профессиональные пассы. Только отделка из черных перьев на воротнике ее плаща напоминала покрашенную фифу в дешевой бижутерии из прошлого.

Мудас сидел напротив меня с несчастным видом. Из него получался паршивый пассажир, и я знал, что ему хотелось бы находиться в кабине шлюпки

вместо военного пилота. Он надел свой
светло-вишневый жакет, несмотря на
возражения строгого Гвилара, считавшего
столь пестрый цвет «неподходящим для
боя». Свои излометы Бетанкор распахал
по кобурат, а главвианский игольный
карабин держал на коленях.

Перег штурмом я оделся в
коричневую кожаную броню и плащ,
застегивающийся на кнопки, попытавшись
найти компромисс между защищенностью
и подвижностью. Символ моих властных
полномочий гордо красовался на моей
грудь, прямо над орденской лентой.
Библиарий Бритном в качестве жеста
уважения преподнес мне для личного
пользования болт-пистолет. Это была
компактная модель ручной сборки, с
корпусом из матово-зеленой стали. Я
вогнал в рукоять прямоугольную обойму, а
еще восемь таких же разложил по
подсудкам.

Через восемь минут неистовой
тряски шлюпка выровнялась. Гвилар,
сидящий рядом со шлюзовым люком,
начертил в воздухе знак аквилы и

захлопнул шлем.

--- Двадцать секунд! --- объявил пилот по voxу.

Мы вылетели из облаков над зоной боевых действий, идущих у поверхности планеты, и на полной скорости встретились к одному из замеченных с орбиты строений. Участок окружали колоссальные озера, или резервуары, и заполняющая их жидкость пылала. Высота бьющихся стен огня достигала нескольких тысяч метров. Над огнем поднимался черный дым, закрывавший дневной свет. Режущее пламя и залпы орудий окрашивали землю внизу в янтарный цвет.

Шлюпка качнулась, когда включились тормозные двигатели, и мы, словно пьяные, вильнули в сторону, прежде чем совершить посадку. Гвилар ударил по рычагу на стене, и шлюз со скрежетом распахнул свою пасть. В отсек ворвались холодный воздух и дым.

Мы десантировались на широкую, блестящую гладь белой грязи, влажно

хлюпавшую и пружинившую под нашими сапогами. Грязевая тропка лежала между глыб горящими озерами, и мы ощущали их неистовый жар. Колеблющееся плато отражалось на поверхности влажной грязи, ослепляя нас.

На белую глазь рухнули горящие обломки посаженного могюля и тела нескольких солдат Муреюа. Лазерные залпы пронзили воздух над нами. В километре впереди поднимались знакомые восьмиугольные очертания. Часть тетраврат, как их окрестили техножрецы Флота, была разрушена. Занятии вздымались желчужно-белые стены огромного здания, являвшегося нашей целью. Стены были изогнутыми, сегментированными, как у гигантской морской ракушки, и покрыты тысячами мелких обгорелых пятен и воронками от взрывов.

Гвилар шел в голове отряда. В воздухе пахло гарью и чем-то еще, похожим на лакрицу, но определить источник этого странного аромата не удавалось.

--- «Зачистка-Два» высадились в
отметке семь, --- сообщил я по воксу.

--- Принято, «Зачистка-Два».
«Зачистка-Один» и «Зачистка-Четыре»
положили о благополучной посадке и
размещении.

Итак, группы Роркена и Молитора
высадились. Об Энгоре и Шонгарде ни
слова.

Когда мы прошли мимо обломков
первой из арок, Гвилар остановился и
потряс головой. Я уже ощущал
«неправильность» --- коварную
перекрученность окружающей среды
сарүти. Вполне возможно, что эффект
усиливался из-за разрушения тетраврат.
Эти безмолвные устройства
проектировали и поддерживали
тетраскейны сарүти, но теперь они были
сломаны и неполны.

Гүдрүниты тоже заметили это, но не
казались слишком обеспокоенными.

--- Возглавь группу! --- приказал я
Джерүссу, и Гвилар резко посмотрел на
меня. --- Тебе потребуются время, чтобы
привыкнуть, брат Гвилар. Не спорь.

Джерүсс и три гүдрүнских стрелка
выгвинүлись в авангард. Но и они неловко
передвигали ноги, словно пьяные. Углы
пространства и времени в этом месте
действительно были искаженными и
вывихнутыми.

За нашими спинами взревели
турбины, и наша десантная шлюпка
взлетела с мерцающей грязью, захлопывая
скат и складывая под брюхом посадочные
опоры. Она успела пролететь всего около
шестидесяти метров, прежде чем ракета
ударила ее прямо по центру и разнесла на
куски. Полыхающая секция кабины
отлетела в сторону и упала в озеро огня.
Металлические обломки усеяли грязь под
местом взрыва.

Боже-Император милостивый... мы
же все могли быть в этот момент на
борту...

Передвигаясь шаткой рысью, мы
добрались до здания сарүти. Эта
сверкающая громада, с фундаментом,
уходящим под белую грязь, размерами
походила на имперский город-улей. Я
попытался получить целостное

представление от постройки, но быстро оставил это занятие, чтобы не лишиться остатков ориентационных навыков. Своими отполированными гранями и совершенными кривыми здание напоминало атланит, но моему взору никак не удавалось уловить его настоящие очертания. Плоскости и грани не встречались там, где этого следовало бы ожидать, и при попытке проследить за ними от одной точки до другой возникало ощущение оптической иллюзии.

Мы достигли подножия постройки. Ни окон, ни дверей... Те, кто до нас пытался пробить себе дорогу с помощью взрывов, обнаружили, что все здание представляет собой сплошной камень.

Я отвел людей от здания и вернулся по собственным следам к цепочке тетраэдров. Самая ближняя к постройке арка оказалась невредимой.

Как я и ожидал, пройдя под ней, мы неожиданно очутились внутри здания, словно прошли насквозь желчужные стены.

Внутреннее пространство освещалось неким слабым источником, размещенным

в стенах. Там было тепло, а запах лакицы стал резче и интенсивнее. Желчужный, просвечивающий пол выгибался и плавно переходил в кривые стены.

Мы пошли дальше, взяв оружие на изготовку. Коридор (если его так можно назвать) изгибался, словно описывая внутренние очертания некой гигантской раковины или же каналы человеческого уха. Но мы не чувствовали, как коридор поворачивает... только как он повышается.

Расширяясь словно горн, спираль выходила в огромное, почти сферическое помещение. Его истинные размеры оценить было практически невозможно, как и определить подлинные очертания. Казалось, что в нем размещен то ли декоративный сад, то ли ферма. Серебристые дорожки, поддерживаемые в воздухе антигравитацией или иной незримой силой, бежали между изогнутыми резервуарами с жидкостью, служившими кадками для высоких разноцветных саговников и каких-то еще, странно раздутых растений. Вокруг нас

вздымалась мясистая поросль, сочащаяся влагой и опутанная вьюнами и ползучими суккулентами. С невидимых креплений над грядками свешивались лозы и бородач разноцветной листвы. Были здесь и насекомые, мелькавшие среди зарослей. Одно такое существо село мне на рукав, и я прихлопнул его, с отвращением отметив, что у твари было пять лап, три крыла и полностью отсутствовала симметрия.

Мы пошли по серебристой дорожке. Она вела через тетраврата, которые тут же перенесли нас в другой сад, точно так же заполненный лоснящейся, обильной растительностью, процветающей в своих фигурных резервуарах. Самые высокие представители флоры в этом помещении, гигантские желтоватые «конские хвосты», покрытые оранжевыми прожилками, поднимались на восемьдесят или даже девяносто метров над парящей в воздухе тропинкой.

Гвилар тревожно вскрикнул, и его штурм-болтер начал плевать очередями огня. Снаряды рвали на части растения,

похожие на тыквы, разбрасывая во все стороны их волокнистую мякоть, и подстригали «конские хвосты».

Но нам открыли ответный огонь. Вспышки лазеров и треск ручных пулеметов. Солдаты еретиков наступали на нас, пробираясь через эти домашние джунгли.

Глава двадцать четвертая ЗАЧИСТКА ДВА ВСТУПАЕТ В БОЙ БЕЗМОЛВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТРИУМФ ДАЗЗО

По серебристым дорожкам сквозь заросли продирались люди, одетые в грязную униформу Пятидесятого Гудрунского стрелкового полка и в черные доспехи войск военно-костической безопасности. Два гудрунита из моего отряда упали, сорвавшись с дорожки, и их тела исчезли в маслянистых водах резервуаров под нами. Но большая часть выстрелов противника прошла мимо.

Группа «Зачистка-Два» ответила равканьем лазганов. Я выгнулся в голову

отрыга и открыл огонь из болт-пистолета. Для маневрирования на висячей тропинке места практически нет, а уж про то, чтобы спрятаться, и говорить не приходится.

Первый мой выстрел ушел в сторону... Настолько в сторону, что я уж было решил, что болт-пистолет не пристрелян. Но потом я вспомнил про запутанную природу тетраскейнов сарути и сделал поправку в прицеливании. Два выстрела, два метких попадания. Биквин и Мугас также разгадали этот трюк, а ребята Джерусса быстро учились.

Гвилар производил много шума, решая сдвигать из своего штурм-болтера. На мой взгляд, он все еще не привык к подобному окружению.

Это было как озарение. Оказалось, что может ошибаться даже один из богоподобных воинов, к которым я привык относиться с большим пиететом, после того как на моих глазах Белые Шрамы штурмовали Альманаге. При всей своей мощи, отваге, сверхчеловеческих способностях и сверхсовременном

вооружении он ничего не добился там, где
Целтан, самый младший из гудрунитов,
уже убил троих.

Было ли это результатом его
высокомерия и самонадеянности?

--- Гвилар! Брат Гвилар!
Подрегулируйте линию стрельбы!

Я услышал, как Космогесантник
выругался и прибавил что-то о дерзости. А
потом он пошел вперед по дорожке, снося
выстрелами заросли.

--- Почему этот оборот не
слушает? --- вздохнул Мугас, наводя
главианский карабин и распыляя на очень
мелкие части солдата еретиков,
стоявшего в сотне метров.

--- Сплотить ряды! --- приказал я. ---
Джерусс! Давай гранатами!

Джерусс и трое гудрунитов принялись
осыпать заросли осколочными гранатами.
Прогревшиеся взрывы разметали в разные
стороны жижу из резервуаров и ошметки
флоры. В воздухе повис липкий туман, в
котором плавали волокна растений.

В канонаде вражеской стрельбы
появились неожиданные звуки. Над треском

и шипением лазерного оружия разнесся рык болтера.

Я увидел, как болтерная очередь откидывает Гвилара навзничь. С криком гнева, но не боли он упал с дорожки в бурлящий резервуар и исчез.

Его убийца шел нам навстречу, раскидывая путавшихся у него под ногами пехотинцев-еретиков, как котят.

— О нет! — закричала Биквин. — Во имя Золотого Трона, нет!

Это был еще один из Детей Императора... Брат, если не близнец потерзительного Мандрагора. Мерцающий плащ развевался за его плечами, а удары стальных копыт сотрясали дорожку. Он ревел, словно бешеный бизон. Его болтер рывкнул еще раз, и стоявший возле меня гудрунит превратился в кровавое облако.

Дети Императора, теневые спонсоры всей операции еретиков, прибыли, чтобы защитить свои вложения. Пришли ли они некрошено после смерти Мандрагора? Или, может, Даззо или Лок позвал их?

Я навел на него болт-пистолет, присоединяясь к отчаянной пальбе, которую

вела «Зачистка-Два», чтобы хотя бы замедить продвижение противника. Страх заставил солдат забыть практически все из своих тренировок, и многие выстрелы уходили в пустоту. А те, что все-таки попадали в его броню, Десантник Хаоса словно и не чувствовал.

--- «Зачистка-Два»! Вызывает
«Зачистка-Два»! Здесь Демид
Императора! --- заорал я по воксу.

Я знал, что через мгновение буду мертв. Но командование флота должно узнать о столь жутком развитии событий.

Внезапно из темной воды взметнулась черная тень, разбрасывая во все стороны пену и грязь. Брат Гвиляр вцепился в Десантника Хаоса, повалил его и упал вместе с ним в смежный резервуар. Что-то --- вероятнее всего, болтер монстра --- несколько раз выстрелило по воде, и из пробоины в стене резервуара хлынула жидкость. Жижка вытекала, уносясь по канавкам, созданным вокруг этих садоводческих изысков. Когда уровень жидкости в самом резервуаре понизился,

мы увидели сражающихся колоссов, перемазанных тиной и обменивающихся нечеловеческими ударами посреди переплетения корней и труб на грязном дне.

Чудовищные кулаки месили силовые доспехи. При этом во все стороны со свистом разлетались осколки сталепласти. Огромные лапы Десантника Хаоса вцепились в Гвилара, пытаясь отогнать тому наплечники. Гвилар оттолкнул его назад, вспенивая ногами темную густую грязь. Оба бойца врезались в ствол саговника. Десантнику Хаоса удалось перехватиться получше и нанести удар, разбивая подмышечную область священного доспеха Караула Смерти усиленной латной рукавицей. Гвилар вздрогнул и повалился навзничь, а мощный обратный удар противника сорвал с него шлем.

Десантник Хаоса прыгнул на растянувшегося Гвилара, намереваясь обрушить на его лицо кулаки, похожие на валуны.

Раздался грохот выстрела, и что-то

вспыхнуло. Выродок Хаоса повалился в грязь с пробитым и пылающим изнутри черепом.

Гвилар, пошатываясь, поднялся, сжата в руке штурм-болтер. Из ран на его лице и шее текла кровь.

Это была великопепная победа. Джерусс и его люди одобрительно закричали и возобновили наступление на еретиков. Противник дрогнул и скрылся в густых чащах.

Гвилар, с которого стекала тина, взобрался обратно на дорожку и посмотрел на меня сверху вниз.

— Рад, что ты по-прежнему с нами, брат Гвилар, — сказал я.

Мы продвигались по тропинкам, ведущим через сады сарүти, не встречая никакого сопротивления. Мы проходили мимо мертвых тел противников, плавающих в резервуарах или лежащих на тропинках. На их лицах были видны клейма. Отметины Хаоса, оставленные на коже скорее злом, нежели огнем. Адмирал Спатиан надеялся, что часть войска

еретиков, а особенно Умперская Твардия
Тудрун, могла еще быть возвращена в лоно
Умперии. Так же как Джерусс и его парни,
многие среди них стали невольными
пешками в измене Эструма, и
командующие предполагали, что наша
победа на плато должна была лишиться
лидеров заговора их авторитета.

Но теперь эти надежды рухнули.
Мозги некогда добродетельных людей
были выжжены и отравлены Хаосом.
Еретики заставили свои ворованные войска
стать лояльными.

Мы перемещались с помощью
метраврат, пройдя еще через шесть
засаженных сагами сфер, а затем
двинулись по широким, выложенным
плиткой дворам и залам с
асимметричными колоннами, чье
предназначение мы не могли даже
вообразить. Дважды еще мы вступали в
краткие перестрелки с солдатами
еретиков, заставляя их отступить в
кривые закоулки здания. Куда чаще нам
доводилось слышать звуки яростного,
полномасштабного сражения, которое,

казалось, шло практически рядом. Но ни разу не удалось увидеть ни самого сражения, ни его последствий.

Связь с командованием флота была прерывистой. Группа лорда Роркена, «Зачистка-Один», где-то сражалась. От «Зачистки-Четыре» Молитора сведений не поступало. Группа Шонгарда, «Зачистка-Пять», затерялась внутри метраскейна. Через нерегулярные промежутки от них поступали заученные вопли о помощи и жалобный полусумасшедший лепет о «невозможных пространствах» и «спиралях безумия».

От Тимуса Эндора ничего не было слышно.

На поверхности 56-Узар бушевала война. Командиры Гвардии Миренуа докладывали о победах у огненных озер, окружающих огромные молилитные здания, одно из которых неожиданно взорвалось изнутри.

Первые сарүти обнаружились в зале с бежевыми гладкими стенами, которые были настолько высокими, что мы не видели потолка. Вся найденная нами

жюжина ксеносов была мертва, их грудные клетки были рассечены, а серебряные жезлы вырваны из лап. Спиральную комнату, располагавшуюся за следующими воротами, устилали тела еще сотни. Среди серых мертвецов бродили бледные твари-рабы, вроде тех, что доставили Некротек на плато. Их лапы были вымазаны в ихоре. Мне показалось, что они только что вырвались на свободу, поскольку многие все еще волочили за собой оковы. Некоторые из них подобрали серебряные жезлы и теперь вгоняли их в тела своих серых хозяев.

Я не знаю, были ли жалкие бледные твари отдельной расой, порабощенной сарүти, или же принадлежали к выродившейся, мутировавшей за время рабства касте. Наше вторжение, судя по всему, каким-то образом освободило их, и они развернулись против собственных хозяев. Рано или поздно, но такая расплата настигает всех рабовладельцев.

Твари не пытались напасть на нас. Они словно и не замечали проходящих мимо них людей. С молчаливым,

методичным упорством они избивали
тела сарүти.

В гругом зале, с овальным
мозаичным полом и подозрительно
теплым воздухом, бесцельно сбивались в
кучу живые сарүти. Многие из них
потеряли жезлы и хромали, другие лежали
трясущимися грудами, запрокинув головы
к спине. Запах лакрицы, от чего бы он ни
исходил, в этом месте был очень резким.
На наших глазах через другие тетраврама
в зал вползли бледные твари и принялись
со спокойствием и неумолимостью
насекомых разрывать и избивать своих
прежних хозяев. Те не оказывали никакого
сопротивления.

Та же история повторялась и в
других залах и изгибающихся коридорах.
Сарүти либо лежали мертвыми, либо
бесцельно блуждали, а освобожденные рабы
находили их на ощупь и разрывали на
части.

Для меня до сих пор остается
загадкой значение этих сцен. Может
быть, сарүти сгались, стирались с такой
судьбой, или, быть может, какое-то другое

стечение обстоятельств лишило их воли к жизни и сопротивлению... Даже техножрецам и ксенобиологам не удалось узнать ответ. В конце концов, мы ведь знали только то, что природа этих существ чужда нам; абстрактна, загадочна и непостижима для человеческого сознания.

Когда мы обнаружили первосвященника Даззо, он находился при смерти.

В том метраскейне, где он лежал, произошло грандиозное сражение. Мозаичный пол устилали тела тысяч погибших: здесь были и пехотинцы Миренуа, и солдаты еретиков. Среди павших мы увидели также двоих Детей Императора и трех Десантников из Караула Смерти. Этот метраскейн значительно превышал размерами любой из виденных нами ранее, распространяясь за пределы доступных человеку измерений. Усеянная телами поверхность уходила в бесконечность.

Даззо лежал у подножия

асимметричного блока, монолитом поднимающегося из плиток. Тело эkkлезиарха было буквально изрешечено. Рядом с ним сидел Хелдан, прислонившись спиной к огромному камню и держа первосвященника в прицеле автоматического пистолета. Торс Хелдана покрывала кровь, а дыхание его было затруднено.

Он увидел, как мы выходим из тетраврат, и слабо опустил оружие.

--- Что здесь произошло, Хелдан?

--- Сражение, --- прохрипел он. --- Мы угодили в эпицентр. Когда инквизитор Эндор увидел этого негодяя, то повел нас в бой, чтобы добрать его. Все последующее несколько размыто.

--- Где Эндор? --- спросил я, оглядываясь вокруг и надеясь не увидеть его среди мертвых.

--- Ушел... ушел за Локот.

--- Куда?

Хелдан слабо тахнул на тетраврата, находящиеся на другом берегу моря трупов.

--- Лок заполучил Некротек? Я имею в виду Некротек сарүти...

--- Нет, --- ответил Хелдан. --- Но у него уже есть учебник для начинающих.

--- Что?

--- Даззо каким-то образом вытащил его из этой штуковины, --- сказал Хелдан, хлопывая по каменному блоку, на который опирался. --- Букварь их языка. Средство для перевода. Без него версия сарүти для нас нечитабельна.

--- Как, во имя Императора, ему это удалось? --- спросил Гвилар.

--- Силой сознания, --- сказал Хелдан. --- Разве не чувствуете остаточных следов ментального воздействия?

Я почувствовал, хотя след уже практически угас. Вытирающий из пола блок явно также был частью загадочных технологий сарүти и, возможно, являлся чем-то вроде имперского вычислителя. А может, был чем-то более разумным, почти живым. Даззо, с чудовищными ментальными силами которого мне уже доводилось сталкиваться, сумел разгадать суть и взломать блок силой мысли, вынуждая раскрыть свои секреты. Невероятные способности сознания.

триумф Воли.

--- Многогранник, --- добавил Хелдан. --- Неправильной формы, маленький и на вид словно сделанный из перламутра. Он выпал из блока прямо в его руки. Материализовался. Я видел это, пока пробивался к нему. Но перенапряжение разрушило мозг Даззо. Эндор пристрелил его. У еретика не оставалось сил на сопротивление.

--- А откуда ты знаешь, что это был... Букварь? --- спросила Биквин.

--- Прочитал в его ужасающем сознании. Как я уже и говорил, сопротивления оказать он уже не мог. Да вы сами посмотрите.

Я подошел к Даззо и опустился рядом с ним на колени. С окровавленных губ экклезиарха срывалось неровное дыхание. Я влез своим сознанием в его разум, с легкостью раздвинув жалкие остатки защиты и получив подтверждение словам Хелдана. Своей нечеловеческой силой воли Даззо удалось вытащить букварь из устройства сарүти, а заодно и узнать местонахождение Некротека ксеносов.

Утирая, он передал все это Локү, чтобы тот завершил задачу.

--- Грезор! --- прошипел Мугас.

Я обернулся. На дальнем краю тетраскейна появились солдаты еретиков, пробирающиеся через трупы. Но нам начали стрелять.

Гвилар и гүдрүниты открыли ответный огонь, пытаясь найти любое доступное укрытие.

--- Брат Гвилар, мне надо, чтобы вы удерживали этих ублюдков.

--- Что ты намерен делать, инквизитор? --- спросил он, взгоняя новую обойму в штурм-болтер.

--- Я иду за Локот и Эндором. Попроюсь сделать, что смогу.

Глава двадцать пятая КСЕНО-НЕКРОТЕК ИГРА ЗАКОНЧЕНА ЧЕЛОВЕК С ПУСТЫМИ ГЛАЗАМИ

Мы оставили перестреливающихся Гвилара и гугрунитов за спиной и нырнули в тетраврата. Биквин, Мугас и я рванулись со всей возможной скоростью по спускающему с толку спиралем и пересечениям гибнущего здания сарүти.

Я на бегу докладывал о ситуации командованию флота, но не получил ни ответа, ни другого знака, что меня услышали. Я попытался вызвать Тимуса Эндора, но и с ним связи не было.

При движении с такой скоростью эти места и вовсе превращались в четырехмерный лабиринт, но теперь в моем сознании держалась энграмма, извлеченная из памяти Даззо. Путь к

Некротеку ксеносов.

По моим ощущениям -- хотя и не едва ли можно было доверять, -- мы приближались к сердцу здания. Возможно, не физическому или топографическому центру, но, по крайней мере, той части многомерной постройки, которая располагалась наиболее глубоко в пластах деформированных и совмещенных пространства и времени.

Нам встречалось все больше сарути, бесцельно и слепо блуждающих на своих жезлах. Теплые, сверкающие туннели и выложенные мозаикой залы пропитались запахом лакрицы.

Откуда-то спереди донеслись приглушенные крики и выстрелы.

-- Титус? Титус! Это Эйзенхорн! Ты меня слышишь?

Вокс с треском ожил:

-- Грегор! Во имя любви Императора!

Мне нужна...

Связь снова оборвалась. Выстрелы стали ближе. Мы поспешили пройти через тетраврата и почти сразу же вынуждены были нырнуть в укрытие, поскольку титос

нас пролетели лазерные вспышки. Зал, в котором мы очутились, нельзя было назвать самым большим из увиденных нами в этом месте, но он был самым темным и мрачным, лишенным исходящего из полов и стен сияния, которое мы видели во всех остальных помещениях. Блестящий камень, покрывавший все здание, в этом месте был серым, потрескавшимся и словно мертвым.

Из пепельно-серого пола поднимался еще один блок, покрытый маслянистой зеленоватой субстанцией, стекающей по его бокам и собирающейся у основания. Этот блок очень напоминал тот, к которому прислонялся Хелган, но многократно превышал его размерами. Примерно на высоте роста среднего человека из блока выступала асимметричная полка, на которой лежал синий, лучащийся внутренним светом октаэдр.

Некротек ксеносов. Это мгновенно подтвердила энграмма Даззо.

Зал пропитался вонью Некротека, запахом лакрицы столь сильным и

насыщенным, что нас начинало мутить. Из стен и выгнутого потолка вырастали искривленные скульптуры из металла, костей и различной органики. С этой «поросли» свешивались грязные цепи, заканчивающиеся жуткими крючьями. Это было не творением сарүти, но прикосновением чистого Хаоса, порожденного Некротеком и заразившего материал, из которого состояло святилище ксеносов. Основной блок окружали меньшие по размеру колонны неправильной, ни на что не похожей формы. Среди них велась перестрелка. Втроем мы отбежали от освещенного пространства тетраврат и нашли себе убежище за ближайшим из блоков. Лазерные залпы рикошетили и отскакивали от каменных глыб.

--- Тутүс!

--- Грегор! --- Он прижился спиной к блоку, расположенному от нас в двадцати метрах, пройдя уже треть пути в глубь зала и стреляя из лазерного пистолета по фигурам, находившимся ближе к Некротеку.

Мне удалось увидеть Лока и восемь или девять солдат в черных панцирных доспехах.

Я поочередно посмотрел на Биквин и Мидаса, сидевших по разные стороны от меня.

--- Выбирайте себе цели, --- сказал я.

Мы начали стрелять, помогая Эндорю, и уложили по крайней мере одного еретика. Когда они укрылись за блоками, Титус вскочил на ноги и побежал вперед. Но вспышка лазера остановила его и швырнула на камень.

Тогда я сам побежал вперед, ведя огонь с обеих рук. Мои выстрелы откалывали куски от блоков и сразили одного из вражеских стрелков. Я подбежал к Эндорю.

Он был ранен в грудь. Если мы быстро не вытащим его отсюда, ранение станет смертельным. Я вытащил его в укрытие и дождался, пока Биквин доберется до нас.

--- Надавливай сюда! --- сказал я, кивая на свои руки, мокрые от крови старого друга.

Елизавета подчинилась.

Меня насторожил звук, похожий на раскат грома и исходящий откуда-то извне. Все вокруг затряслось. Следующий раскат заставил целую секцию изогнутого потолка неожиданно расколоться и рухнуть вниз каскадом обломков. В пролом проник холодный внешний свет. Секундой позднее в крыше появились еще три отверстия. Снаружи долетал приглушенный грохот бомбардировки.

--- Мугас!

Главианец уже пробирался ко мне слева, стенив карабин на изломы. В воздухе засвистели смертоносные главианские иглы. Земля снова затряслась. Рухнула еще одна секция потолка.

Оставив Эндора с Биквин, я перекатился от одного блока до другого, уходя из-под лавины вражеского огня. Мы с Мугасом перешли на использование примитивных телекоммуникаторов и стали переговариваться на глоссии:

--- Шип сопровождает эгиду, злобная буря.

--- Эгиде присоединяется, буря в три.

Я отсчитал три удара сердца и

устрелился вперед, в то время как Мугас
швырнул осколочную гранату и открыл
огонь из обоих игольных пистолетов.

Вспышка и грохот взрыва на
мгновение затмили даже наружную
бомбардировку. Один из еретиков взмахнул
руками, воспарил над полом и, прежде чем
рухнуть на землю, ударился о колонну.

«Бүрә», устроенная Мугасом для
прикрытия, позволила мне поглядеть к
Локу еще на десять метров. Однако больше
я его не видел. Продолжая сжимать болт-
пистолет, я левой рукой выхватил
энергетический меч и стал обходить
каменный блок.

Лок вместе с одним из своих людей
выбрал тот же момент, чтобы выскочить
мне навстречу. Мы выбежали из укрытий
и столкнулись лицом к лицу в узком
проходе между колоннами. Первый залп
моего пистолета прошел мимо
летявшего в сторону Лока и оторвал
левую руку его сообщнику. Прежде чем
забывающий солдат рухнул на землю,
выстрел лазерного пистолета Лока рассек
мне правое предплечье. В другой его руке

сверкнул выпрыгнувший из рукава кинжал. Мы сошлись в ближнем бою. Я попытался провести выпад, но меч обо что-то задел, и Лок успел отстраниться. Рукоять его кинжала ударила мне в лицо, опрокидывая меня на спину. С устешкой, которую я никогда не смогу изобразить, он поднял лазерный пистолет, чтобы выстрелить мне в голову.

И тут двухтонная каменная колонна, срубленная на высоте бедра моим мечом, обрушилась на Лока.

Я поднялся на ноги.

Горгон Лок был еще жив. Его живот и таз были раздавлены упавшей колонной, придавившей заодно и его руки. Он взирал на меня часто мигающими, удивленными глазами.

— Горгон Лок, властью Священной Инквизиции ты трижды проклят за свои действия, связи и верования, — начал произносить я первые слова отлучения.

— И-но... — прошептал он.

Прочитав над ним анафему, я вырезал кончиком меча над его бровью

знак ереси. К тому времени, как я закончил, он уже скончался от полученных ран.

Разрушающийся зал все еще содрогался. Крючья покачивались на своих цепях. В лучах холодного света через дыры в потолке текли пыль и обломки. Я нагнулся и нащупал в пропитавшемся кровью плаще Лока желчужный многогранник. Букварь. Я опустил его в карман и повернулся к приближающемуся Мугасу.

— Последние из его крыс сбежали, — сказал он, рассовывая излометы по кобурат. Он опустил взгляд на мертвого кораблевладельца. — Так сдохнут все еретики, да?

Я поднял руку, чтобы взять с полки Некротек ксеносов, и...

Понял, что не могу двигаться. Чья-то невероятная ментальная мощь заставила меня замереть на месте.

— И в самом деле, так сдохнут все еретики, — произнес чей-то голос. — Разверни его так, чтобы он мог меня двигать.

Сам того не желая, я развернулся, все еще держа руку вытянутой и поднятой. Я увидел, что Мугас тоже парализован, а его темное лицо застыло в попытке подать сигнал тревоги.

Передо мной, улыбаясь, стоял мой собрат, инквизитор Конрад Молитор. Рядом с ним стояли трое его слуг, скрытых под капюшонами.

— Какая доблесть, Грегор. Какая самоотверженность. Я так и думал, что именно ты найдешь этот приз.

Я попытался ответить, но губы отказывались повиноваться. Слюна выступила пеной между моих тесно сжатых зубов.

Молитор глянул на своих помощников, одетых в рясы.

— Позвольте ему говорить, — произнес он. Психические нуты на речевом центре ослабли. Но чтобы говорить, все равно приходилось прикладывать усилие.

— М-молитор, ч-что ты д-делашь?

— Конечно же, возвращаю бесценный Некротек. Мы же не можем позволить тебе уничтожить еще одну копию?

--- Мы?

--- Многие считают, что человечество извлечет больше пользы от изучения этого артефакта, чем от его уничтожения. И я здесь для того, чтобы защитить их интересы.

--- Р-роркен н-никогда не п-позволит... т-тебя с-сожгут за...

--- Мой почтенный Верховный Брат Роркен никогда об этом не узнает. Чувствуешь, как трясется все вокруг? Видишь, как раскалывается потолок? Десять минут назад я доложил, что первичная цель достигнута. И передал код для ввода в действие Sanction Extremis. Они считают, что Некротек найден и благополучно уничтожен. Теперь наши войска отходят со всей успешностью. А батареи флота принялись ровнять с землей строения ксеносов. Никто не узнает, что священный Некротек был благополучно вывезен. После бомбардировки не останется ни единого клочка, способного посеять сомнения в том, что книга была уничтожена. Ни клочка от доказательств... как и от тех, кто мог

бы возразить. — Глаза с желтыми
зрачками издевательски прищурились. —
О, какую отвагу проявил ты, отдав свою
жизнь во время шторма 56-Узар. Твое имя
напишут золотыми буквами на Стене
Чести. Уверяю тебя, я сам об этом
позабочусь.

— Уб-блюдок... — Я изо всех сил
сражался за свободу своего сознания, но
ничего не получалось.

Меня удерживал не Молистор, а один
из его слуг или сразу все трое в неимоверно
мощном сочетании.

— Дай его мне, — сказал Молистор
одному из своих людей, взмахом
клетчатого рукава указывая на
Некротек. — Нам следует убраться
отсюда как можно быстрее.

Грохот бомбардировки слился в
бесконечный рев. Один из слуг Молистора
скользнул вперед и снял с полки синий
октаэдр, взяв его ухоженными пальцами с
длинными ногтями. На некоторое время он
затер, изучая его, затем оглянулся на
Молистора.

— Бесполезно, — произнес он.

--- Что?

--- Нечитабельно. Содержимое защищено непроницаемым кодом языка ксеносов.

--- Нет! Этого не может быть! ---
запинаясь произнес Молитор --- Взломай код!

--- Взломал бы, если бы мог. Но это за пределами даже моих способностей.

--- Должен же быть способ перевести его! Человек, державший Некротек, оглянулся на меня:

--- У него есть букварь. Единственный букварь. Он старается не думать о нем, но я вижу это в его сознании. Поищи в карманах его плаща.

На лицо Молитора вернулась улыбка. Он подошел и протянул руку к карману своего плаща.

--- Сражаешься до последнего, Грегори. Сучий потрох.

Выстрел из лазгана отсек ему руку в запястье.

Молитор закричал и отшатнулся назад, зажимая другой рукой дымящуюся культю.

Неподалеку возникла Биквин, с
отрачной решимостью прижимающая
приклад лазгана к плечу и целясь в сердце
ультрарадикала.

--- Убейте их! Убейте! --- кричал
Молитор.

Я немедленно почувствовал, как
психическое давление усиливается, чтобы
прикончить меня. Но потом неожиданно
отпустило. Ментальная пустота
неприкасаемой Биквин оградила меня,
стоило девушке оказаться рядом. Слуга,
державший Некротек, в удивлении
отступил назад.

Молитор, доведенный до безумия
болью и гневом, увидел, что его могут
псайкеру каким-то образом помешали, и
закричал:

--- Албаара! Т'харт!

Коговые слова. Уничирующие слова.
Двое слуг, остававшихся рядом с ним,
прыгнули вперед, срывая с себя одеяния.

Арко-флагелланты.

Перепрограммированные еретики,
оснащенные аулметикой и бионикой и
используемые в качестве рабов-убийц.

Уничирующие слова вывели их из состояния утиропворенного счастья и привели в маниакальную ярость.

Под одеяниями скрывались терзательные, сугубые твари, покрытые грубыми хирургическими имплантатами и священными заклинаниями. Их руки заканчивались пучками электрохлыстов, а опухшие глаза выпучивались из-под края темных шлемов стирения, прикрученных болтами к их головам.

Когда они бросились на нас, мы с Мигасом и Биквин дружно выстрелили. Твари получили страшные раны, но продолжали двигаться. Их тела были накачаны стимуляторами, анаболиками и наркотиками, приводящими их в иступление. Они просто не почувствовали причиненного им вреда.

Один из них был не более чем на расстоянии вытянутой руки, когда чуть ли не полностью выпущенная мною болтерная обойма наконец остановила его. Последний выстрел оторвал армированную матрицу с химическими препаратами на его плече, распыляя жидкость в воздухе.

Через секунду тварь упала, забывшись в судорогах у моих ног, поскольку мой выстрел лишил ее источника наркотика и оставил только страдание.

Второй монстр к тому времени был напизгован главианскими излами Мугаса, но никак не реагировал на многочисленные раны. Мы стремительно бросились в разные стороны с его пути. Рева и размахивая своими кнутаподобными руками, тварь за Мугасом, изворачивавшись от ударов между колоннами. Только ловкость и скорость уроженца Главии спасала Бетанкора от упорных попыток схватить его.

Он понимал, что у него осталось всего несколько секунд. Мы с Биквин пытались прийти ему на помощь, но практически ничего не могли поделать.

Мугас сорвал с пояса сумку с гранатами, выдернул чеку одной из них, изворачиваясь и скрываясь за колоннами, едва успев уйти от шокирующего удара гибких плетей, оставивших шрамы на катне.

Мугас сделал вид, что собирается

швырнувшись влево, и бросился прямо на тварь, накинув ремень сумки ей на шею и прыгнув через голову монстра.

Гранаты взорвались с оглушающим грохотом и распылили безумствующего арко-флагелланта. Взрывная волна подхватила Мидаса, швырнув его в колонну, где он и упал без сознания.

— Эйзенхорн! Эйзенхорн! — вопил Молистор, пытаясь вместе с оставшимся слугой выследить меня.

В его голосе звенели боль и ярость.

— Держись рядом, — сказал я Биквин, пока ты отбегали в глубину зала. — Этому псайкеру не удастся ничего сделать со мной до тех пор, пока ты рядом.

Внезапно внутрь обрушилась половина потолка и значительная часть стены. Через секунду в воздухе разлилось ревущее оранжевое пламя.

Оглушенные и опаленные взрывом, мы с Биквин все-таки сумели быстро вскочить на ноги. Теперь зал оказался наполовину под открытым небом, затянутым черным дымом и расчерченным огненными всполохами.

— Пошли!

Вместе мы вылезли сквозь разрушенную взрывом стену, прокладывая путь по дымящемуся склону из битого камня и непонятого происхождения материала, используемого сарүти. Этот материал плавился и пузырился, словно пластмасса или плоть. Мы вышли на свет.

Мы стояли на поверхности здания сарүти. Было холодно, и над хребтами сегментированной белой крыши дул сильный ветер, несущий с собой запахи дыма и протетия.

Высота оказалась головокружительной. Желчужные стены гигантской постройки, твердые и гладкие как лед, дугой спускались к далекой земле. Биквин поскользнулась, и мне пришлось подхватить ее, чтобы она не съехала вниз.

Стоя на такой высоте под чуждым небом, мы могли наблюдать за происходящим на поверхности планеты. Мы видели звенья военных транспортов, пробивающих завесу дыма и улетающих к

кораблям-носителям на орбите. По белой
грязи пробирались солдаты Умперской
Гвардии, торопясь к дожидающимся их
десантным шаттлам. Они так спешили
убраться, что теряли рюкзаки, шлемы и
даже оружие. По влажной грязи с
пылением катились танки и
бронетранспортеры, направляясь к
тяжелым транспортникам, высунувшим
языки грузовых транов. Над озерами и
белой грязью все еще гревели выстрелы,
когда остатки войск еретиков напали
на отступающих солдат Умперума.

С небес били копы ослепительно
сверкающей энергии, разрушая все на
поверхности. Адмирал Спатиан буквально
воспринял инструкции Молитора и
теперь утюжил поверхность, превращая
планету в безжизненный обугленный шарик.
Всем инквизиторам, так же как и
капитану Куанвольфу с его
Десантниками, были переданы кодовые
слова о вступлении операции в последнюю
стадию. Молитор подписал всем нам
смертный приговор. После ввода в
действие Sanction Extremis не может

быть отменен, даже если бы мой коммуникатор работал, а не передавал электромагнитные разряды, сопровождавшие каждый орбитальный удар. В соответствии с ранее оговоренным планом после подтверждения уничтожения Некротика лорд адмирал Спатиан должен уничтожить место высадки со всей возможной скоростью. Времени на вывод наземных войск было в обрез.

Рухнуло еще одно здание сарути, расположенное километрах в двадцати от нашего. Его очертания, напугивающие переливающимся моллюска-наutilus, раскололись под синими лучами тяжелых лазерных пушек. Исходящие с галек, невидимых с земли кораблей смертоносные копья разрывали дымовую завесу и вонзались в планету. Слово настало время Суда, обещанного Заветом. Устребители и бомбардировщики налетали волнами и сбрасывали свой груз, распускающийся колеблющимся морем жутких цветов. Управляемые ракеты, обтекаемые, как акулы, проносились над головой, совершая свой первый и последний

полет от костического корабля до наземной цели.

Здание взорвалось и осело. Как круг по воде, побежала взрывная волна, сглаживая на своем пути все неровности ландшафта. Из центра воронки поднялась высокая колонна белого дыма и непла, развернувшаяся на пятнадцатикилометровой высоте в грибовидным облаком.

Зрелище было потрясающим, ошеломительным. Мы с Биквин устроились на него. Через несколько мгновений та же история повторилась позади нас, в сорока километрах, когда разрушилось еще одно здание сарүти.

И несомненно, то здание, на гладком изгибе крыши которого мы стояли, вскоре постигнет та же судьба. Я понимал, что его координаты уже загружены в мозги оружейных сервиторов флота.

Мы побежали вдоль изогнутого сегмента крыши. В черном дыму появились красные огни дюз десантных челноков, направляющихся к пехотинцам Миренүа, еще остававшимся на земле.

Меня изумляла самоотверженная отвага экипажей транспортников. Спатиан не собирался останавливать бомбардировку, чтобы дать им время слетать туда и обратно. Они рисковали всем, пытаясь долететь до поверхности и забрать как можно больше солдат.

— Грегор! — прокричала мне в ухо Биквин.

Я обернулся. Из дыры, проделанной взрывом, на крышу выбирались Молитор и его прихвостень. Пошатываясь, они стали подбираться к нам.

Мимо меня прогудел лазер. В том месте, где он поцеловал желчужную поверхность, остался обугленный шрам.

— Букварь, сучий потрох! Отдай мне Букварь! — верещал Молитор.

Вместо этого я выпустил в него целую болтерную обойму.

Первый болт отколол кусок от крыши. Но последующие взорвались в левом бедре, животе и горле ультраградикала.

Конрад Молитор дергался, пока разрывные болты выполняли свою работу, а затем упал. Его изувеченные останки

скатились с кривой крыши и исчезли, оставив на перламутровой поверхности кровавую полосу.

Его прихвостень пошел вперед, не обращая внимания на мои выстрелы и скидывая с себя бесформенный плащ с капюшоном.

Под ним он оказался голым. Он был высоким, мускулистым, с гладкой кожей, покрытой золотистым загаром. На его привлекательным лицом с безупречными чертами из густой шевелюры выглядывали крошечные, рудиментарные рожки.

Его глаза были пусты.

Пророческие сновидения воплотились в явь.

Ужас охватил меня и вывернул наизнанку мое сердце.

Глава двадцать шестая

ЧЕРУБАЭЛЬ

НА ГРАНИ

ЭКСТЕРМИНАТУС

Человек с пустыми глазами -- хотя, сказать по правде, не был человеком этот демон в человеческом обличье, -- шел ко мне по сверкающей поверхности. В своей изысканной лагони он держал сверкающий октаэдр нечестивой книги сарүти.

-- Грегор, пожалуйста, отдай мне букварь.

-- Ты еще что такое?

-- Здесь не самое подходящее место для знакомства. -- Он обвел жестом происходящее вокруг. В грязь неподалеку от нас ударили копыта аннигиляции.

-- Доставь мне удовольствие, -- произнес я.

-- Ну ладно. Меня зовут Черубаэль. А теперь давай букварь. Время уходит.

--- Время всегда уходит, --- сказал я. ---

Кто тебя сотворил?

--- Сотворил меня? --- лукаво улыбнулся человек с пустыми глазами.

--- Ты... демонхост. Тварь, вызванная из мира духов. Скажи мне, кто сотворил тебя и кто приказал вам с Молитором заполучить этот предмет... И может быть, я отдам букварь.

Он растеялся и облизал тонкие губы блестящим, раздвоенным языком.

--- Грегор, будь с тобой откровенным. Тебе придется отдать букварь. Или ты немедленно отдашь его мне, или я буду вынужден забрать его самостоятельно. А заодно --- переломать все кости в твоём теле. И воспользоваться этой девочкой рядом с тобой. И ей тоже переломать все кости. А потом я стащу ваши угрожающие тела в зал под нами, где повешу на крючьях и буду развлекаться, пока бомбардировка не оставит здесь катня на камне. --- Он сделал паузу. --- Выбирай.

--- Ты снился мне задолго до этого момента. Почему? --- продолжал давить я.

— У тебя есть особый дар, Грегор. А время не вектор, как люди любят полагать. Одна секунда в варне доказала бы тебе это. Впрочем, это должна была бы доказать и секунда пребывания в четырехмерном пространстве сарүти. Твои сны были всего лишь пророческими кошмарами.

— Кто тебя сотворил? — Мой голос был настойчив.

Прозвучавшего ответа я ожидал менее всего, и он ошеломил меня.

— Грегор, меня сотворила Священная Инквизиция. Твои собратья сотворили. А теперь, в последний раз прошу, отдай...

Демонхост резко обернулся, услышав раздавшиеся снизу голоса. Брат-капитан Куанвольф выбрался из пробоины в сопровождении Мугаса и еще одного десантника Караула Смерти, несущего обмякшее тело Тимуса Эндора.

Куанвольф вскинул штурм-болтер и выстрелил в человека с пустыми глазами.

Черубаэль вытянул руку и схватил разрывные болты прямо на лету.

— Вали отсюда, ублюдок Астартес! —

закричал он Кюанвольфу. --- Тебя сюда не приглашали!

Демонхост двинулся ко мне. По его светящейся коже метались энергетические разряды. Я почувствовал вонь разложения.

Мы стояли вплотную.

Он протянул руку ладонью кверху. Его ногти были глиняными, отполированными и заостренными, словно когти.

--- Найти неприкасаемую, чтобы помешать мне... Умно. --- Он посмотрел на Биквин. --- Как тебе это удалось?

--- Судьба, как и время, нелинейна, Черубаэль. Ты и сам, без сомнения, знаешь это. Я нашел Биквин так же, как сны о тебе нашли меня.

Он кивнул:

--- Ты мне нравишься, Грегори Эйзенхорн. Столь многообещающий и хитрый соперник... для человека. Мне бы доставило большое удовольствие побеседовать с тобой и преломить хлеб... Но этого не будет! --- внезапно обрубил он. --- Отдай букварь!

Я вынул многогранник. Его улыбка

стала шире.

Я бросил артефакт на гладкую крышу и, прежде чем тот успел соскользнуть, раздавил его каблучком сапога.

Демонхост отступил назад и пристально посмотрел на оставшиеся от бункера осколки.

Черубаэль снова погнул на меня глаза:

--- Грегор, ты исключительно самоотверженный человек. Я бы получил истинное наслаждение, убивая тебя, если бы нашелся подходящий день и час. Но ты уже и так мертв. Этому зданию осталось существовать двести сорок секунд. Можешь пока насладиться вот этим. --- Он бросил в меня Некротек ксеносов, и я поймал его одетой в перчатку рукой. --- Ты выиграл. Можешь взять его в качестве утешения в загробной жизни.

Он побежал к краю крыши, а затем взметнулся в великолепном прыжке, подняв руки. На мгновение завис в воздухе, сложился пополам и, совершив сальто, скрылся в огненном озере внизу.

Я притянул к себе Биквин, дожидаясь,

пока приблизятся Куанвольф, Мугас и еще
одни Десантники из Караула Смерти.
Эндор, безвольно повисший на руках воина,
казался мертвым. Я подумал, что хорошо
бы так оно и было, потому что уже через
мгновение все вокруг исчезнет в огне.

— Шипы розы от эгиды, сверху и... в
общем, сверху, во имя Императора!
Чертова глоссия! Пошевеливайтесь!

Мой боевой катер опустился к крыше
здания, распахнув зев скала. Я видел
фишига, сидящего в кабине и орущего в
вокс. Рядом с ним стоял Эмос.

Я наблюдал за разрушением 56-Узар с
платформы «Святого Скифуса». Молочную
поверхность планеты лизали языки адского
пламени, каждый размером с континент.

Sanction Extremis.

Экстерминатус.

Вслед за реками огня шли вирусные
бомбы. Бурлящие штормы искусственно
созданной чумы. Ядерное безумие.

К тому времени, как мы покинули
планету, на ее поверхности осталась
только зола. С расой сарүти контактов

больше не происходило.

И грязный, жаркий свет Некромена
угас навсегда.

Эпилог ПАМОФРЕЙ

Мы отдыхали в Памофрее.

Сорок недель полета через
Ультатериум принесли триумф победы.
Флот отправился к Трациан Примарис, и
в последний раз я увидел сержанта
Джерусса, когда тот махал мне рукой в
дымном, шумном баре.

Я арендовал виллу «Звуки Памофрея».
Мигас спал большую часть дня, коротал
ночи за игрой в регициг с Эмосом и
Фишигом. Биквин загорала на солнце и
плавала в волнах.

Я же сидел на просоленной открытой
веранде и взирал на пляж как бог,
забывший свои творения.

Нам еще предстояла масса работы.
Необходимо было писать рапорты,
объяснительные и присутствовать на
допросах. Лорд Роркен вызвал нас на
трибунал, и Высшие Лорды Терры
ожидали подробного отчета по данному

делу. Впереди маячили месяцы бумажной работы, слушаний и ревизий. Силу, стоявшую за Молитором и демонхостом, так и не удалось установить. И хотя лорд Поркен не меньше моего стремится найти ответ, я сомневаюсь, что это окажется просто. Вопрос может годами гнить в лабиринтах медлительной, неуправляемой бюрократической машины Инквизиции.

Но я не позволю спустить это дело на тормозах. Как только у меня появится время заняться следующим расследованием, я всецело отдамся поискам хозяина Черубаэля. Из-за его тахинаций благословенное правление человечества чуть не постигла неимоверная трагедия.

Я не забуду и сарүти. Они стали наглядным примером (хотя вряд ли мы в нем нуждались) того, как развитая цивилизация может быть целиком поглощена Хаосом.

А пока торские птицы кружат в потоках порывистого ветра. Разбиваются волны.

Человек с пустыми глазами все так
же проникает в мои сны.

Эхо минувшего или рябь грядущего?

Поживет -- увидит.